

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт международных отношений, истории и востоковедения

Региональное молодежное общественное движение
молодых ученых и специалистов Республики Татарстан

Казанское отделение
Российского общества интеллектуальной истории

Университет
как научное, образовательное
и культурное пространство

Сборник статей

Казань 2015

Редакционная коллегия: В. Е. Туманин, М. В. Вятчина

Университет как научное, образовательное и культурное пространство. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Университет как научное, образовательное и культурное пространство», Казанский (Приволжский) федеральный университет, 12–13 сентября 2014 г. – Казань: изд-во «ЯЗ», 2015. – 196 с.

Сборник объединил статьи, посвященные страницам истории университетской корпорации и приуроченные 210-летию Казанского университета, а также тексты докладов участников Всероссийской молодежной конференции.

© Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт международных отношений, истории и востоковедения, 2015

© Региональное молодежное общественное движение
молодых ученых и специалистов Республики Татарстан, 2015

© Издательство «ЯЗ», 2015

© Авторы

Содержание

Секция 1. Роль университетов в научно-образовательной и культурной жизни России в XIX–XX вв.

Тринкунас Т.И. Становление Университетского Устава 1804 года и его роль в развитии российского просвещения	6
Белякова К.В. Магницкий Михаил Леонтьевич и его ревизия в Казанском университете	13
Хазиахметова Р. Р. Владимир Михайлович Бехтерев и развитие невропатологии в Казанском университете	20
Туманин В. Е. Казанское славяноведение во второй половине XIX – начале XX вв.	31
Бекмурзаева Э.М. В.И. Григорович как один из основателей Казанского славяноведения	43
Гущина Е. Г. Концепции формирования этнографического собрания Казанского университета во второй четверти XIX – первой четверти XX вв.	49
Хуснутдинова К.Ю., Сафиуллин А.А. «Кряшенский вопрос» в трудах членов Общества археологии, истории и этнографии	61
Калимуллина Л.К., Титова Т.А. Быт казанских татар в сочинениях Карла Фукса	68
Галелтдинова Л.Р. История появления коллекций татарских шамаилей в Этнографическом музее Казанского университета	76
Вятчина М. В. Этнографы-естествоиспытатели: участники студенческих экспедиций Казанского университета в 1910–1922 годах	85

Воскресенская Е. В. «Женский вопрос» в университетской среде России в 60–80-ых гг. XIX века..... 95

Павлова Л. В. Еврейское студенчество Казанского университета во второй половине XIX века 101

Секция 2. 80-летие восстановления исторических факультетов в России

Ермолаева К.А. Студенческий кружок «Военный историк» как часть научно-образовательной жизни исторического факультета Казанского университета..... 111

Лядвейкина Е.А. Патриотическое воспитание на отделении истории в Казанском федеральном университете 118

Евтушенко Е. Е. Историю надо знать, историю надо помнить..... 124

Секция 3. Университет XXI века

Ханнанова Р.Р. Казанский федеральный университет XXI века глазами студенческой газеты «Казанский университет» 133

Баталова Н. Т., Исмагилова Т. В., Михайлов В. С. Позитивные стороны международного межвузовского сотрудничества 145

Сибгатуллин Р.Р. Развитие университетского образования: политика, культура, наука..... 152

Тихонькова Ю.А. Инклюзивное образование в современной образовательной системе 163

Нуруллин И.К. Внутриуниверситетская жизнь в контексте социокультурных явлений современности 170

Галиуллин М. З. Государственная политика народного образования в Республике Индия..... 176

Галимова Т.Р. Комплексное развитие искусства и искусствоведения в Китае. Китайская национальная академия искусств.....	186
Гришин Я.Я., Шагалов В.А. Отделению международных отношений – 20 лет.....	191

Секция 1. Роль университетов в научно-образовательной и культурной жизни России в XIX–XX вв.

Тринкунас Т.И.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Становление Университетского Устава 1804 года
и его роль в развитии российского просвещения**

Известно, что Александр I в начале своего правления задался большими реформаторскими идеями, которые могли бы поднять престиж Российской империи. Это способствовало бы росту престижа страны в мире, новым достижениям в социальной, духовной и других сферах жизни общества. Однако мы можем так же сказать о том, что обществу были нужны государственные служащие, для поддержания внутреннего порядка и своевременной модернизации и реформирования общества. Все это могло стать возможным лишь при наличии высших учебных заведений, где готовили кадры для государственной службы. Так, Александр I начал царствование с учреждения трех высших учебных заведений [5. С.6]. Как мы помним, первый университет Российской империи был создан в 1755 году, он действовал по своему уставу, однако появление других университетов ставило вопрос о том, что нужен общий устав, по которому они все смогут функционировать. Устав определял место и роль университетов в политике проводимой государством в области просвещения. Именно устав раскрывает уровень организации высшего учебного заведения, но так же это свод правил.

Вопрос о народном просвещении начал обсуждаться с конца декабря 1801 г. на Негласном комитете.

Точки зрения по вопросу выбора модели образования среди членов комитета различались. Существовала французская модель, заключавшая в себя систему профессиональных училищ, членом которого являлся граф

П.А. Строганов. Другой моделью была немецкая система образования, которую впоследствии была выбрана царем Александром I. Причиной выбора немецкой модели образования заключалось в том, что большое влияние на царя оказывал его воспитатель – Фредерик Сезар де Лагарп, немец по происхождению, прививавший ему идеи духа свободы эпохи Просвещения. И в секретной записке, отправленной царю 16 октября 1801 г., именно им была впервые выдвинута идея создания Министерства народного просвещения [4. С. 353]. Лагарп разделял такой взгляд, что истинное благо для государства состоит в том, чтобы каждый житель империи мог бы приобщиться к знаниям. Он видел эффективность системы образования, которая сложилась в Германии, так как она была признана центром науки и просвещения. Эта модель и была выбрана в силу многих обстоятельств. Например, группа российских студентов уже обучалась в Германии, были контакты с Кельнским университетом и т.д.

Разобравшись с тем, какую модель использовать, в марте 1802 года был создан Особый Комитет, целью которого была разработка системы учебных заведений, одной из целей было так же определение округов для открытия новых университетов. Членами были: сенаторы Муравьев и Потоцкий, Н.И. Фус и др. Были определены учебные центры, разработана часть законопроекта, касающаяся устройства и управления училищами трех уровней [4. С. 353]. Стоит отметить тот факт, что комитет занимался анализом уставов Академии наук, Московского университета, чтобы сравнить с действующими уставами иностранных учебных заведений и сделать поправки. Однако мы не можем утверждать о точных результатах деятельности этого Комитета, так как сохранилось мало данных в архивах. «Университетский» вопрос не был решен, но деятельность Комитета была важным шагом для последующей университетской реформы и создания Устава 1804 года. В сентябре 1802 года было создано Министерство народного просвещения. В его обязанности входило: ведомство кадровым составом университетов; составление сводов правил и уставов для

образовательных учреждений [5. С. 8–9]. С 1803 года в ведении министерства находилась Императорская Академия наук [5. С. 13]. Но уже с ноября 1802 г. «университетский вопрос» был изъят из компетенции у Комиссии об училищах (созданной при министерстве просвещения) и самого Министерства народного просвещения.

Значительную роль в процессе составления университетского Устава 1804 г. сыграл проректор Дерптского университета Г.Ф. Паррот. Сам Г.Ф. Паррот был человеком очень образованным, разносторонним, и имел тесную дружбу с самим Александром I, который разделял его взгляды на развитие Российской империи [4. С. 355–356]. Благодаря ему был утвержден Устав Дерптского университета 12 сентября 1803 г. В «Акте постановления» Дерптского университета закрепляется «университетская автономия», которая в свою очередь перешла на другие университеты. В этом уставе впервые были сформулированы частично перешедшие и в Устав 1804 г. статьи, направленные на соединение университетской науки и преподавания.

«Общий» Устав составлялся медленно, осторожно, требовались практические модели, на который он мог бы опираться, коим и стал «Акт постановления» Дерптского университета. Однако то, что он был «общим» не означало, что в нем нельзя было сделать небольшие поправки, в соответствии с местностью, где находился университет. Университетский Устав вышел 5(17) ноября 1804 года. По уставу университеты становились автономными, получали демократию при решении вопросов университета, но все же не удалось ввести свободу преподавания. Особенно важным местом в Уставе является параграф 187: «Университет и Профессора порознь выписывают беспрепятственно все сочинения какого бы они содержания ни были; но Цензурный Комитет обязан просмотреть те из них, кои для Университетской Библиотеки назначены, и сообщает Библиотекарю на замечание, если которые признает соблазнительными

или вредными» [1]. Здесь содержатся те либеральные начала, за которые в последующем деятельность университетов будет ставиться под вопрос.

Еще до проявления кризисной ситуации в общественном настроении, вызванной Отечественной войной, уже с 1805г. начинают приниматься меры по предупреждению «реформаторских увлечений». И уже с этого времени государство начинает привлекать «Божие» на служение государственному порядку.[6. С. 87]. Неудивительно, так как институт церкви всегда поддерживал основы самодержавия, царской власти. Для этого начинает проводиться ряд мер: так в 1808 была учреждена «Комиссия духовных училищ», которая составила первый устав духовно-учебных заведений, по которому они распадались на три группы: низшие — духовные училища (уездные и приходские), средние — духовные семинарии и высшие — духовные академии. А уже с 1811 г. евангельское учение становится обязательным для изучения в школах. [6. С. 87].

В 1814 году издается указ на имя Комиссии духовных училищ, который развивает программу духовного просвещения. « Я желаю, чтобы комиссия обратила внимание... на эти училища, чтобы устроить их в прямом смысле училищами истины. Просвещение, по своему значению, есть распространение света и, конечно, должно быть того, который во тьме светиться, и тьме его не объять. Сего то света держась во всех случаях, вести учащихся к истинным источникам и теми способами, коими Евангелие очень просто, но премудро учит...Я удостоверен, что комиссия духовных училищ, призвав Спасителя в помощь, употребит все свои усилия к достижению цели, без которой истинной пользы ожидать нельзя» [2. С. 911].

Осознанно был указан в данной работе отрывок из указа 1814 г., так как здесь мы видим, определение просвещения, как «распространению света», и общая направленность проводимой политики в пользу церковных наставлений. Александр и его правительство опасалось «злоупотребления разума», на предотвращение чего и был направлен указ. Здесь мы

наблюдаем ситуацию, когда происходит отход от проводимой политики в области просвещения первого десятилетия XIX века. Устав 1804 года, безусловно, продолжает функционировать, но если раньше, факультет «Толкования Священного Писания и Церковной Истории» являлся одним из факультетов отделения нравственных и политических наук, то с этого времени, он становится приоритетным.

В 1813 г. 11 (23) ноября Александр I издает указ об основании Российского библейского общества, и первым его президентом становится князь А.Н. Голицын. Главной целью этого общества было: «разъяснить людям великую важность Библии, распространять чтение ее, убеждать к употреблению ее в воспитании» [7. С. 23]. Объяснялось это тем, что незнающие слов Библии не могут найти путь к спасению. Из этого исходит, что люди могут навредить сами себе своим незнанием. Общество же делает благое дело, распространяя слово Божие. Другой целью, не менее важной, было: «исправление нравов между азиатскими народами Русской империи и распространение между ними христианства через сообщения ими книг св. писания на их языках» [7. С.23.].

Какова же была причина того, что политика Просвещения Александра I изменилась? Как уже было сказано, основную роль в этом сыграла Отечественная война 1812 года. Российские солдаты, воевавшие на территории других государств, видели их положение дел, быт и культуру. Не случайно российское правительство боялось распространения вольнодумства в кругах военных, а так же студентов, которые были отправлены учиться за границей. Это могло стать большой угрозой для империи. Так и произошло, стоит вспомнить лишь восстание декабристов. Христианство же помогало утешить солдат, вернувшихся с войны, разряжая тем самым накал, который был в настроении общества.

В это время кардинально меняется курс образовательной политики, теперь стоит задача – создать государство, в котором все христианские религии были бы равны, и ценность научного знания замещается

просветлением от Библии. Общехристианское государство Александра – это мистицизм Европы конца 18 в., в котором мировое единство постигается с помощью христианских учений, объединенное под одно – евангельское. Не стоит забывать и про романтизм России 19 в., который был реакцией в сфере культуры на Французскую революцию. Но и агитационно-массовая деятельность внутри страны, которая способствовала поднятию боевого духа во время войны, после, стала фактором раздражения, агрессии. Психика людей усваивала за образец решения конфликтов спорным насильственным способом. Христианство же помогало утешить солдат, вернувшихся с войны, разряжая тем самым накал, который был в настроении общества. Многоэтничный состав Российской империи так же требовал объединения народов под единым началом. И, как мы понимаем, единое начало – это не просвещение в европейском духе. Библейское общество способствовало распространению христианства: разрабатывало пособия для школ, в которых основное место занимали религиозные догматы; занимались переводом Библии, на языки народов России и т.д.

Но консервативно настроенная часть двора Александра, так например А.С. Шишков и служители православной церкви были против проводимой мистической идеологии с помощью евангельских текстов. Шишков в письме к Александру I пишет, что цель Библейских обществ «составить из всего рода человеческого одну какую-то общую республику и одну религию — мнение мечтательное, безрассудное, породившееся в головах или обманщиков, или суемудрых людей». Он обвиняет данные общества в том, что никто не несет ответственности за тексты переведенных Библий. Следовательно, это представляет большую угрозу для государства.

В 1824 году А. С. Шишков сам становится министром народного просвещения. Этот факт показывает, что курс политики в области просвещения, образования, изменился в сторону консервативной партии.

Деятельность Библейских обществ запрещается. В то же время, университетская политика становится строже и теперь строиться на религиозно-нравственных началах в обучении. В двадцатых годах эта идея воплотилась в походы М.Л.Магницкого и Д.П.Рунича на университеты. Православие стало основой для воспитания юношей. Прежние учебники и учебные руководства признали западными и подвергли цензуре.

Устав 1804 г. явился важным шагом в развитии университетского образования в России, был создан прецедент в российской истории, даровав автономию университетам. Но все же, это оставалось более на бумаге, чем сотворено в жизнь. Причиной этому была борьба различных группировок, партий, находившихся при дворе императора. Каждая из них видела свой способ просвещения, развития страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Университетский Устав (5 ноября 1804). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/327>.
2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXXII. №25.673. СПб., 1830.
3. Аврус А. И. История Российских университетов. М.: «Общественный научный фонд», 2001. – 85с.
4. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. – 640 с.
5. Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М.: «Языки русской культуры», 2000. – 340 с.
6. Котович А.Н. Духовная цензура в России (1799-1855 гг.). СПб., 1909. – 607 с.
7. Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. Петроград, 1916. – 478 с.

Белякова К.В.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Магницкий Михаил Леонтьевич и его ревизия
в Казанском университете**

Проведение основ «христианского благочестия» было возложено на министра и подчиненное ему главное училищ правление, где скоро главную роль стал играть Магницкий. Положение высшего образования стало тяжким, был поднят вопрос об окончательном упразднении университетского образования.

Ревизия Казанского университета, осуществленная в 1819 г. М.Л. Магницким, членом Главного правления училищ Министерства духовных дел и народного просвещения, обычно интерпретировалась в отечественной историографии исключительно как «погром», как одна из самых зловещих мер александровской политики того времени. Миф о погроме явился одним из важнейших элементов, на которых держалась историографическая конструкция «реакционного поворота 1820-х гг.» В этой конструкции казанская ревизия приобрела характер важнейшего, знакового события, ключевого для внутренней политики этого периода, став своего рода символом мракобесия, обскурантизма и крайней реакции [1].

В подавляющем большинстве как дореволюционных, так и современных исследований, ревизия интерпретировалась как прелюдия антилиберальной и обскурантистской чистки, как акция, которая была обусловлена стремлением Магницкого «публично разрушить» Казанский университет. Историки и публицисты обвиняли Магницкого в невежестве, незнании особенностей университетской жизни, предвзятости, карьеризме, интриганстве. Утверждалось, что сроки, в которые была проведена ревизия, были чрезмерно краткими для того, чтобы выявить объективную картину состояния Казанского университета. Подразумевалось, что

ревизия была вызвана политическими, а не академическими мотивами, тем более не какими-либо вопиющими злоупотреблениями, поскольку университет был заведомо вне подозрений в силу того, что являлся «заповедником» свободы и прогресса. Общим местом стало утверждение об изгнании Магницким из университета 11 лучших профессоров из 25 с последующей их заменой на благонадежных гимназических учителей — людей, заведомо недостойных, интриганов и льстецов, пресмыкающихся перед новым попечителем [2].

М. Л. Магницкий должен был выявить причины расстройства финансово-хозяйственной и учебной частей университета и представить предложения по разрешению сложившейся ситуации. Причем министра интересовало прежде всего «может ли сей университет с пользой существовать и впредь» и лишь в случае, если проверяющий сочтет, что наладить работу университета невозможно, то министр желал знать «предположение на каком основании должны быть управляемы заведения, по округу Казанскому причисленные» [3].

К письму приложена инструкция «записка о предметах какие при обозрении Казанского университета и подведомых ему учебных заведениях заслуживают особенного уважения». Ревизору предстояло выяснить реальное число студентов, осмотреть помещения и указать суммы, необходимые на их ремонт и переделку, проверить бюджет университета. Министра интересовала оправданность имевшихся перерасходов. Под наблюдением Магницкого Совету надлежало избрать на вакантное место нового ректора. «Желательно, – писал А. Н. Голицын, – чтобы выбор сей пал на способнейшего из Профессоров к исправлению сей важной должности при затруднительности состояния, в каком университет находится» [4].

Эта знаменитая ревизия и положила начало его «блестящей» карьере по ведомству народного просвещения. Результатом ревизии явилось обширное донесение, в котором Магницкий, вполне выказавший свои

способности сыщика, в самых черных красках рисует современное состояние университета. Весь этот документ является своего рода перлом изуверства и религиозного мракобесия той эпохи, он заканчивается классическим выводом о необходимости уничтожения университета [5]. При этом Магницкий указывает, что уничтожение может быть двух родов: в виде приостановления университета или в виде публичного его разрушения. Сам автор донесения стоит за последнее средство и подкрепляет свое положение следующим соображением: «Акт об уничтожении Казанского университета тем естественнее покажется ныне, что, без всякого сомнения, все правительства обратят особенное внимание на общую систему их учебного просвещения, которое, сбросив скромное покрывало философии — стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом.» [6]. Но этот энергичный план, напоминающий в общих чертах реформаторские предположения полковника Скалозуба, встретил противодействие в главном училищ правлении; здесь крайнюю левую представлял петербургский попечитель, будущий министр Николаевской эпохи — Уваров.

Вместо «публичного разрушения» было решено произвести в университете коренные реформы; и проведение новых начал было возложено на назначенного попечителем Казанского округа Магницкого. Теперь для его деятельности открылось широкое поле, и университету пришлось подвергнуться целому ряду всевозможнейших экспериментов.

Избрание ректора было заменено назначением; но мало того, была еще создана новая и стоящая в известном отношении выше компетенции ректора власть директора университета. Должность эта не значилась в уставе 1804 года и вызвана была новыми условиями, в частности желанием Магницкого иметь своего клеветы, свои «очи и уши».

«Директор университета — говорится в инструкции, — есть доверенный гражданский чиновник, которому правительство поручает хозяйственное и полицейское управление университета, в качестве

председателя правления и лично важную часть нравственного образования воспитанников». В дополнение к этому появился «назначенный» инспектор студентов. Произведя ломку в административном строе университета, Магницкий составляет инструкции директору и ректору университета, где в различных формах высказывает свои основные мысли и требования. В первой инструкции мы читаем, между прочим, следующее: «Цель правительства в образовании студентов состоит в воспитании верных сынов православной церкви, верных подданных государю, добрых и полезных граждан отечеству... Душа воспитания и первая добродетель гражданина есть покорность. Посему послушание есть важнейшая добродетель юности; в молодости только, упражнением покорности, получает воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается и для благосостояния общества столь необходима» [7].

Инструкция ректору представляет еще больший интерес; здесь кроме общих директив даются планы ведения университетского преподавания по кафедрам. Представителю кафедры политических наук даются следующие указания: «Благоразумное преподавание политического права покажет, что правление монархическое есть древнейшее и установлено самим Богом; что священная власть монархов, в законном наследии и в тех пределах, кои возрасту и духу каждого народа свойственны — нисходит от Бога, и законодательство, в сем порядке устанавливаемое — есть выражение воли Всевышнего» [8]. Инструкция представителю кафедры русской истории: «Профессор истории российской преподаст ее во всей нужной подробности. Он покажет, что отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные государства и докажет сие распоряжениями по части учебной и духовной Владимира Мономаха, показав в то же время положения других европейских государств в сем отношении. Он распространится о славе, которою отечество наше обязано августейшему дому Романовых так, как и о добродетелях и патриотизме его родоначальника» [9].

В заключении инструкции Магницкий выражает убеждение, что реформированный Казанский университет «приобретет отличное покровительство правительства, благодарность общества, уважение иноземных народов и славу в истории.» Для приведения в исполнение поставленных задач необходимо было: 1) разогнать большинство профессоров и заменить их угодливыми исполнителями «новой науки» и 2) ввести самую строгую опеку и бдительный надзор за учащимися.

Большинство профессоров было уволено Магницким, поэтому проходило замещать кафедры людьми, часто совершенно невежественными, но зато вполне пропитанными новыми религиозно-реакционными идеями. Магницкий энергично вмешивался в университетское преподавание и очень властно распоряжался судьбами отдельных научных дисциплин. Так, он заменил изучение римского права правом византийским, ввел преподавание западных конституций (с целью доказывать превосходство самодержавной власти) и, наконец, открыл целый поход против учений естественного права. Научное преподавание было подвергнуто самой тщательной опеке; кульминационным пунктом в этом направлении было распоряжение о представлении на утверждение конспектов курсов.

В массовом сознании доминирует тенденция воспринимать сообщенные факты как доводы в пользу определенной концепции. Такие концепции рисуются в черных и светлых красках резкими, легко воспринимаемыми штрихами, запоминаются в неизменном виде. Магницкий не был положительным героем в истории. Но не был и ортодоксальным злодеем.

Свой имидж реакционера и обскуранта Магницкий получил, став попечителем, пытаясь навязать созданную им систему управления Казанским университетом на университеты России. Негативное восприятие современниками его действий порожидала “нечистоплотность” моральных качеств - интриганство, склонность к доносам, предательству.

Сквозь призму этих оценок, этого неприятия все действия попечителя обретали в глазах современников скрытый злодейский смысл.

Кроме того, сама функция «ревизор» в сознании российских образованных людей фигура нарицательная. Образ Хлестакова уже давно перешел в разряд метафор. В этой связи историки не раз сравнивали Магницкого с гоголевским героем. Так, Н. Булич писал: “Без сомнения неожиданное появление ревизора, имевшего большие полномочия, могло походить на заключительную немую сцену гоголевского ревизора... Это был не действительный ревизор... С большими данными ему полномочиями и властью, с громадным самомнением, с хвастовством и познаниями, напоминающими гоголевского героя, но без его простодушия и доброты, Магницкий только мог вредить.”. То есть он хуже Хлестакова.

Кроме негативного имиджа ревизора, был еще ряд факторов предопределивших складывание именно такой версии событий. Дело в том, что университет в сознании либеральной интеллигенции России XIX в. олицетворял прогресс, просвещение, и как таковой противопоставлялся верховной власти, - некие островки свободомыслия в океане лжи и притворства карьеристов-приспособленцев. В связи с этим ревизии воспринимались как форма наказания университета со стороны верховной власти, попытка ограничить университетскую свободу, а то и подорвать его существование. Постепенно в массовом сознании сложилась оппозиция “власть и просвещение”. Сотни книг выстроены на априорной фабуле “царизм боролся с просвещением”. Складывается парадоксальное впечатление: правительство делало всё, чтобы заглушить науку, а она вопреки этим титаническим усилиям процветала [10].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Феокистов Е.М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. №№ 6–8; Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его

существования (1804–1904). Казань, 1902-1904. Т.1–4; Попов Н.А. Общество любителей отечественной словесности и периодической литературы в Казани с 1804 по 1834 гг. // Русский вестник.1859. Т.23; Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1800–1863). СПб.,1892; Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2-х т. СПб., 1889.Т.1. Из новейших работ см.: Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж. 2001. Вып.1. С. 58–92; Вишленкова Е.А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4. С.22 – 35.

2. См. там же

3. Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж. 2001. Вып.1. С.58–92.

4. Вишленкова Е.А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4.

5. См. там же

6. Феокистов Е.М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. №№ 6–8.

7. См. там же

8. См. там же

9. См. там же

10. Вишленкова Е.А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4.

Хазиахметова Р. Р.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Владимир Михайлович Бехтерев и развитие невропатологии
в Казанском университете**

В истории любого учебного заведения главными героями являются учебный и научный процессы. Формирование и развитие научных школ, квалифицированность профессоров – есть критерий оценки университета. Успешность Казанского университета в том, что на протяжении всей его истории он был движим выдающимися преподавателями и студентами. В данной статье речь пойдет о профессоре, благодаря которому в нашем ВУЗе и Казани появилась школа невропатологии и психиатрии – о Владимире Михайловиче Бехтерева (1857–1927 гг.).

Душевыми и нервными болезням в Казанском университете изначально не уделяли должного внимания. В уставе университета 1804 года было прописано создание четырех учебных отделений. Одним из них стало отделение врачебных наук. На отделении было лишь 6 кафедр: кафедра анатомии, физиологии и судебной и врачебной науки, кафедра патологии, терапии и клиники, кафедра врачебного веществословия, фармации и врачебной словесности, кафедра хирургии, кафедра повивального искусства и кафедра скотолечения. Кафедра патологии, терапии и клиники в скором времени разделилась и из ее ложа вышла кафедра терапии. Именно на базе этой кафедры с 1837 года лекции о душевных болезнях начал читать Никанор Алексеевич Скандовский. Но специальной кафедры создано не было, Н.А. Скандовский занимал должность преподавателя общей терапии. Более масштабное изучение психиатрии в Казани развернулось с 60-х годов XIX столетия. В 1866 году самостоятельный курс по психиатрии при кафедре терапии начал читать Александр Устинович Фрезе. Этот год можно считать открытием кафедры нервных болезней. Ее первым заведующим был сам А. У. Фрезе, который

многое сделал для развития практической психиатрии. Он занимался разработкой и осуществлением проекта постройки окружной психиатрической лечебницы в Казани. Там Александр Устинович попытался реализовать несколько передовых идей. Например, систему нестеснения душевнобольных (впервые в Российской империи), которая заключается в отказе от постоянного использования смиренных рубашек. Сочетая должности профессора и директора больницы, профессор Фрезе подготовил почву для дальнейших научных и общественных нововведений и разработок. Самый мощный толчок в своем развитии кафедра нервных и душевных болезней получила с приходом В. М. Бехтерева. Именно этот человек в 1885 году прибыл с такой жадностью к научной деятельности, что по ее итогам провинциальный город Казань наравне с Санкт-Петербургом стал одним из ведущих центров научной психиатрической мысли в России.

Уроженец Вятской губернии (сегодня село Бехтерево Елабужского района Республики Татарстан), В. М. Бехтерев большую часть детства провел в сельской местности, что не могло не вызвать у него интереса к естествознанию. Получив образование в вятской семилетней гимназии, он, в 1873 году поступил в медико-хирургическую академию Санкт-Петербурга (сегодня военно-медицинская академия). Курсы всех предметов были интересны юному Владимиру Михайловичу, но в автобиографии он отмечает: «...дойдя до 4-го курса, я остановился на специальности нервных и душевных болезней, которые читались до сего времени И. М. Балинским и, за его выходом по выслуге лет с 1876 г., временно его замещавшим И. П. Мержеевским, впоследствии профессором психиатрии в академии. Эта специальность мне казалась из всех медицинских наук того времени наиболее тесно связанной с общественностью и, кроме того, увлекала вопросами о познании личности, связанными с глубокими философскими и политическими проблемами, и это решило мой выбор». [3. С. 10]. По окончании академии В. М. Бехтерев

на конкурсной основе поступил в Институт усовершенствования врачей при клинике проф. И. П. Мержеевского для подготовки к преподавательской деятельности. Занимаясь исследованиями в выбранной области, он убедился в том, «что анатомо-физиологическая база этой важнейшей отрасли медицины до чрезвычайности не разработана, и что развитие учения о нервно-психических болезнях не может осуществляться без выяснения вопросов, связанных со строением и функциями мозга» [З. С.11]. Жажда пролить свет на неизвестное направила инициативу юного ученого на постижение тайны анатомии и физиологии головного и спинного мозга.

После защиты докторской диссертации и получения звания приват-доцента (сегодня кандидата наук) Бехтерев получил приглашение занять пост заведующего кафедрой душевных и нервных болезней в Казанском Императорском университете, но вынужден был отказаться, так как выиграл конкурс на получение путевки в образовательную заграничную поездку. Это стало огромным подспорьем в дальнейшей деятельности молодого ученого.

Владимир Михайлович побывал в ведущих университетах Европы. В Берлине Бехтерев ознакомился с постановкой клинического дела по нервным и душевным болезням у К. Вестфалья и К. Менделя. Из блестящих лекций Карла Вестфалья и при личных беседах В.М. Бехтерев не только почерпнул для себя много важного, но и обратил на себя внимание берлинского ученого. К. Вестфаль, будучи редактором журнала «Archiv für Psychiatric und Nervenkrankheiten» предложил В.М. Бехтереву присылать для опубликования свои новые работы. И находясь в Казани, В.М. Бехтерев не один раз отправлял результаты своих трудов в этот журнал.

Так же в Берлине молодой ученый интересовался работой профессора Гуго Кронекера. В физиологическом институте Эмиля Дюбуа-Реймона Г. Кронекер занимался исследованием нервного центра, который управляет сердечными желудочками.

После Берлина В. М. Бехтерев посетил Лейпциг. Там он ознакомился с новой методикой Пауля Флексига: исследования мозга и его проводящих путей на горизонтальных срезах ткани. После чего Бехтерев всерьез занялся изучением проводящих путей головного мозга, о чем всегда и мечтал. Кроме штудирования анатомии мозга, Бехтерев интересовался гистологией, физиологией и психологией. Вот почему в том же Лейпциге юный ученый занимался изучением центральной нервной системы в институте физиолога Карла Людвига и работал в лаборатории профессора Гауле. Так же Бехтерев посещал занятия экспериментальной психологии профессора Вильгельма Макса Вундта, который считал психологию естественной наукой, и по сему проводил в ее сфере эксперименты и опыты. Затем, уже в Париже Владимир Михайлович ознакомился с исследованиями истерии и гипноза профессора Жана Мартина Шарко. У него молодой ученый обучился методам гипноза и впоследствии овладел ими в совершенстве. Мюнхен Бехтерев посетил ради встречи с Бернардом фон Гудденом, психиатром и анатомом. Результаты методологических изысканий Гуддена были передовыми на то время. Далее Бехтерев побывал в Вене для ознакомления с новаторскими для того времени методиками Теодора Мейнерта. Гистологические препараты, микроскопические методики Мейнерта воодушевили Бехтерева и убедили в правильности своего решения: связать психические и анатомические функции мозга.

Таким образом, В. М. Бехтерев за границей открыл для себя новые методы изучения физиологии и анатомии центральной нервной системы, новые клинические подходы, познакомился с людьми, которые направили его энергию в необходимое русло. Владимир Михайлович не только обучался, но и сдавал в печать за границей свои работы. За 16 месяцев, проведенных за границей, вышло 17 публикаций. За время пребывания на стажировке он сконцентрировал в себе достижения многих ученых по различным направлениям медицины. Эти Бехтерев дал толчок к

пониманию необходимости синтеза наук для получения наиболее верного и эффективного результата исследований.

Всю богатую научную жатву, что собрал молодой ученый, он реализовал в своей научной работе в России. Значительную часть своего научного пути В. М. Бехтерев прошел в Казанском императорском университете. Столь лестное для молодого специалиста (28 лет) предложение стать заведующим кафедрой нервных и душевных болезней Казанского университета вновь поступило уже во время пребывания ученого за границей. В тот момент времени желание стать преподавателем у Владимира Михайловича было невелико, к тому же ему требовалось время для завершения своих заграничных изысканий. Он искал возможность продолжить свое обучение в Европе. Провинциальное положение Казани так же не умножало плюсов предложения. Но Владимир Михайлович предпочел заменить формальный отказ неприемлемыми условиями работы. Во-первых, в Казани надлежало учредить специальную клинику для душевнобольных, во-вторых особую лабораторию, а в-третьих дать ученому возможность завершить поездку. К удивлению Владимира Михайловича все условия были приняты, и его назначение не замедлило себя ждать.

Так с сентября 1885 по октябрь 1893 года Бехтерев работал на благо студентов, коллег, науки и общественности Казани. Ему в наследство от А. У. Фрезе досталась вставшая на ноги и стабильно функционирующая кафедра. «Девять лет, проведенных мною в Казанском университете, сослужили мне большую службу и в научном отношении», – напишет позже Владимир Михайлович [3. С. 18]. Все то, что он посчитал непомерным условием, оказалось реализуемо, и сам профессор приложил к этому руку.

Организованная им клиника на базе окружной психиатрической лечебницы была образцовой и дала большое количество клинического материала для исследований. Профессор Бехтерев первым в Казанском

университете начал читать лекции у постели больного, подкрепляя устный материал наглядным. Он считал одинаково важным как теоретическую, так и практическую стороны дела. Наиболее емко эту его идею объясняет фраза, которую он сказал во время одного из своих выступлений: «То что вырабатывается в кабинетах и лабораториях, применяется у кровати больного и с другой стороны то, что наблюдается у кровати больного, служит предметом лабораторных исследований» [4. С. 11]. На основе клинических исследований им был написан учебник нервных болезней (издан в 1894 г.). Кроме того в госпитале он продолжил реализацию идеи А.У. Фрезе о нестеснении душевнобольных. Врачи клиники не использовали смирительные рубашки. Владимир Михайлович ввел новый вид досуга – трудотерапию. Пациенты при помощи простейших орудий труда занимались облагораживанием территории клиники.

Существовавший в Казани военный госпиталь так же стал научной базой ученого. Профессор Бехтерев занимал пост главы нервного отделения и занимался вопросами неврологии и невропатологии.

Еще один прорыв в науке был совершен профессором Бехтеревым в 1886 году. Он открыл в университете «психиатрический кабинет» – психофизиологическую лабораторию, где опытным и экспериментальным путем изучал душевные и нервные болезни. За время работы ученого в лаборатории было произведено более 30 исследований по анатомии и физиологии нервной системы. Одно из них – совместно с физиологом Н. А. Миславским – изучение влияния центров мозговой коры на работу внутренних органов. Работу Владимира Михайловича в лаборатории увенчал труд «Проводящие пути спинного и головного мозга», который стал настольной книгой многих поколений морфологов, а все схемы и карты его вошли в приложения к учебникам и учебным пособиям для студентов. В 1994 году этой монографии присудили премию академика Бера. Модель проводящих путей Головного мозга, которую построил своими руками профессор, сохранилась. Все три ее экземпляра находятся в

городе Казани. И даже сегодня ученые со всего мира приезжают в Казань, чтобы увидеть и убедиться в гении Бехтерева, который в далеком XIX веке смог построить во многом действующую до сих пор модель мозга. В своей лаборатории профессор так же вел наблюдения рефлекторных процессов у пациентов. И на основе исследований написал три выпуска книги «Объективная психология» (1907 г.) и большой труд «Общие основы рефлексологии» (1918 г.).

Необходимо сказать, что начиная с 60-х годов в отечественной науке шел бурный подъем материалистических тенденций. Это оказало влияние на мировоззрение В. М Бехтерева. Вся его научная деятельность базируется на материальной идее, и теории Чарльза Дарвина в том числе. Так, он считал, что душевные болезни берут исток от живого существа, и не существуют сами по себе. «Бехтерев пытался подойти к пониманию психических расстройств с позиции представлений о физиологической активности головного мозга в комплексе с изучением целостной его соматической и механической природы болезней.» [6. С. 60]. Именно Бехтерев ввел понятия «нервно-психический» и «психоневрологический», где психоневрология означает комплекс наук о поведении человека, включающий анатомию и физиологию нервной системы, невропатологию, психиатрию, психогигиену, психологию. Владимир Михайлович считал, что «к неврологии примыкают самым теснейшим образом те отделы знаний, которые ставят своею задачею изучение духовного или внутреннего мира и его болезненных нарушений. Эти отделы знаний известны под названием психологии и психиатрии» [4. С. 7–8]. Созданное и разработанное Бехтеревым нервно-соматическое направление, углубленное анатомио-физическими исследованиями, содействовало быстрому росту психиатрических знаний, оказало большое влияние на общий ход развития психиатрии, способствовало укреплению связи между психиатрией и другими медицинскими науками, такими как: гистология, эмбриология, физиология, зоология, судебная медицина, фармакология.

Его линию продолжили психиатры Казани: они направились к изучению соматических основ психических болезней. По итогам деятельности В. М. Бехтерева в Казани образовалась целая школа его учеников и последователей. В их числе профессора казанского университета П.О.Останков, Б.И.Воротынский, директора и врачи крупных психиатрических учреждений Васильев. Диомидов, Мальцев, Колотинский, Реформатский и другие.

Стоит выделить общественную деятельность Владимира Михайловича в Казани. Он занимался проблемой алкоголизма и методами его лечения. Вследствие чего, он организовал наркологическую помощь населению Казани. Профессор Бехтерев разработал и осуществил метод коллективной гипнотерапии при лечении алкоголизма. Им написано много работ о врачебном значении гипноза, внушения и психотерапии. Будучи ученым В. М. Бехтерев не оставлял своей клинической практики и отмечал высокую общественную роль врача: «Пусть врач вообще и психиатр в частности будет не только представителем своего профессионального дела, но и вместе с тем общественным деятелем, ибо в его задачи должно входить в такой же мере лечение больных, как и охрана здоровья населения в самом широком смысле этого слова. Вместе с тем медицина, выйдя из круга специальных знаний, делается наукой великого общественного значения, охраняющей здоровье населения – этот самый важный оплот государственного строительства» [1. С. 117]. Основой тактики врачевания Бехтерева было активное и комбинированное вмешательство на больного, в качестве примера можно предьявить идею ученого о создании нейрохирургии.

Крупным показателем результативности работы В. М. Бехтерева в Казани стало открытое в 1892 году общество невропатологов и психиатров. Оно стало третьим подобным обществом в Российской империи. Это говорит о высокой степени зрелости психиатрии как науки. Из факультативного предмета психиатрия превратилась в специальность,

благодаря научной деятельности проф. Бехтерева и его коллег. Надо сказать, что кафедра Владимира Михайловича отмечается как самая прогрессивная. Из нее выходили десятки работ ежегодно, Бехтерев сам писал от 7 до 10 работ в год. Общество невропатологов и психиатров имело свое издательство, оно выпускало журнал «Неврологический вестник». Это периодическое издание продолжает свою жизнь и по сей день, но уже в стенах Казанского медицинского университета.

В 1893 году деятельность Бехтерева В. М. в Казанском университете прекращается в связи с приглашением его на пост заведующего кафедрой нервных и душевных болезней в Петербургскую военную-академию (*alma mater* профессора). «Про казанский период своей деятельности скажу в заключение, что я был так удовлетворен научной работой в симпатичном провинциальном университете, всегда поддерживавшем научные связи с Петербургом, и так сжился с лучшими научными представителями его славного своими традициями медицинского факультета, как проф. Виноградов, Н. О. Ковалевский, И. М. Догель, К. А. Арнштейн, Зайцев и др., что когда стали меня звать в мою *alma-mater* <...>, то я внутренне запротестовал было и вообще обнаружил не мало колебаний...», – напишет Бехтерев впоследствии.

Та часть жизни ученого, что прошла в Казани навечно останется в истории как время колоссального труда и потрясающих открытий. Университет, его сотрудники, научная база, библиотека и сам город Казань помогли Владимиру Михайловичу стать профессором с мировым именем. А благодаря деятельности профессора Казань и сегодня – один из немногих городов России, где психиатрия является развитым отделом медицины как в теории, так и на практике. Стоит завершить этот экскурс в историю невропатологии и психиатрии фразой Фридерика Копша – немецкого коллеги Владимира Михайловича: «Анатомию мозга прекрасно знают только двое – Бог и Бехтерев» [10]. Казанскому университету

несказанно повезло запечатлеть в своей истории творческий путь такого человека.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В. П. Казанский период деятельности В. М. Бехтерева // Казанский медицинский журнал. – 1957. – №2–3. – С. 115–117.
2. Архангельский Г. В. Владимир Михайлович Бехтерев – выдающийся деятель отечественной науки // Клиническая медицина. – 1983. – №2. – С. 106–110.
3. Бехтерев В. М. Автобиография (посмертная) // Библиотека «Огонек» №316. – М.: Акц. изд-во «Огонек», 1928. – 51 с.
4. Бехтерев В. М. О современном развитии неврологических знаний и о значении в этом развитии научных обществ // Неврологический вестник. – 1893, т.1, вып.1. – С. 1–14.
5. Дьяконова И. Н., История развития научной неврологии и психиатрии в Казани / И. Н. Дьяконова, Я. Ю. Попелянский, В. С. Чудновский. – Казань: Таткнигоиздат, 1947. – 56 с.
6. Казанский государственный медицинский университет, 1804-2004: заведующие кафедрами и профессора: биографический словарь / В. Ю. Альбицкий, Н. Х. Амиров. – Казань.: Магариф, 2004. – 471 с.
7. Менделевич Д.М. В.М. Бехтерев в клиниках Западной Европы (в 1884-1885 годах) и в Казани. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – N 1. URL: <http://medpsy.ru>.
8. Менделевич М. Д. Кафедра психиатрии / Хамитов Х. С., М. М. Гимадеев // Казанский медицинский институт. 1814-1898. В 2 ч. Ч.1. История научных школ. – Казань, 1989. – С 229-223.
9. Ситдикова Г.Ф. Владимир Михайлович Бехтерев, 1857 – 1927 / Г. Ф. Ситдикова, Р. А. Маринович, В. В. Костюшко. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – 28 с.

10. Сухомлинов Кирилл. Медики, изменившие мир [электронный ресурс] // Электронная библиотека Лит-Мир. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=212411>.

Туманин В. Е.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Казанское славяноведение

во второй половине XIX – начале XX вв.

Казанская школа славяноведения была основана еще в 40-е гг. XIX в. Виктором Ивановичем Григоровичем (1815–1876), одним из создателей российского славяноведения [1. С. 171–174]. Благодаря деятельности В.И. Григоровича и его преемников Казанский университет превратился в признанный центр изучения языков, литератур и истории зарубежных славянских народов.

Приемником В.И. Григоровича по кафедре славяноведения в Казанском университете стал его ученик Мемнон Петрович Петровский (1833–1912), оставивший заметный след в жизни историко-филологического факультета. Тяга М.П. Петровского к славянской тематике проявилась еще в годы учебы в университете (1850–1855), где интерес тогда еще молодого студента нашел благодатную почву в лекциях Григоровича, привлекавшего к себе студентов глубокой эрудированностью, оригинальным научным мировоззрением и своей доступностью. Работая под руководством своего талантливого учителя, Петровский прекрасно изучил историю, языки и литературы славянских народов. Он детально разбирал отдельные произведения чешских, сербских и хорватских поэтов, лучшие из которых переводил на русский язык, причем эти переводы славянских авторов стали одними из первых в русской литературе.

Григорович возлагал на Петровского большие надежды. «Из молодых ученых, обративших внимание совета, - писал он, - по занятию кафедры в университете кандидат Петровский постоянно заслуживает внимание своими трудами и успехами». Для подготовки к занятию

кафедры М.П. Петровский стал готовиться к экзаменам на степень магистра славянской филологии, которые в мае 1860 г. он сдал «весьма удовлетворительно». Вслед за этим в августе 1860 г. Григорович подал ходатайство в историко-филологический факультет о предоставлении молодому слависту широкой возможности для продолжения своей работы в избранной им области и подготовке к преподаванию «той части славянской филологии, которую почтет он сообразной своим сведениям». В.И. Григорович отзывался о своем ученике как о талантливом молодом ученом, заслуживающим внимания своей работой в области славянской филологии. По просьбе Григоровича Петровский был утвержден сверхштатным преподавателем по кафедре истории и литературы славянских наречий и командирован для дальнейшего усовершенствования в занятиях в земли западных и южных славян.

Для своей заграничной поездки М.П. Петровский наметил Австрию как «гнездо славянства», в первую очередь отправившись в Прагу. Здесь он слушал лекции по истории чешского языка и литературы, занимался лужицким языком, изучая параллельно с этим в библиотеке Чешского музея старинные памятники, преимущественно старопечатные книги, хроники и брошюры. В Праге молодой казанский славист знакомился и «со всеми новыми движениями науки и литературы».

Из Праги М.П. Петровский прибыл в Будапешт, где поставил перед собой задачу не только ближе познакомиться со словацким языком, но и заняться изучением литературной деятельности словаков, которые «со времен Л. Штура энергично принялись за обработку своего книжного языка». Находясь в Венгрии, особый интерес Петровский проявлял и к сербской культуре. Он посетил Нови-Сад, ставший центром культурной и научной жизни австрийских сербов, где имел возможность познакомиться со всеми «новыми, к сожалению, немногими замечательными учено-литературными произведениями австрийских славян».

С таким большим запасом материалов из области славяноведения, с богатыми и яркими наблюдениями над жизнью славян и с личными связями среди представителей славянской культуры Петровский в 1863 г. вернулся в Казань, где ему предстояло заменить в качестве университетского преподавателя перешедшего в Новороссийский университет В.И. Григоровича.

Оставшись после перехода Григоровича единственным славистом в университете, М.П. Петровский преподавал весь цикл славяноведения, читая лекции по славянской филологии, истории славянских литератур, по истории польской, сербской, хорватской и церковнославянской письменности. Работая над этими курсами, Петровский одновременно трудился и над своей магистерской диссертацией, посвященной славянской диалектологии. Результатом этой работы стали «Материалы для славянской диалектологии»[2], которые, по отзывам специалистов, «отличались большими научными достоинствами». Для этой работы автор использовал громадный материал, обработал многие сборники и периодические издания и для своего времени создал очень ценный свод характерных черт каждого из рассмотренных им «славянских наречий». Особенно Петровский остановился на изучении трудов выдающихся ученых, занимавшихся изучением славянских языков, таких как Й. Добровский, П.Й. Шафарик, А. Шлейхер, Ф. Миклошич.

Неустанно работая над своими курсами, М.П. Петровский продолжал так же и литературную деятельность. В этот период он занялся переводами произведений славянских писателей, создав для изданного в 1871 г. в Петербурге известного сборника Н.В. Гербеля «Поэзия славян» целый ряд прекрасных стихотворных переводов болгарских, сербских и чешских народных песен и славянских поэтов.

В 1872 г. Петровский по личным обстоятельствам вынужден был прервать свою работу в университете и на время уехать за границу. В Казань он вернулся лишь в 1874 г., вновь с головой окунувшись в научную

и преподавательскую деятельность в стенах университета. Его заслуги во многих областях славяноведения и личные качества прекрасного и опытного педагога были по достоинству оценены – в начале 1875 г. Совет Казанского университета возвел Мемнона Петровича в степень доктора славянской филологии *honoris causa* и избрал его ординарным профессором. В последующие десять лет работы в университете Петровский сосредоточился на истории славянских литератур и в разные годы преподавал студентам польскую, серболужицкую, хорватскую и чешскую литературу. Читал он и курсы лекций по истории болгар, чехов и польского народа.

После выхода в 1885 г. в отставку, М.П. Петровский полностью отдался науке, уединившись в своей прекрасной, обширной библиотеке. В эти годы он стал усердно изучать и публиковать накопившиеся за многие годы материалы. Благодаря этой работе казанского слависта целый ряд текстов стал впервые доступным для ученых. Научные успехи М.П. Петровского нашли заслуженное признание – в декабре 1895 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1900 г. – членом-корреспондентом Чешской академии наук, словесности и искусств в Праге.

Научное наследие М.П. Петровского разнообразно и весьма плодотворно. Он писал публицистические очерки о славянах, создавал работы по славянскому языкознанию, статьи о славянских ученых и публицистах. Среди последних особое место занимают публикации, посвященные В.И. Григоровичу. Петровский всю жизнь хранил самые теплые чувства к своему учителю и многое сделал для того, чтобы труды и научная деятельность одного из основоположников российского славяноведения были оценены по достоинству.

С 1880 г. курсы исторического цикла по кафедре славяноведения стал читать Иван Николаевич Смирнов (1856-1904). В 1878 г. он окончил историко-филологический факультет со степенью кандидата и был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре Всеобщей

истории, профессором которой в то время был его учитель Н.А. Осокин. Еще студентом И.Н. Смирнов особенно интересовался проблемами истории, культуры и этнографии южнославянских народов и этот интерес не угасал в нем на протяжении всей жизни.

Будучи студентом Казанского университета, Смирнов был удостоен золотой медали за работу «Очерк политической и церковной истории хорватского государства до подчинения его угорской короне (1102 г.)». Эта работа в 1880 г. вышла отдельным изданием и стала живым и интересным исследованием, в котором особое внимание автор уделил изучению внутренних отношений в Хорватии, широко демонстрируя историю государства и быта хорватов в IX-XI веках. Казанский историк показал растущее значение славянского населения Далмации в этот период, наличие которого все сильнее ощущалось во всех сферах жизни. Нужно отметить, что данная работа молодого ученого стала первым в русской литературе серьезным исследованием, посвященным проблемам хорватской истории.

Интерес, который возник у И.Н. Смирнова в ходе этой работы, а так же более близкое знакомство с источниками и пособиями по средневековой истории Хорватии определили выбор тем и для последующих трудов начинающего исследователя. Однако если в первой своей работе он занимался преимущественно историей государства, то в дальнейшем обратился к изучению внутренней жизни хорватского народа. «Историческая наука, - писал казанский славист, - вышла уже из того состояния, когда в дипломатических отношениях видели сущность исторического процесса» [3. С. 28]. Руководствуясь именно этими принципами, И.Н. Смирнов, выступая как социальный историк, как ученый, занимающийся изучением развития *общества*, занялся изучением «процессов народного развития». В своих публикациях он стремился проникнуть во внутреннюю жизнь хорватского общества, ставя

перед собой задачу рассмотреть социально-экономическую и внутри-политическую жизнь хорватов в период X-XI вв.

Такой подход был характерен и для диссертаций Ивана Николаевича, так же посвященных истории Хорватии. В апреле 1881 г. он защитил магистерскую работу «Отношения Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV в.». В этой работе И.Н. Смирнов выступил как живой, своеобразно мыслящий ученый, который стремился уйти от простой описательности предмета своего изучения. «Историк, - отмечал он, - может взглянуть на совокупность межобщественных отношений, как на частный случай одного из социальных процессов обратить свое внимание на анализ этого явления, на его признаки и условия, его производящие... Разлагая конкретное явление на составляющие элементы, выделяя его признаки, отмечая найденные отношения между явлениями, историк становится на путь, который приводит науку к обладанию общими истинами, законами» [4. С. III].

Продолжая и далее свою работу в университете, в 1883 г. Иван Николаевич был командирован за границу, где в течении почти полугода он плодотворно работал в архивах Венеции и Дубровника. Результатом этой поездки стала докторская диссертация «Отношения Венеции к городским общинам Далмации. С 1358 по 1573 г.», которая подводила итог его многолетним изучением истории Хорватии периода средневековья (IX–XVI вв.). В марте 1885 г. состоялась публичная защита, по результатам которой И.Н. Смирнову была присвоена степень доктора всеобщей истории. Это позволило ему в ноябре 1886 г. (в возрасте 30 лет) стать ординарным профессором Казанского университета по кафедре всеобщей истории.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть важное значение работ И.Н. Смирнова. В своих исследованиях он стремился в ходе рассмотрения судеб одного народа – в данном случае хорватов – проследить проявление общих законов. «Отношения Венеции к городским общинам Далмации, –

писал он в предисловии ко второй своей работе, – рассматриваются не ради их самих, но как частный случай образования из нескольких обществ одной сложной общественной группы, как одно из проявлений общего роста, интеграции» [4. С. I].

Но с особой любовью Смирнов занимался историей культуры славянских народов, читая по ней спецкурсы. В этой области он задумал обширный труд, который должен был вызвать интерес у социолога, культуролога, историка и особенно у славяноведа. К сожалению, автор успел закончить лишь первую часть этого исследования, увидевшую свет под названием «Очерки культурной жизни южных славян» в 1900-1904 гг. Во второй же части предполагалось охарактеризовать развитие культуры западного славянства.

«Очерки...», написанные И.Н. Смирновым, стали серьезным научным трудом. Они были для своего времени большой и ценной работой, в которой использовался богатейший археологический материал. В определенной степени эта работа сохранила свое научное значение и до настоящего времени. Но вместе с тем, написанные живым языком, отличающиеся своим оригинальным и вместе с тем доступным изложением, «Очерки...» были предназначены и для широкого круга читателей.

«Очерки культурной жизни южных славян» вышли в трех выпусках. Первый из них посвящен развитию материальной культуры, второй раскрывает развитие общественных отношений, а в третьем представлена эволюция духовной жизни хорватов, болгар и сербов. Сам автор в предисловии скромно называл свой труд «только иллюстрированным фактами проектом культурной истории южного славянства».

В этой работе И.Н. Смирнов попытался обрисовать изменения в этническом составе Балканского полуострова в раннее средневековье и их значение для судеб южных славян. Он подробно представил развитие древней и средневековой материальной культуры, эволюцию семьи и

возникшего из нее родственного союза – задруги, показав, каким изменениям подверглась далее эта организация. Одновременно исследователь постарался ознакомить читателя с духовным развитием югославян начиная с древнейшего периода их пребывания на Балканах, с их религиозными верованиями и представлениями в период язычества и после принятия христианства. Так же в работе были даны и краткие обзоры истории болгарского, сербского и хорватского государств.

Анализ развития культуры южнославянских народов, проведенный Смирновым в «Очерках...», представлял несомненный интерес, поскольку существовавшая до этого научная литература не затрагивала, или затрагивала в незначительной степени все эти стороны исторического развития данных народов.

И.Н. Смирнов был настолько увлечен и вместе с тем предан своей работе по изучению культурной истории славянства, что даже за несколько дней до смерти, по воспоминаниям его коллеги А.И. Александрова, признавался: «Как хочется работать, хочется кончить труд по культурной истории славян. Идея за идеями, обобщения, мысли так и гнездятся одна за другой... Записать бы их, да сил нет...» [5. С. 6].

Иван Николаевич Смирнов проявил себя как талантливый ученый, глубокий знаток истории и быта славянских народов, как человек, обладавший солидной эрудицией и даром обобщения. В своих трудах он предстает самостоятельно мыслящим исследователем, умеющим заинтересовать читателя и увлечь его излагаемым материалом.

Прекрасную характеристику Н.И. Смирнову и как ученому, и как человеку дал профессор Д. Корсакова: «Он рано выступил самостоятельным борцом на жизненном поприще, а потому выработал в себе необыкновенное упорство в труде и стойкость в жизни» [6. С. 16].

Вплоть до 90-х годов XIX в. кафедра славянской филологии Казанского университета занималась всеми славянскими языками, литературой всех славянских наречий, а также включала в себя

исторические курсы, которые носили название «славянских древностей». Однако по мере развития научных исследований эти отрасли знания становились самостоятельными дисциплинами, с определенными методами и задачами. Совет университета констатировал, что «в настоящее время кафедра славянской филологии обнимает столь обширный круг отдельных дисциплин, что изложение их не может вестись отдельным лицом без ущерба полноте преподавания». Поэтому с 1901 года преподавание по этой кафедре было разделено между профессором А.И. Александровым и приват-доцентом Н.М. Петровским (сыном М.П. Петровского). Первый преподавал языки, второй - историю литературы.

Александр Иванович Александров (1861–1917) окончил Казанский университет в 1883 г. со степенью кандидата историко-филологических наук по славяно-русскому отделению. На кафедре славянской филологии он стал работать с 1889 г., а в феврале 1896 г. был утвержден в звании ординарного профессора. Неоднократно казанский ученый посещал славянские земли. В 1893 г. и 1895 г. он был специально командирован в Далмацию и Черногорию для изучения их культуры, языка, письменных памятников и этнографических особенностей.

На основе широкого привлечения источников по языкознанию, истории и этнографии южнославянских народов А.И. Александров написал целый ряд работ. Его научные труды заняли видное место в отечественном славяноведении и филологии конца XIX–начала XX вв. Основные работы казанского исследователя в области славистики, сравнительного языкознания и русской диалектологии сохранили свое значение и до нашего времени. Среди них, например, можно выделить общее исследование «Языкознание и славяноведение, их метод и задача», специальные работы «История развития духовной жизни Черной Горы и князь-поэт Николай I», «Черногория в жизни частной и общественной» и др. Ряд трудов Александрова носит историографический характер, в

которых дается оценка научного наследия казанских славяноведов – в первую очередь В.И. Григоровича и И.Н. Смирнова.

Значительный вклад в русское славяноведение сделал Нестор Мемнонович Петровский (1875–1921). Он был известен своими филологическими, историографическими и библиографическими исследованиями. В 1897 г. он окончил славяно-русское отделение Казанского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре славянской филологии. Несколько раз казанский ученый выезжал в славянские страны, проявляя при этом особый интерес к литературе и культуре южных славян.

Магистерская диссертация Н.М. Петровского «О сочинениях Петра Гекторовича», была защищена в 1902 г. и посвящалась одному из видных представителей хорватской литературы XVI в. В феврале 1907 г. он защитил диссертацию на степень доктора славянской филологии («Первые годы деятельности В. Копитаря»), и в том же году был избран и утвержден ординарным профессором по кафедре славянской филологии. В 1917 г. Академия наук, высоко ценя многолетние труды Нестора Мемноновича, избрала его своим членом-корреспондентом.

Н.М. Петровский стал одним из крупнейших представителей славянской филологии своего времени. Его многочисленные труды посвящены истории культуры славянских народов. В общей сложности по истории славянских литератур, библиографии, славянской филологии и истории славяноведения Петровским было написано свыше трехсот книг, статей и заметок. Необычайно богатая эрудиция, тщательность обработки материала и всесторонний анализ отличали все работы этого казанского исследователя.

Помимо университета, Н.М. Петровский читал лекции на Казанских высших женских курсах и в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте. Он состоял пожизненным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и в

течении многих лет исполнял обязанности члена Совета этого общества. Деятельное участие принимал Н.М. Петровский и во многих других научных и просветительских организациях, всюду проявляя себя как талантливый исследователь и отзывчивый человек.

Незадолго до первой мировой войны в стенах Казанского университета славяноведческой проблематикой стал заниматься Митрофан Васильевич Бречкевич (1870–1963). В 1901 г. он окончил историко-филологический факультет Юрьевского университета, при котором и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Основной интерес у М.В. Бречкевича вызывала прежде всего история балтийских славян XII–XIII вв. Именно этой тематике были посвящены не только магистерская диссертация, защищенная в 1912 г., но и большинство других его работ.

В январе 1913 г. М.В. Бречкевич был приглашен для преподавания в Казанский университет, в котором проработал до 1922 г. В Казани ученый очень активно занялся научной и педагогической деятельностью, публикуя целый ряд работ исследовательского и учебного характера. В университете он читал лекции, вел практические занятия по истории средних веков и истории славян, благодаря его стараниям при факультете был создан кабинет славянской истории.

Бречкевич с успехом изучал историю балтийских славян, обращая внимание на вопросы, еще не получившие достаточно полного освещения в историографии. Занимался он, прежде всего, изучением социального строя прибалтийских славян. В своих работах Митрофан Васильевич показал себя глубоким знатоком актового материала, мастером тонкого источниковедческого анализа и несмотря на определенные недостатки, работы ученого вошли в фонд российского славяноведения и медиевистики.

Казанское славяноведение сделало значительный вклад в развитие отечественной науки. Труды казанских славистов поставили Казанский

университет на одно из первых мест в области русского славяноведения XIX века, создав основу для продолжения исследований по истории и культуре славянских народов в дальнейшем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Туманин В.Е. Традиции казанского славяноведения // История и историки в Казанском университете. К 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Сб. научных статей. Ч. II. Казань, 2005. – С. 171–176.
2. Петровский М.П. Материалы для славянской диалектологии // Ученые записки Казанского университета. 1866. Кн. 4, 5; 1867. Кн. 2.
3. Смирнов И.Н. Прошлое и будущее духовной взаимности славян. Казань, 1885. – 56 с.
4. Смирнов И.Н. Отношения Венеции к городским общинам Далмации. Вып. II. Казань, 1884.
5. Александров А.И. Смирнов. Некролог // Памяти Ивана Николаевича Смирнова. Казань, 1904. – С. 4–11.
6. Корсаков Д. И.Н. Смирнов. Некролог // Памяти Ивана Николаевича Смирнова. Казань, 1904. – С. 12–18.

Бекмурзаева Э.М.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

В.И. Григорович

как один из основателей Казанского славяноведения

В истории Казанского университета, богатого своими научными традициями, особое место заняла школа славяноведения, у истоков которой стоял крупнейший русский ученый В.И. Григорович.

Виктор Иванович Григорович (1815–1876) стал одним из основоположников русского славяноведения. Это был талантливый и незаурядный человек, который своими открытиями в области ранней славянской письменности, решением основных теоретических проблем оказал заметное влияние на развитие науки. Его глубокий, острый ум, необычайное трудолюбие и обилие новых идей позволили ему занять достойное место в отечественном славяноведении.

В.И. Григорович родился 30 апреля (13 мая) 1815 года в г. Балта, где служил его отец. Мать Виктора Ивановича была католичка, и в семье господствовал польский язык. Всю жизнь Григорович Изучал памятники славянской письменности. Основные его труды принадлежат историческим, археологическим и этнографическим знаниям.

Среднее образование В.И. Григорович получил в униатском училище в Умани, откуда вынес хорошее знание латинского языка и многие старомодные приемы красноречия, которые были характерны для языка его лекций и научных трудов. В 1830 г. он поступил в Харьковский университет, после окончания которого будущий ученый, желая углубить свои познания, решил продолжить образование в Дерптском университете, где в течении пяти лет усердно изучал труды древнегреческих философов и историков.

В конце 1838 г. молодой Виктор Иванович Григорович получил предложение занять кафедру истории и литературы славянских наречий в

Казанском университете, которое он с радостью принял. Еще во время учебы в Дерптском университете, Григорович заинтересовался культурой и историей славянских народов. В ноябре 1838 г. в одном из писем к попечителю казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину он писал: «Я, стремясь давно изучение славянского мира избрать себе предметом моей будущей деятельности и постигая всю ее важность, буду с самоотвержением достигать указанной мне меты» [1. С. 10].

В 1839 г. В.И. Григорович приехал в Казанский университет, сразу начав преподавать греческий язык и готовиться к магистерскому экзамену по славянской филологии. Уже в 1840 г. он представил в Совет факультета сочинение «Исследования о церковнославянском наречии, основанные на изучении его в древнейших памятниках, на исторических свидетельствах и отношении его к новейшим наречиям». К сожалению, текст этой работы не сохранился и она известна лишь по отзыву рецензента. Сочинение молодого ученого было найдено «вполне удовлетворительным» и ему была присвоена степень кандидата. Продолжая свои занятия, Григорович в 1841 г. успешно сдал экзамены и подготовил работу «Опыт изучения литературы славян в ее главнейших эпохах», за которую в 1842 г. был удостоен степени магистра российской и славянской словесности.

После защиты диссертации В.И. Григорович приступил к подготовке своего длительного заграничного путешествия в славянские земли. В апреле 1843 г. он представил детально разработанный план путешествия. Составленная программа в первую очередь предусматривала изучение старославянской письменности, болгарского языка и положения славянских народов на Балканском полуострове. «Надо признаться, - писал И.В. Ягич, - что ни один из предшествовавших ему кандидатов (имеются в виду И.Н. Срезневский, О.М. Бодянский и П.И. Прейс, уже предпринявшие подобные путешествия – Э.Б.) не дал с самого начала столь хороших доказательств способности к ученой деятельности» [2. С. 340].

Заграничное путешествие В.И. Григоровича началось летом 1844 г. и закончилось в начале 1847 г. Эта поездка в страны Балканского полуострова стала важной страницей в истории русского славяноведения. За время своего путешествия казанский ученый посетил Константинополь, Солунь, Афон, объехал почти всю Македонию, многие районы западной, южной и северной Болгарии. Григорович посетил наименее известные исследователям места, где хранились памятники культуры и письменности южных славян, что позволило ему познакомиться с еще мало изученными собраниями документов. Так, свыше трех месяцев он провел в афонских монастырях, изучая их библиотеки и хранилища, откуда вывез большое количество ценного материала. Он обследовал болгарские и македонские монастыри, имел возможность наблюдать жизнь болгар того времени, о чем оставил в своем путеводном дневнике ряд существенных и ценных заметок.

Научная поездка В.И. Григоровича стала одной из самых интересных и славных страниц в истории русского славяноведения. На протяжении всего своего путешествия ученый вел подробные записи, время от времени посылая отчеты М.Н. Мусину-Пушкину. Это дало ему возможность по возвращению в Казань в короткий срок подготовить и издать «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции» [3. Кн. 3]. «Очерк путешествия...» стал трудом, замечательным во многих отношениях. Он содержит драгоценные сведения по истории болгарского народа, по этнографии, этнической истории народов Балканского полуострова, по истории церкви, истории письменности, топонимике, в нем много ценных фактов, относящихся к истории болгарского языка. Автор сообщает важные данные по болгарской диалектологии, новыми фактами подтверждает прежние сведения, которые многим тогда казались сомнительными. Написанный в строго научной, порой сдержанной и суховатой манере, «Очерк...» во многом впервые приоткрывал завесу над неизвестными в Европе обстоятельствами современной жизни болгарского

народа. Не удивительно, что книга молодого казанского славяноведа сыграла заметную роль в культурном развитии болгарского общества в эпоху национального возрождения. В целом, «Очерк...» Григоровича представляет собой огромное достижение русского славяноведения середины XIX века и навсегда останется в истории отечественной науки.

Во время своих путешествий по славянским землям, казанскому ученому удалось открыть, сберечь от уничтожения и систематизировать много различных исторических, литературных, лингвистических и этнографических памятников греческой и славянской древности, самым известным из которых было глаголическое евангелие XI в., известное в науке под именем Мариинского евангелия. Эти собранные материалы и легли в основу изучения В.И. Григоровичем истории, культуры и быта болгар, сербов, македонцев и других славянских народов. Открытые им в славянских землях исторические памятники на многие десятилетия приковали внимание ученых к Казанскому университету.

В Казань В.И. Григорович вернулся весь поглощенный проблемой происхождения глаголицы. В казанском Обществе любителей отечественной словесности в конце 1848 и в начале 1849 г. он выступал с докладами, в которых доказывал, что глаголица древнее кириллицы, что она была создана еще до Кирилла и Мефодия. «Он был предан глаголице как религиозной святыне, - писал И.И. Срезневский, - готов был всякого вводить в ее таинства» [4. С. 361]. В 1852 г. Григорович опубликовал «Статьи, касающиеся древнего славянского языка», в которых рассматривались вопросы о значении церковного славянского языка, о трудах по древнеславянскому языку, о памятниках древнеславянской литературы и об их лексических особенностях.

После своего возвращения в Казань заметный вклад В.И. Григорович сделал и в области изучения истории славян. Правда, крупных работ он не создал, но написал ряд небольших исследований, свидетельствующих об огромной эрудиции автора, прекрасном знании им материала, умении

привлекать новые источники для решения вопроса. Особое же место в научных исследованиях казанского слависта по проблемам славянской истории заняла его работа «О Сербии в ее отношении к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях» (Казань, 1858).

В начале шестидесятых годов Григорович продолжил усиленно работать над изучением истории славянских народов. В результате этого направления деятельности ученого появился целый ряд трудов историко-археологического, исторического и этнографического характера, в которых решались важные проблемы истории славянства и южной России. Свою работу в Казани Григорович продолжал до 1865 г., когда он был приглашен в открывшийся в Одессе Новороссийский университет.

В.И. Григоровича можно причислить к тем ученым, которые считали необходимым стремиться к раскрытию исторических, историко-культурных, историко-литературных явлений и событий в жизни славян. И.В. Ягич совершенно справедливо писал, что Григорович не был сухим «грамматиком». Изучение славянских языков казанский исследователь понимал как средство, как необходимое орудие для понимания «явлений духа» славянства. Такое отношение к науке вызывало неподдельный интерес и огромное увлечение у слушателей.

Об исключительном впечатлении, которое производил учитель на студентов своей личностью, преданностью науке, своим энтузиазмом, рассказывает А.Н. Пыпин. «Это было нечто совершенно новое, - писал он, - оригинальное и привлекательное. Это был человек с большим умом, с обширными познаниями» [5. С. 37]. Любимый учитель привлекал к себе студентов глубокой эрудицией, прекрасным чтением лекций, новизной ставившихся научных проблем. Он старался привлекать студентов к научной работе, и в 1844 г. они под его руководством составили первую в России грамматику сербского языка.

Большая заслуга В.И. Григоровича перед русским славяноведением заключается и в том, что он создал школу казанских славистов,

представители которой внесли ценный вклад в изучение истории и культуры южных и западных славян. Среди них воспитанник Казанского университета Павел Аполлонович Ровинский (1831-1916), ставший известным этнографом-славистом, историком, путешественником и публицистом.

На сегодняшний день существует памятник В.И. Григоровичу. Он находится в г. Кировоград.

В проекте членов научного совета Казанского (Приволжского) Федерального университета планируется ознакомление с деятельностью знаменитого слависта на уровне Всероссийской конференции, посвященной двухсотлетию со дня рождения выдающегося деятеля.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Петровский М. Григорович и Прейс. К истории славяноведения на Руси. СПб., 1897. – С. 10.
2. Ягич В.И. История славянской филологии. СПб., 1910. – С. 340.
3. Григорович В.И. Очерк ученого путешествия по европейской Турции // Ученые записки Казанского университета. 1848. Кн. 3.
4. Цит. по: Бернштейн С.Б. Памяти В.И. Григоровича (к 150-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1965. – Т. 24. – С. 361.
5. Пыпин А.Н. Мои заметки. М., 1910. – С. 37.

Гущина Е. Г.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Концепции формирования этнографического собрания

Казанского университета

во второй четверти XIX – первой четверти XX вв.:

В статье на основе архивных материалов реконструированы основные этапы и концепции формирования этнографического собрания Казанского университета во второй четверти XIX – первой четверти XX вв., показана значимость этнографических коллекций музея для развития этнографии в университете.

Этнографический музей Казанского университета является первым музеем гуманитарного профиля, созданным на территории Волго - Уралья. С момента основания Казанского университета в нем начало формироваться собрание предметов этнографического характера. Этнографическое собрание Казанского университета на протяжении XIX-XX вв. формировалось в разных подразделениях университета, претерпевавших частые структурные изменения. На процесс сбора коллекций в университете большую роль играло направление научных исследований. Структура коллекций университетских музеев соответствовала ходу развития наук, изменялась вместе с изменениями научных приоритетов [11. С.23].

Еще Ф. И. Шмитд отмечал: «первое правило всякого исследования гласит: изучаемое явление надо брать не в его статике, а в его динамике, т.е. рассматривать его в процессе его зарождения и его развития» [12. С.7]. Для целостного восприятия процесса формирования и развития

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан, в рамках проекта проведения научных исследований «Становление и развитие этнографического знания в Казанской губернии в XIX-XX вв.», проект № 14-11-16006.

Этнографического музея Казанского университета, процесса его институализации и развития этнографии как науки, необходимо рассмотреть концепции формирования этнографического собрания университета в XIX–XX вв. Говоря о концепции формирования этнографического собрания Казанского университета, мы подразумеваем основные положения и направления комплектования фондов.

Как и в других классических университетах Российской Империи, в Казанском университете первые музеи представляли собой комплексные собрания по естественной истории, включающие как ботанические, минералогические, так и нумизматические и этнографические предметы. Первый университетский Устав 1804 г. узаконил наличие музеев естественной истории в структуре каждого университета [1. С.17]. Структура коллекций Кабинета естественной истории соответствовала ходу развития наук в России начала XIX в. и какие-то единичные предметы, отражающие материальную культуру народов, также хранились в нем. Материалы по этнографии, в связи с тем, что интерес к этой науке только начал формироваться, были сравнительно малочисленны и не отделены от других. Не был выработан еще и принцип отбора экспонатов: наряду с ценнейшими коллекциями в музеях можно было увидеть предметы, не имевшие научного и познавательного значения [11. С.23–24].

В 1815 г. из Кабинета естественной истории Казанского университета выделяется Кабинет редкостей, ставший «прародителем» современного Этнографического музея Казанского университета. Создание кабинетов редкостей или древностей было характерным для большинства классических университетов России и связано это, прежде всего, с возросшим интересом к старинному быту в начале XIX в. [1. С.45]. Постепенно в Кабинет редкостей Казанского университета стали присылать и передавать разнообразные предметы, являющиеся

необычными, интересными – «редкими». Уже на этом этапе Кабинет редкостей имел:

1) Костюмы, присланные директором Иркутского училища Словцевым – одно баргузинское, и два платья охотников тунгусов (повседневное и шаманское). В комплект одежды, привезенный из Баргузинского острога, входили кафтан, сшитый из зеленого сукна с красными и голубоватыми шелковыми нашивками, передник, платье, сапоги, перевязь с двумя кошельками, расшитыми бисером, на концах и огнивом, и головной повязки. Платье Тунгусское состоит из кафтана из красной и синей китайки расшитой бисером, передника, с нашивками, расшитыми бисером, с медными пуговицами и стеклярусами [9. Л. 67].

2) От студента Аристова – алеутское платье, которое ранее хранилось в библиотеке, и переданное в Кабинет редкостей в 1815 году.

3) От директора Сибирского училища Гапонова: японский бумажный плащ, покрытый лаком; палка вождя с австралийского острова Тани, имеющая резьбу и служащая отличительным знаком старейшины рода; вид иллюминаций на двух листах, а так же две веточки коралла.

4) От адъютанта Тимьянского – три куса образцов материи с Ново-Гибридных островов, два с Маркизских островов, четыре с Сандвичевых островов, и по одному куску материи с островов Дружбы и Отаити [2. С.116].

Помимо этого, в Кабинете редкостей хранились китайский туалет, две гравюры и кокосовые орехи [9. Л. 68–69].

Первоначально, как видно, пополнение Кабинета редкостей предметами было не специальным и не систематическим. Он состоял из вещей, которые случайно поступали в собственность университета и не могли быть присоединены к прочим, довольно богатым собраниям других музеев Казанского университета, т.к. по своей сути они были совершенно иными. Уже в первые годы своего существования Кабинет редкостей начинает приобретать собственную направленность, собственный

характер, отличный от других музеев и отделений университета – этнографический. Все первые экспонаты в основном относятся к предметам быта и культа. Но это были не комплексные и продуманные коллекции, предназначенные для дальнейшего научно исследования или для учебно-вспомогательных целей, а именно отдельные предметы, доставляемые в музей для демонстрации. Не существовало никакой концепции формирования и развития, не конкретных целей и задач данного музея.

В дальнейшем новые поступления носили уже иной характер: в 20-50х гг. XIX в. музей стали доставлять коллекции для дальнейшего их изучения, для того, что бы иметь детальное представление об истории, культуре и повседневной жизни народов, о которых до этого момента имелись полупредаваемые знания и представления. Первым, действительно целенаправленным и комплексным пополнением кабинета явилась коллекция, привезенная И. М. Симоновым из кругосветной экспедиции под руководством Ф. Р. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. В результате этой экспедиции было сделано большое число географических открытий и собран интересный этнографический и антропологический материал, который занял достойное место в Кунсткамере и музеях Казанского университета. И. М. Симонов привез в Казанский университет 37 этнографических экспонатов: орудия труда, оружие, одежду, домашнюю утварь, относящиеся к народам Полинезии и Микронезии [10. Л. 3].

Следующее серьезное пополнение Кабинета редкостей комплексной коллекцией произошло благодаря востоковеду, монголоведу и тибетологу О. М. Ковалевскому. После четырехлетнего пребывания в Сибири и разъездов по Забайкальской степи, посещения Китая, где О. М. Ковалевский провел большую научно-исследовательскую работу, он привез в Казанский университет, кроме рукописей и книг, переданных в

библиотеку, ценную коллекцию китайских бытовых и культовых вещей переданную Кабинету редкостей [6. С.36–37].

Большую роль в комплектовании фондов и развитии музеев университета играли ученые возглавлявшие их. С момента становления музеев классических университетов складывается практика руководства кабинетами и музеями ординарными и экстраординарными профессорами, имеющими степень доктора наук. Этот факт подтверждал предназначение университетских музеев как научных учреждений, базой для развития науки [1. С. 16–17]. Первоначально, находясь в составе Кабинета естественной истории, Кабинет редкостей, Физический и Минералогический кабинеты находились под ведомством профессора физики и химии А. Я. Купфера. Возглавлять разнопрофильные музеи одному человеку было сложно, А. Я. Купфер в 1824 г. попросил освободить его от смотрения за Кабинетом редкостей. Совет университета постановил передать музей в ведение профессора восточной словесности Ф.И. Эрдмана. А со второй половине 30-х гг. XIX в. Кабинет редкостей передали в ведение О. М. Ковалевского, который не просто проводил научно-исследовательскую работу на основе музейного собрания, но и занимался фондовой работой. По инициативе О. М. Ковалевского была заведена специальная книга для учета и надлежащего хранения имущества музея.

С конца 30-х гг. XIX в. пополнение музея стало носить уже регулярный характер. Этнография, развивавшаяся первоначально в недрах географической науки, в этот период постепенно приобретает самостоятельный предмет изучения и первичную структуру, складывающуюся из экономики, истории материальной культуры и фольклора. Примечательно, что в этот период из Кабинета редкостей была передана в Минералогический кабинет коллекция окаменелостей. Это свидетельствует о том, что Кабинет редкостей в большей степени

приобретает этнографическую специфику. Комплектование фондов Кабинета редкостей первой половины XIX в., в одних случаях являлись самоцелью, в других же диктовались потребностями университетского музея, сам факт наличия которого стимулировал коллекционирование. Процесс формирования этнографического собрания первой половины XIX в. происходил, в основном, в направлении востоковедения, что соответствовало задачам Казанского университета. Развивалось и «экзотическое» направление комплектования фондов – коллекции по народам Австралии и Океании, Северной Америки и т.п., что тоже соответствовало развитию этнографии того времени и основным направлениям экспедиций Российских исследователей. Значительно отставало изучение более близких и отечественных народов и пополнения фондов коллекциями и предметами, отражающими их материально-культурную специфику.

Дальнейшая проблема комплектования и развития этнографического собрания Казанского университета встала после перевода Восточного разряда в Санкт-Петербург. В 50-80-хх. гг. XIX в. этнографическими исследованиями занимались главным образом ученые, работавшие на кафедре Российской истории, географии и статистики. Под «этнографией» в это время понималась страноведческая наука, в комплексе и историческом плане рассматривающая природу, население и хозяйство. Временно, в 1956 г. должность заведующего Кабинетом редкостей занял проф. В. И. Григорович. А в 1857 г. эту должность принял проф. С.В. Ешевский, который реорганизовал Кабинет редкостей в Музей местных древностей и этнографии, что больше соответствовало нуждам университета и было более полезно для развития науки того времени. Изменилось не только официальное название музея, изменилось и направление комплектования фондов и концепция музея. Уже в названии нового музея были заложены исследовательские задачи для ученых Казанского Императорского университета и Поволжья в целом – изучение

местного края. После отъезда С. В. Ешевского в Москву Музей местных древностей и этнографии временно поручили в заведывание М. И. Ордынскому, который передал эту обязанность Н. А. Попову [4. Л.39]. Н. А. Попов продолжил комплектование музея предметами, характеризующими культуру и быт народов Волго-Уралья. Постепенно в Музее местных древностей и этнографии шло накопление коллекций по этнографии народов Волго-Уралья, и в 1861 г. в музее было около 200 предметов, характеризующих культуру и быт народов данного региона. В 1860 г. музей поручили в заведование проф. Н. А. Фирсову, который преобразует музей (путем объединения ряда музеев) в Музей этнографии, древности, изящных искусств, собрания монет и медалей [7. С.19–22]. Особое внимание Н. А. Фирсов уделял именно этнографическому отделу этого объединенного музея, считая необходимым развивать его в краеведческом направлении, что соответствовало и научным интересам самого ученого, изучавшего колонизацию Поволжья и Приуралья. Но нельзя утверждать, что в 60–70-е гг. XIX в. в музей поступали только «краеведческие» предметы. Так, после проведенного анализа архивных материалов стало известно, что значительно пополнилось египетское собрание музея.

Благодаря созданию при музее библиотеки, возросли его учебные функции, поскольку для студентов очень важной была возможность работы и с коллекциями, и с литературой по истории и этнографии Волго-Уральского региона. В музее был основан «специальный лекториум» по отечественной истории, археологии и этнографии. Н. А. Фирсов полагал, что для студентов очень важны практические занятия и работа непосредственно с краеведческими коллекциями и литературой по истории и этнографии местного края [3. С. 138].

Однако объединенный Музей находился в сложных условиях существования: теснота помещений и недостаток финансирования

сказывались на состоянии коллекций. В 1885 г. Н. А. Фирсов обратился в Совет университета с вопросом о реорганизации музея. По результатам работы специально созданной Комиссии, из Музея этнографии, древности, изящных искусств, собрания монет и медалей образовались три самостоятельных музея. Этнографические коллекции (перешедшие из Кабинета редкостей и накопленные за время существования Музея этнографии, древности и изящных искусств) легли в основу Музея Отечества, заведующим которого был назначен Н. А. Фирсов. Уже в самом названии этого структурного подразделения прописывается основная концепция комплектования – «отечествоведение». После смерти Н. А. Фирсова, в 1898 г. должность заведующего занял Д. А. Корсаков, продолжавший комплектование музея предметами, преимущественно отвечающим нуждам региональной этнографии [5. Л. 68].

Параллельно с музеем Отечества в Казанском университете существовало еще два места, где формировалось этнографическое собрание: музей Общества археологии, истории и этнографии и Кабинет географии. Музей Общества археологии, истории и этнографии, возникший в 1878 г. быстро пополнялся за счет вещей, привозимых из многочисленных экспедиций, дарений и приобретения отдельных экспонатов у частных лиц. Но именно этнографические коллекции собирались с большими трудностями, нежели археологические или нумизматические. Это обусловлено, прежде всего, тем, что первоначально члены общества занимались в большей степени археологическими и историческими исследованиями и не осуществляли специальных экспедиций с целью сбора этнографического материала. Одной из главных проблем музея Общества был недостаток помещений для хранения и уже тем более для экспонирования. По предложению А. А. Штукенберга и под его контролем в 1887 г. коллекции музея ОАИЭ для приведения в порядок были разобраны: коллекции по этнографии были выделены и переданы на хранение в университетский музей Отечества и на них был

составлен особый каталог [8. Л. 28]. В большей степени, Музей ОАИЭ пополнялся этнографическими предметами и коллекциями по народам Волго-Уралья, Средней Азии и Центральной Сибири, что соответствовало научным интересам членов Общества.

В 1890 г. в Казанском университете профессором П. И. Кротовым был создан Кабинет географии. Кабинет имел весьма разнообразные учебные пособия: географические карты, глобусы, чертежи, атласы, ландшафты, антропологические и этнографические коллекции, приборы для специальных исследований и пр. Кабинет развивался очень динамично. Для того чтобы в Кабинете хранились современные новейшие коллекции, отвечающие нуждам учебного процесса и науки, их закупали в специализированных заведениях за границей (в частности этнографические коллекции по народам мира закупались в Музее Умляуфа в г. Гамбурге). Помимо этого пополнение фондов этнографическими предметами осуществлялось и за счет экспедиций и дарений. Основной идеей комплектования фондов этого Кабинета была идея наглядной иллюстрации курсов этнографии (как мира, так и местной этнографии).

Б. Ф. Адлер, занявший в 1911 г. должность заведующего Кабинетом географии, понимал необходимость создания одного, объединенного большого музея по истории «человеческой культуры». В результате работы специальной Комиссии (председателем был избран Д. А. Корсаков, членами комиссии были Н. Ф. Катанов, Н. Н. Фирсов, Б. Ф. Адлер и П. В. Траубенберг) по вопросу объединения этнографических коллекций в один музей, в 1913 г. все этнографическое собрание Казанского университета было объединено в Этнографический музей Казанского университета. Идея собирания однородных коллекций в одном месте отражала нужды времени. Период конца XIX – начала XX вв. представляет собой определенный этап в развитии этнографии и музейного дела в России. Развивалась организационная структура отечественной этнографической науки. При сохранении научного интереса ко всем

народам мира первостепенное внимание ученых привлекала этнография народов России. Значительно возрос интерес этнографов к материальной культуре и получили развитие прежние направления исследований – изучение общественных и семейных отношений, верований, народной словесности. В это время складывается подход к формированию и использованию этнографических коллекций. Только научно организованный этнографический музей, обладавший комплексными коллекциями, мог стать качественной источниковой базой для этнографической науки. Коллекции нового объединенного Музея в полной степени отражали быт и культуру как народов Поволжья и России, так и многих других стран. Эти коллекции дополняли друг друга, делая новый Этнографический музей действительно одним из самых значимых и уникальных в России на тот период.

Таким образом, мы видим, что этнографические исследования и формирование этнографического собрания в Казанском университете началось в первой половине XIX в. Пополнение музейных фондов в этот период было разноплановым, а этнографическая проблематика исследований развивалась на различных кафедрах. Это объясняется тем, что этнография в первой половине XIX в. еще не выделилась в самостоятельную науку, шел процесс ее становления, выработки объекта и метода исследования. Коллекции и предметы, поступавшие в Казанский Императорский университет во второй четверти XIX в. доставлялись не просто в целях показа «редкостей», а для их дальнейшего научного исследования. Вторая половина XIX в., в определенной степени, стала поворотной в процессе комплектования Музея. От «экзотических» предметов перешли к пополнению преимущественно коллекциями, характеризующими культуру и быт населения Поволжья и Приуралья. Коллекции позволяли осуществлять наглядность преподавания, были доступны для изучения студентам и преподавателям.

Этнографические собрания в Казанском университете во второй половине XIX в. комплектовались в нескольких музеях, которые развивались с разной степенью интенсивности, и комплектовались отличными друг от друга коллекциями, но имевшими этнографическую направленность и ценность. Объединение этих коллекций в один музей отражало нужды науки начала XX в.: это позволило создать комплексный музей, в полной мере отвечающий образовательным и научно-исследовательским целям и задачам этнографии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлыкина М. И. Университетские музеи дореволюционной России (XVIII-первая четверть XX вв.) Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1996. 426 с.
2. Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования. Т.3 Казань: Тип. Казан. ун-та, 1902. 469 с.
3. Назипова Г. Р. Университет и музей: исторический опыт Казанской губернии. Казань: Школа, 2004. 396 с.
4. Отчет о состоянии и деятельности казанского университета за 1854 г. // НАРТ, ф. 977, оп. Совет, д. 3659.
5. Отчет о состоянии и деятельности университета за 1866 г. // НАРТ, ф. 977, оп. Совет, д. 4991.
6. Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1839-1840 академический год. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1840. 60 с.
7. Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1857-1858 академический год. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1858. 34 с.
8. Сведения о состоянии клиник, факультетов, типографий университета за 1878 г. // НАРТ, ф. 977, оп. Совет, д. 6422.
9. Сведения об учебно-вспомогательной работе университета // НАРТ, ф. 977, оп. Совет, д. 418.

10. Список вещей, переданных проф. Симоновым в кабинет естественной истории и библиотеку // НАРТ, ф. 977, оп. Совет, д. 413.
11. Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Ленинград: Наука, 1978. 286 с.
12. Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Ленинград: Academia, 1929. 248.

Хуснутдинова К.Ю., Сафиуллин А.А.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**«Кряшенский вопрос» в трудах членов
Общества археологии, истории и этнографии**

Изучение кряшен всегда было актуально. В истории кряшен много вопросов. Но нет сомнения в том, что кряшены – поволжские тюрки, близкие по языку и культуре к татарам, однако обладающие рядом особенностей, например, православным вероисповеданием. Вопрос этногенеза кряшен активно изучался в XIX веке, в основном учениками Общества археологии, истории и этнографии.

Этногенез кряшен в настоящее время мало изучен. Наиболее распространенная точка зрения, что формирование кряшен на территории бывших границ Казанского ханства связано с принятием православия во второй половине XVI века частью местного населения в период присоединения Поволжья к Русскому государству. В XVIII веке прошла вторая волна крещения, после которого вновь обращенные в православие стали называться «новокрещенные», а те, кто крестился в более ранний период «старокрещенные». Вследствие чего, во второй половине XIX и начале XX вв большинство «новокрещенных из татар» вернулись к исламу, тогда как практически все «старокряшены» оставались православными. [10. С.44].

Члены Общества археологии, истории и этнографии – Н.И.Ильминский, Е.А.Малов являлись важными фигурами в изучении «кряшенского вопроса». Необходимо отметить, что свои исследования они начали как сотрудники Казанской Духовной академии. Казанская

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан, в рамках проекта проведения научных исследований «Становление и развитие этнографического знания в Казанской губернии в XIX-XX вв.», проект № 14-11-16006.

духовная академия в то время являлась крупным научным, образовательным, миссионерским центром. Именно в нём активно исследовались религиозные верования, история, язык, традиции нерусских народов России.

Малов Евфимий Александрович, священник - известный историк и этнограф татарского народа, миссионер, специалист в области исламоведения. Он проводил активную работу по изучению истории, этнографии и филологии татар, а также изучению этногенеза кряшен. Значительный интерес он уделял изучению быта, уровню жизни, системе морально-нравственных ценностей казанских крещеных татар. Он преподавал в Казанской Духовной академии татарский язык, этнографию татар, уделяя большое внимание духовной культуре, традициям, уровню жизни, иерархии ценностей кряшен. Он внес весомый вклад в распространение христианства через практику богословских диспутов, в ходе которых он побуждал иноверцев к обращению в православие, показывая лучшие стороны христианской религии в отличии от их исконной.

Бесспорно, весомый вклад в изучение кряшен внес Ильминский Н.И. Он стоял во главе просвещения «не русских» народов Поволжья. Во многом благодаря его деятельности народы Поволжья сохранили свою национальную самобытность и язык. Н.И. Ильминский, а затем и Е.А.Малов определили направление работы, согласно которому основным движущим фактором явилось развитие образования и культуры «не русских» народов Поволжья, в том числе кряшен.

Николай Иванович Ильминский – ученый-педагог, востоковед, член-корреспондент Императорской академии наук, профессор Казанского университета и Казанской Духовной академии, соучредитель и идейный наставник Казанской центральной крещено-татарской школы, первый директор Казанской учительской семинарии, член Общества археологии, истории и этнографии, непревзойденный переводчик православных

священных книг и молитвенных текстов с церковно-славянского на многие «инородческие» языки [9. С.4.]. Во второй половине XIX в. он значительно продвинул миссионерскую деятельность Русской Православной Церкви, и сформировал свою знаменитую педагогическую систему. Деятельность Н.И. Ильминского освещена в основном в дореволюционной историографии.

Николай Иванович Ильминский, исследовав кряшен, пришел к выводу о различии татар и кряшен в религиозной сфере, языковом диалекте, народных верованиях, обрядах, быту. Он выделил две группы крещенных татар, которые, по его мнению, четко отличают друг от друга: 1) кряшен, которые издревле являлись старокрещеными татарами, 2) татар новокрещеных, которые приняли православие формально только в XVIII веке. Данный факт говорит о том, что православие уберегло кряшен от исламского влияния, к тому же внесло мало русских черт. Тем самым, самоизоляция кряшен позволила сохранить в большей чистоте древний татарский быт почти таким же, каким он был во времена Ивана IV [7. С.39].

Стоит отметить, что кряшены не вернулись в ислам, а остались христианами, а новокрещенные татары в начале 1860-х годов после отмены крепостного права практически все вернулись в ислам. В ответ на массовое возвращение крещенных татар к исламу руководители Казанской Духовной академии стремились ускорить открытие новых учебных заведений, чтобы вернуть так называемых «отступников» в лоно церкви. Сложность заключалась в том, что «новокрещенные» были из Ислама, который довольно хорошо пропитал их быт, и православие встало в конфликт с традиционно сложившимся укладом жизни. [2. С.10.] Таким образом, именно «новокрещенные» или «крещенные татары» при первой же возможности ушли обратно в ислам. Однако вопрос, были ли они из ислама, остается открытым, хотя самими кряшенами опровергается.

Наблюдая их язык и быт, Н.И. Ильминский предполагал, что возможно кряшены совсем не были мусульманами, или мало находились в исламе, что он не успел проникнуть в их быт и сформировать традиции. В связи с чем, христианство для кряшен резко не нарушало привычный образ жизни, что позволило им легко с ним примириться.

Русские миссионеры, которые занимались изучением быта и традиций кряшен, интересовались по большей части вопросами религии и духовной культуры. Интерес к разговорному кряшенскому языку крещеных татар усилился во второй половине XIX века по причине исследовательской деятельности Н.И. Ильминского и внедрением его системы образования, которая предполагала народные формы обучения и быта, что было большим преимуществом перед старыми русскими и татарскими школами. Ильминский организовал ряд школ для народов. Именно крещено-татарская школа способствовала в развитии образования среди кряшенского народа. Школа, построенная на основе оригинальной педагогической системы Н.И.Ильминского, как свидетельствуют документы, призвана дать воспитанникам широкие религиозные и светские знания в области Закона Божия, русского языка, арифметики, геометрии, физики и естествоведения, истории, географии, славянского языка, чистописания, методики преподавания школьных предметов и дидактики, гигиены и др. [5. С.5.]. На уроках чтения русские книги обязательно переводили на родной язык, это также было отличительной чертой от других образовательных систем того времени. Он приспособлял образовательную систему русских школ, её методы, формы к национальным особенностям народа.

Н.И.Ильминский считал, что первоначальное образование кряшен на их родном языке есть самый надежный путь к усвоению ими и русского языка и русского образования [6. С.18.]

За период существования таких школ с 1863–1913 гг. включилось в систему такого образования 6336 человек, из них почти 4500 мальчиков и

2000 девочек. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архиве документы. «Окончившие курс в Казанской крещено-татарской школе, - писал в июне 1914 г. инспектор народных училищ 3-го района Семипалатинской области заведующему школой, - являются самыми желательными кандидатами для замещения учительских мест». [4. С.40.].

Крещено-татарская школа развивалась благодаря благотворительной помощи профессоров Казанского университета, купечества г. Казани, Совета Православного миссионерского общества. Самым нуждающимся ученикам присваивались и выдавались именные стипендии. В 1884 г., после смерти Н.И.Ильминского была учреждена стипендия его имени. По положению. О стипендии Н.И.Ильминского, стипендия назначалась татарам 12–16 лет, преимущественно новокрещеным. [3. С.1.]

Н.И.Ильминский помимо школ открыл Казанскую инородческую учительскую семинарию, директором которой он являлся с 1872 года до 1891 года. Выпускники системы образования Н.И. Ильминского становились хорошими священниками, учителями, учеными, писателями, тем самым, впервые образовали класс национальной кряшенской интеллигенции.

В 1867 году для продвижения этой системы образования образовывается Братство св. Гурия, которое содействовало утверждению православной веры среди кряшен и других инородцев. Братство курировало большинство кряшенских школ, уделяя особое внимание духовному образованию.

Будучи прекрасным филологом, Ильминский Н.И. разработал алфавит на основе кириллицы для кряшенского языка, переводил церковную литературу – тексты Священного писания, церковного богослужения, духовной и учебной литературы. На основе достижений кряшенского языка развил переводческую деятельность для других народов [8. С. 67.]. Главным достижением переводческой деятельности, которая через некоторое время стала финансироваться государством, стало

открытие церковных богослужений на кряшенском языке и создание кряшенского прихода, что было очень важным для кряшенского народа. Много статей Н.И.Ильминского знакомят с народной словесностью, обычаями, обрядами кряшен. Результаты его исследований печатались в следующих периодических изданиях: в «Известиях Археологического общества», «Ученых записках Казанского Университета», «Журнале министерства народного просвещения», «Бюллетенях Академии наук», «Православном собеседнике», «Православном обозрении», «Церковно-приходской школе» и других изданиях. Система Ильминского давала возможность проводить просветительскую работу. Это способствовало росту грамотности и культуры кряшенского населения.

Необходимо отметить, не смотря на положительные плоды его деятельности, было много критикующих мнений в отношении целенаправленной русификации в отношении кряшен Н.И.Ильминским. После его смерти с середины 1890-х гг. стали также критиковать его образовательную систему, и в 1903–1905 гг. запрещать богослужения на национальном языке в приходах епархии. Его последователи-ученики не могли заменить своего учителя. Отсутствие достойного приемника сказалось на дальнейшем развитии миссионерского движения. Тем самым система Н.И. Ильминского просуществовала до 1917 года, но так и не получила необходимого развития.

Таким образом, члены Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета собрали большую информацию о малоизученном кряшенском народе. Основная часть их научного наследия представлена в отчетах о командировках, трудах по этнографии и истории, личных переписках. Данный материал представляет собой важный источник для исследователей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского к крещеным татарам / Изд. ред. Православного Собеседника. – Казань: типо-лит. ун-та, 1896. – 211с.
2. Казанская центральная крещено-татарская школа. Материалы для истории христианского просвещения крещеных татар. – Казань, 1887.
3. Национальный архив РТ, ф.319, оп.1, д.2, л.1
4. Национальный архив РТ, ф.319, оп.1, д.46, л.40
5. Национальный архив РТ, ф.319, оп.1, д.55, л.5
6. Национальный архив РТ, ф.968, оп.1, д.192, л.18
7. Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. – Москва., 1977 – 182 с.
8. Национальное самоопределение кряшен: история и современность: материалы третьих публичных чтений памяти ученого-кряшеноведа М.С.Глухова – Каань, 2013. – 160 с.
9. Фокин А.В. Николай Ильминский и кряшенское национальное движение: материалы научной конференции (27 декабря 2011г.). – Казань, 2013 – 81 с.
10. Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность: материалы научно-практической конференции. – Казань, 2000. – 188 с.

Калимуллина Л.К., Титова Т.А.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Быт казанских татар в сочинениях Карла Фукса

О Карле Фуксе – чрезвычайно разностороннем человеке, весьма талантливом ученом в сферах, как естественных, так и гуманитарных наук, наконец, гуманисте, подвижнике культуры написано немало книг и множество статей. Однако в действительности насыщенная богатыми событиями яркая жизнь Карла Фукса имеет еще ряд аспектов, не получивших до сих пор должного освещения. К их числу относится, например, вопрос о вкладе в сближение культур русского и татарского народов и роли, которую он сыграл в развитии Казанского университета.

Поэтому целью доклада стало изучение Быт казанских татар в сочинениях профессора Карла Фукса

В нашу задачу входило изучить:

1. Роль Карла Фукса в развитии Казанского университета.
2. Изучение быта казанских татар в трудах КФ.

В 1800 году Карл Фукс приезжает в Россию. А через 5 лет он был назначен профессором в только что открытый Казанский императорский университет.

Карл Фёдорович Фукс сделал огромный вклад не только в развитие и становление науки в нашем городе, он был одним из историков-краеведов, одним из первых людей, которые написали историю Казанской губернии. Но основную свою деятельность он провел именно в Казанском университете. Здесь он пробовал себя в различных ипостасях: от обычного профессора до известного ученого. На протяжении нескольких лет он

· Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан, в рамках проекта проведения научных исследований «Становление и развитие этнографического знания в Казанской губернии в XIX-XX вв.», проект № 14-11-16006.

работал и библиотекарем университета, а сразу после этого с 1823 года Фукс становится пятым по счету ректором университета. А главное не стоит забывать, что именно в пору ректорства Карла Федоровича Фукса в нашем городе появляется великолепный архитектурный ансамбль Казанского императорского университета - главное здание, визитная карточка университета, по которой Казанский университет узнают во всем мире, и по сей день [4].

У Карла Фукса была своя собственная методика. Помимо теоретических занятий обязательной программой для студентов была летняя практика. Идея создания в университете ботанического сада возникла на лекциях по естественной истории. По предложению Фукса студенты начали расчищать место для оранжерей на склоне горы за университетом. Вместо старых деревьев высаживались кедры и липы. Семена многих деревьев Фукс выписывал на свои средства. Так в Казани появился первый ботанический сад. Позже он был перенесен на берег озера Кабан, где сейчас располагается зооботсад.

С 1812 года Фукс открыл врачебную практику. Он был самым известным в Поволжье врачом практиком. В Казани не осталось ни одного дома куда бы не приходил он для оказания помощи. Он помогал всем вне зависимости от сословия. Карл Федорович вел деятельный образ жизни и отличался необычайной возможностью, он вставал в 6 часов утра и рано выезжал с визитами к больным. Практика его обширна денег он получал много, но щедро раздавал их.

Карл Федорович был первым врачом-европейцев кого стали приглашать в татарские дома и семьи. Он был своим человеком в домах Ибрагимова, Юнусова, посещал медресе и мечети был званым гостем на празднованиях в татарских селениях.

Фукс выучил арабский и татарский языки, собирал и изучал татарские рукописи и моменты. Заинтересовавшись историей и культурой народов края, Фукс неустанно работал с источниками, его

нумизматические коллекции дали возможность точного описания имен ханов Казани и датировок.

Он отличался в высшей степени развитым вкусом. Еще в Геттингенском университете он прослушал курс истории литературы у профессора Эйхгорна, известного своими исследованиями по языкознанию и литературе Востока. Общие интересы к собиранию рукописей на татарском, арабском, турецком и персидском языках связывали Фукса с Ибрагимом Хальфиным, преподавателем татарского языка в университете. Десятки ценнейших рукописей, благодаря их стараниям, обогащали университетскую библиотеку почти ежегодно. Им хотелось обратить внимание татарского населения на «отыскание и познание памятников событий истории племен татарских». Чтобы облегчить освоение литературного татарского языка, Хальфиным было издано руководство по грамматике родной речи. Фукс горячо поддержал идею Хальфина, чтобы студенты, изучающие восточные языки, проходили практику разговорного языка, живя в татарских семьях. Это не только даст результат в изучении языков самими студентами, считал Фукс, но и благотворно будет сказываться на просвещении народа. Совет университета принял предложение единогласно, но, увы, ему воспротивился попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий.

В эти годы Карл Федорович плодотворно работает по краеведению.

В 1827 году в «Казанском вестнике» были опубликованы «Некоторые замечания о течении реки Волги по Казанской губернии», в 1829 году дал первое описание Голубых озер на правом берегу Казанки. Вода в «исключительных и замечательных» озерах и зимой, и летом имеет одинаковую температуру – не выше 7 градусов и постоянно обновляется, со дна пучин бьют гейзеры. Озера эти уникальные, ни в одну научную классификацию они не вписываются.

Главным трудом К.Ф. Фукса в начале 40-х гг., которому он отдавал много времени и сил, была работа над книгой о казанских татарах.

Изучением жизни и культуры татар Карл Федорович занимался не одно десятилетие [1]. Первые статьи по этой теме – центральной в его этнографических исследованиях – были опубликованы еще в 1814 году. В новой своей книге он попытался обобщить итоги своих многолетних наблюдений, использовать накопленный исторический материал, дать характеристику экономических и культурных процессов в среде татарского населения Казани.

Фукс хорошо понимал, что татары, как и другие восточные и малые народы России, находятся в угнетенном положении, что гнет самодержавия, от которого страдала страна, ложился на них неизмеримо более тяжким бременем, чем на русское население. Видел он и то, что политика насильственного обрусения была направлена против национальной культуры народа, с радостью отмечая большую силу сопротивляемости народа при попытках лишить его права на развитие собственной самобытной культуры [1].

Несмотря на условия общего застоя и феодальной замкнутости, в татарском обществе уже проявлялись ростки нового, а борьба за обновление национальной культуры превращалась в жизни татар в устойчивую традицию.

Важное значение для развития национального самосознания имел рост татарского книгопечатания. В 40-х гг. XIX в. в Казани появились свои чисто татарские типографии, одной из которых была работавшая в 1844–1847 гг. типография Рахимжана Саидова. Хотя выходившие в свет книги были в значительной своей массе религиозными, однако были и светские книги, появление которых имело большое культурное значение. Затем наряду с подобными произведениями в Казани начали печататься и работы древнетюркских авторов по фольклору, служившие образцами для изучения языка и истории тюркских народов [3].

Наряду с мировоззрением, развивавшимся в рамках религиозного сознания, пробивают дорогу прогрессивные взгляды, расширявшие

представления о действительности. Сторонники этих взглядов ратовали за освоение передовой русской, европейской культуры и, в частности, литературы, которая в лучших своих проявлениях утверждала идеалы борьбы за освобождение народов от крепостного рабства и национального угнетения.

Одним из первых представителей передовой мысли среди татар был поэт Габдеррахим Утыз-Имяни. Он первым призывал татар изучать русский язык. Враг невежества, он считал, что и женщинам необходимо образование.

В татарской литературе стала зарождаться и светская тематика. Усилился интерес татар к истории своего народа, к поэтическим сказаниям. Утыз-Имяни составил критический текст поэмы XIII в. «Кисса–и Юсуф» на основании нескольких ее рукописных вариантов. В 1839 г. она была издана в университетской типографии.

Идеи обновления духовной жизни народа получают все большее развитие и проникают даже в среду теологов. Например, богослов Курсави, деятельность которого объективно была направлена на дальнейшее укрепление в сознании татарского народа идеологии ислама, провозгласил право разума на выступление против авторитетов, против догм, выступил за культурное просветительство.

В развитии прогрессивной общественной мысли татар видную роль сыграли И. Хальфин, Х. Фаизханов, М.Г. Махмутов. Они смело выступали за необходимость светской образованности, боролись с проявлениями мусульманского мракобесия [3].

Татары начали записывать образцы национального фольклора, переводить на татарский язык произведения русской литературы. В 40-е гг. Салихджан Кукляшев, окончивший Казанский университет в 1836 году и печатавший переводы восточных авторов в «Заволжском муравье», подготовил хрестоматию «Сборник рассказов татар».

Интеллектуальные интересы и просветительская деятельность семьи Фукса и его друзей оказывали благотворное влияние на процесс формирования передовых взглядов татарской интеллигенции. Но, способствуя приобщению татар к русской и европейской культуре, К.Ф. Фукс, в свою очередь, получал возможность в общении с татарской интеллигенцией глубоко вникать в проблемы национального культурного развития.

В доме Фукса можно было встретить А. Даминева – лектора татарского языка в университете, А.Т. Мир-Муминова – лектора персидской словесности, С. Кукляшева – поэта и переводчика, М.Г. Махмутова, оформлявшего книги на восточных языках. Приглашал Фукс в свой дом, и ахуна, и мулл, и татарских купцов Юнусовых, на средства которых был открыт в 1844 году первый мусульманский детский приют, чему так радовался Фукс [2].

Он возил больного Юнакова – ученика Ибрагима Хальфина – на серные воды, дочь Н.М. Ибрагимова выдал в 1843 году замуж за Н.А. Скандовского, своего ученика. Ко Льву Николаевичу Ибрагимову относился с неизменной добротой и лаской, как к сыну своего друга, – можно ли перечислить все благодеяния профессора Фукса для всех нуждающихся в нем людей? Авторитет Карла Федоровича был огромен. Его знали и любили во всех слоях татарского населения.

Материал по этнографии татар у него накопился колоссальный. В 40-е годы он собрал немало статистических сведений об экономике Казанской губернии, о развитии ремесел и промышленности, об изменениях в положении крепостных крестьян.

В специальных тетрадях и дневниках, которые он вел в своих многочисленных поездках, встречается немало записей, касающихся экономических вопросов. Он тщательно отмечал, в каких имениях помещики открывали мануфактуры и фабрики, основанные на труде

собственных крепостных, записывал сведения о числе работающих, условиях труда, о характере производства.

Крестьянские промыслы в Казанской губернии получили большое развитие. Но вотчинные предприятия не могли конкурировать с предприятиями, где применялся вольнонаемный труд. Крестьяне, разоряясь, продавали свой труд, нанимались в работники [1].

Большой интерес представляют сведения о характере и объеме производства, в котором занято татарское население.

Фукс уже отправил рукопись своей книги «Казанские татары...» в цензурный комитет для получения дозволения печатать и, находясь еще в состоянии полного погружения в материал, над которым только что работал.

Женский пол у казанских татар получает равным образом известную степень образования, и между татарками мало найдется таких, кои бы не умели надлежащим образом читать и писать. Они учатся у жены муллы здешней новой мечети. Женщина эта имеет большие способности для обучения их сим предметам. Я сам видел прекрасно написанные ее воспитанницами письма и некоторые татарские песенки. Сверх того почти все татарки учатся у матерей своих или родственниц шитью. Они особенно занимаются вышиванием золотом татарских сапожков и тюбетеек. Здесь они обнаруживают большое искусство и изобретательность в составлении узоров.

Фукс считал, что казанские татары гордятся своим происхождением, своими моральными качествами, своей религией, своим домашним бытом, что все составляет их отличительный характер.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что Карл Федорович был первым врачом-европейцем, кого стали приглашать в татарские семьи. Ему удалось установить и укрепить связи между Казанским университетом и татарским населением города. Татары стали посещать публичные лекции, участвовать в торжественных мероприятиях. Благодаря Фуксу на

представления в казанском театре начали ходить даже женщины-татарки. Он был своим человеком в домах Хальфина, Ибрагимова, Юнусовых, посещал медресе и мечети, его приглашали на праздники в татарские селения.

Бережно сохраняют жители города память о знаменитом ученом – враче, естествоиспытателе, краеведе, нумизмате, журналисте, о человеке большой души – Карле Федоровиче Фуксе. В 1896 году отмечали 50-ю годовщину со времени кончины профессора К.Ф. Фукса. Городская дума постановила переименовать Поперечно-Тихвинскую улицу, где был дом Карла Федоровича, в улицу Фукса, а по высокому берегу Казанки развести сад, дав ему наименование «Фуксовский». Постановление было выполнено.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Фукс, К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях; краткая история города Казани / К. Ф. Фукс [редкол.: Валиев Р. И. и др.].— [Репринт. воспроизв. изд. 1905 г.] .— Казань: Фонд ТЯК, 1991 .— 210 с.
2. Памяти профессора А.В. Фукса. Сост. и ред. А.В. Гарзавина; изд. В.Г. Диц .— Казань, 1996 .— 66 с .
3. Карл Фукс о Казани, Казанском крае: тр., док., воспоминания, исслед. : [науч.-библиогр. сб. / сост.: М. А. Усманов, А. В. Гарзавина, И. А. Новицкая].— Казань: Жиен, 2005 .— 479 с.
4. "В Казань, профессору К.Ф. Фуксу..." / А. В. Гарзавина.— Казань: Татарское книжное изд-во, 1987 .— 239 с.

Галелтдинова Л.Р.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

История появления коллекций татарских шамаилей в Этнографическом музее Казанского университета

Немаловажную роль в становлении профессиональной школы каллиграфии и искусства печатных шамаилей принадлежит Казанскому университету. Фонд татарских печатных шамаилей в Казанском университете сложились в двух центрах: Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Н.И. Лобачевского и Этнографическом музее (в дальнейшем – ЭМУ).

Татарские печатные шамаили в количестве 46 экземпляров, хранящиеся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Н.И. Лобачевского, попали туда в начале XX века (точную дату определить не удалось) и представляют собой цензорские варианты шамаилей направленных для печатания и тиражирования в типо-литографию Императорского Казанского университета. Также сюда же входят шамаили приобретенные в процессе этнографических экспедиций в конце XX века.

Эти экземпляры представляют собой татарские печатные шамаили конца XIX – начала XX вв. В качестве цензора шамаилей выступает Н.Ф. Катанов, о чем свидетельствует наличие его подписи. Также на обороте шамаилей им было дано описание и перевод текста. Сюжет этих шамаилей разнообразен: здесь присутствуют описания столпов ислама, качеств пророка Мухаммада, восхваления Богу, пророку Мухаммаду (с.а.с), шамаили содержащие аяты Корана, хадисы пророка и благословенные имена Бога, пророков, сподвижников пророка Мухаммада и Обитателей Пещеры, изображения Мекки и Медины, болгарских памятников.

На сегодняшний день Этнографический музей является главным хранителем ценных коллекций шамаилей.

Этнографический музей является одним из восьми уникальных музеев Казанского университета, «наследников» классического университета. Он был создан в 1815 г. как кабинет редкостей, где хранились предметы, характеризующие культуру и быт разных народов (в основном это были костюмы). В течении первой половины XIX в. он наполнился многочисленными коллекциями, привезенными учеными из поездок по Тихому океану, Монголии, Тибету, Китаю. Первым, действительно серьезным пополнением явилась коллекция, привезенная И.М. Симоновым из кругосветного путешествия.

В связи с переводом Восточного разряда (факультета) в Петербург в Кабинете редкостей за довольно короткий срок происходит ряд структурных изменений [3. С. 31]. 1885 году был создан музей Отечестваведения. В этот период музей пополнился этнографическими коллекциями по культуре народов России (Сибирь, Поволжье).

В 1878 г. в Казанском университете создается Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). При нем на основе музея Отечестваведения был создан собственно этнографический музей. В 1888 г. в университете была создана кафедра географии и этнографии, которая для учебных целей приобрела из музея Умляуфа коллекции по быту многих народов мира. На сегодняшний момент они являются основой всех экспозиций.

В 1913 г. профессор Б.Ф.Адлер объединил все ранее существующие разрозненные музеи в один этнографический музей, как крупное научное и учебно-воспитательное учреждение.

В течении XX в. музей пополнялся коллекциями по истории, культуре и быту народов Поволжья, Тувы и Вьетнама. Так же в 1914 году у Н.Ф. Катанова были приобретены татарские украшения и молитвенные рисунки. Собрание Этнографического музея, раскрывающее духовную культуру татарского населения Поволжья, пополнилось приобретением у издательства братьев Каримовых в г. Казани коллекцией шамаилей [3. С. 63].

Для детального изучения татарских шамаилей необходимо сказать пару слов о месте их издания. На рубеже XIX-XX веков Казань становится одним из основных центров формирования в Среднем Поволжье татарской буржуазной нации, общенациональной татарской культуры и высокого искусства, способствовавших возникновению прессы, театра, расцвету литературного творчества, в том числе и духовной литературы, книжно-издательского дела [4. С. 6].

Искусство шамаилей, выполненных литографским способом, было тесно связано с развитием татарского книгопечатания. Первая типография в Казани, получившая название Азиатской, была создана в 1800 году. По существу это была частная татарская типография, которая занималась печатанием книг по заказам издателей. В 1829 году Азиатская типография вошла в состав университетской. К середине XIX века она стала одной из самых крупных типографий в России. На рубеже XIX-XX веков университетская типография занимала лидирующее место по количеству издаваемых татарских шамаилей [Шамсутов 2003: 21]. До 80-х гг. XIX века типография Императорского Казанского университета была монополистом в области издания татарской печатной литературы [1. С. 105].

Известно, что к началу 40-х годов XIX века в Казани функционировало несколько частных типографий, печатавших как книги, так и шамаили. Одна из таких типографий находилась в Ново-Татарской слободе, другая – восточная типография Шевица – в центре города. К началу XX века в Казани, кроме названных типографий, шамаили печатались в частных типографиях – И.В.Перова, А.М.Кокорева (позднее – В.В.Вараксина), И.Н.Харитоновна, Г.М.Вечеслава, М.Чирковой, В.Еремеева и А.Шашабарина, братьев М. и Ш.Каримовых [4. С. 22].

Коллекционный фонд татарских шамаилей этнографического музея Казанского университета составляют печатные шамаили конца XIX - начала XX веков насчитывает 63 единиц хранения. Изданы они в наиболее крупных типографиях г. Казани – типографии Казанского университета, братьев

Каримовых, В.Еремеева и А.Шашабарина и др. Сформировалась она путем дарения в музей личных собраний профессоров Казанского университета – Н.Ф. Катанова и Н.М. Петровского.

Собрание татарских печатных шамаилей Этнографического музея Казанского университета состоит из трех самостоятельных коллекций. Основным источником, содержащем информацию о татарских печатных шамаилях в фондах ЭМУ, являются инвентарные описи (ЭМУ КГУ №№ 104, 112, 193). Описания татарских шамаилей в инвентарных описях очень поверхностны, а при дальнейшем их изучении было определено не соответствие их современному знанию о шамаилях.

Инвентарная опись № 104 – самая объемная, дает представление о коллекции приобретенной у издательства братьев Каримовых. Она была передана в музей Н.Ф. Катановым в 1914 году и насчитывает 55 единиц хранения, 6 из которых являются дублетными. Общее количество татарских шамаилей из коллекции Н.Ф. Катанова насчитывает 61 единицу. При непосредственном ознакомлении с данной коллекцией было обнаружено, что коллекция включает татарские шамаили изданные в типографиях Императорского Казанского университета (ЭМУ №№ 104-33, 104-34, 104-35, 104-41), братьев М. и Ш. Каримовых (ЭМУ №№ с 104-1 по 104-30, 104-32, 104-36, 104-43, 104-44, с 104-46 по 104-48, с 104-50 по 104-55.), В.Еремеева и А.Шашабарина (ЭМУ №№ 104-31, 104-42, 104-49), И.В.Перова (104-37, 104-38, 104-39, 104-45), М.А. Семенова (ЭМУ № 104-40). Шамаиль, инв.оп. ЭМУ №104-52, изданный в типографии братьев Каримовых выполнен в технике печати с позолотой. Некоторые издания представлены двумя экземплярами (ЭМУ 104-26, ЭМУ 104-27, ЭМУ 104-34, ЭМУ 104-36, ЭМУ 104-37). Коллекция не сохранилась полностью, существующие по описи шамаили с инвентарными ЭМУ №№ 104-30, 104-50 утеряны.

В инвентарной описи ЭМУ №112 зарегистрированы четыре шамаиля неизвестного происхождения, которые представляют собой таблицы заклинаний с мольбой (дуа) на старотатарском языке. Функциональное

использование таких шамаилей источники не подтверждают. Можно предположить, что отпечатанные на папиросной бумаге татарские шамаили носились как обереги в коранницах или вшивались в элементы костюма.

Так, шамаиль под инвентарным номером ЭМУ 112-1 разделен на четыре равные части размером 37 см x 44,5 см, текст каждой части идентичен. Здесь записана в верхней части листа на старотатарском языке комментарии к молитве Корана, а в нижней половине приведена сама благословенная молитва: «О Аллах, Господь Ибрахима (мир ему), Джабраила, Микаила, Исрафила, Газраила, Ибрахима (мир ему), Исмаила (мир ему), Исхака (мир ему) и Якуба (мир ему), ниспославший Таурат и Инджиль и Забур и Фуркан¹; и нет силы и нет мощи ни у кого, кроме Аллаха - Властелина, Истинного и Явного; Мухаммад (с.а.с.) посланник Аллаха – Правдивый, Исполняющий обещания, Верный. О Господь мой, о Господь мой, о Вечноживущий, о Самосущий, о Обладатель величия и почета я прошу тебя ради имени Твоего великого, если посредством которого воззвать к Тебе, Ты несомненно ответишь, чтобы Ты наделил меня прекрасным дозволенным уделом от милостей Твоих, о Наимилостивейший из милостивых. Йамлиха, Максалина, Маслина, Марнуш, Дабарнуш, Шазнуш, Кефаштатиюш, Китмир²».

Следующий шамаиль, инвентарный номер ЭМУ 112-2, имеет заголовок «Молитвы, которые носят с собой». Печатано в Центральной типографии г. Казани в 1912 году, способом ч/б литографии на папиросной бумаге. Размер 37,5 см x 46,5 см. Все молитвы представлены в виде таблиц. Молитвенные формулы, имеющие обережные функции, выполненные в форме таблиц, были широко распространены в народном исламе, что нашло отражение и в исламе.

---

¹ Другое название Корана. В четырёх аятах Священный Коран назван Фуркан (Различение). Такое название связано с тем, что Писание различает между добром и злом, истиной и ложью, дозволенным и запретным. Согласно другому мнению, оно объясняется тем, что Коран был ниспослан отдельными частями (нуджуман мутафаррика).

² Имена семи эфесских отроков и их собаки Кытмир, которые проспали более 300 лет в пещере, пока в их краю не восторжествовала вера в единого Бога.

Здесь перечислены молитвы, которые читаются, если ребенок проснулся испугавшись чего-нибудь, если ребенок много плачет (несколько дуа, в том числе присутствуют имена Обитателей Пещеры), если болит голова, от сглаза и др.

Шамаиль «Мухри Шариф» («священная печать»). Инвентарный номер ЭМУ 112-3. Ч/б литография, папиросная бумага. Печатано в типографии Тор. Дома Бр. Каримовых в Казани в 1913 году. Размер 36 см x 46 см. В центральной части восемь кругов с текстами аятов Корана, обладающих обережными свойствами и восхвалениями Аллаха, могли символизировать собой восемь небесных уровней, изображения которых также встречаются в печатных шамаилях. В восьмом, внешнем круге нет ничего, кроме повторяющегося имени Всевышнего Творца. Текст шамаиля сообщает о магических свойствах изображения «печати», помогающей человеку уберечься от всякого рода напастей [4. С. 99]. Вокруг круга надпись: «Прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана. Именем Бога, милость Которого безгранична и вечна». В верхних кружочках имена сподвижников пророка Мухаммада (с.а.с.) – справа: Абу бакр (р.а.) и Гумар (р.а.), слева: Гусман (р.а.) и Али (р.а.); в нижнем справа имена внуков пророка Мухаммада (с.а.с.) – Хасана и Хусейна, слева имя матери пророка Мухаммада (с.а.с.) Амина и имя дочери пророка Мухаммада (с.а.с.) Фатима. В кружочках вокруг имен имена Аллах, Мухаммада (с.а.с.). В квадратах справа и слева центрального круга одинаковые надписи: «Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха милостивого, милосердного».

И, наконец, последний шамаиль из этой описи с инвентарным номером ЭМУ 112-4 – сборник молитв (дуа) – оберегов с реликвиями пророка Мухаммада (с.а.с.). Текст оберегов написан на арабском и татарском языках. Чтение их надо было начинать с верхнего правого угла, о чем свидетельствует помещенная там формула «Прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана. Именем Бога, милость Которого безгранична и вечна». Под ней – священная печать «Мухри шариф» (см. выше). Также включают «священные сандалии»

(арабо-тюрк. башмак-и шариф) Пророка, изображение ладони, различные таблицы в виде квадрата и круга.

Инвентарная опись ЭМУ №193 – это четыре шамаиля, татарские лубочные картины «духовно-нравственного содержания» [Гущина 2013: 66], подаренные Н.М. Петровским в 20-х гг. XX века. Петровский Нестор Мемнович - библиограф, коллекционер, знаток книги, краевед, приват-доцент кафедры славянской филологии (1901) КУ, библиотекарь Казанского губернского музея (1919). Шамаили описи ЭМУ №193 изданы в типографиях К. А. Тилли (ЭМУ 193-4), В.Еремеева и А.Шашабрина (ЭМУ 193-1), А.М. Кокорева (ЭМУ 193-3).

Данная коллекция шамаилей не была основательно изучена и атрибутирована за все свое время нахождения в фондах Этнографического музея Казанского университета. Так как искусство шамаиля нельзя серьезно анализировать без знания татарского, арабского языков, без постижения Корана, библейской мифологии и всего литературного наследия татарского народа [4. С. 6], эти шамаили так и оставались неисследованными. Надо быть сведущим и в религиозных течениях мусульманского мира, особенно суфизме, проникнуть в тайны знаковых изображений, символику образов, написание тех или слов или словосочетаний, досконально изучить особенности каллиграфии, чтобы разобрать духовно-нравственный смысл, заключенный в них.

Собирательная деятельность Н.Ф. Катанова. Несмотря на то, что отсутствует другие информационные источники о появлении татарских шамаилей в этнографическом музее Казанского университета, на основании косвенных источников можно предположить, что появление Катановских печатных шамаилей в фондах этнографического музея было лишь частью общего передаваемого собрания музейным учреждениям г. Казани. В это время татарские печатные шамаили были переданы в Казанский городской музей, часть коллекции была передана в музей Казанской Духовной Академии, которая в свою очередь, после ликвидации музея Казанской Духовной Академии, передана в Казанский городской музей.

Именно благодаря части коллекций переданной Н.Ф. Катановым в музей Казанской Духовной Академии мы получили информацию, пусть о схематическом, и, тем не менее, важном описании данной коллекции. Описания эти были озвучены в докладе Н.Ф. Катанова «Казанско-татарские мусульманские литографированные издания с именами лиц Ветхого и Нового заветов» [2. С. 1], прочитанном в Общем собрании Казанского Церковного Историко-Археологического Общества. Здесь он указывает, что «из имеющихся в моей библиотеке 200 казанско-татарских мусульманских литографированных таблиц», «23, которые снабжены именами лиц Ветхого и Нового завета или относятся до христианства», были пожертвованы им в музей Церковного Историко-Археологического общества, где он в то время был директором. Соответственно, можно предположить, что большая часть данного собрания – 177 шамаилей - была передана в Этнографический музей Казанского Императорского университета в 1914 г.

Таким образом, в результате анализа коллекций шамаилей из фонда этнографического музея Казанского университета было выявлено три инвентарные описи, содержащий 63 наименования шамаилей. Изучение шамаилей позволило выявить технологию, авторство и способы дарения – татарские печатные шамаили из этнографического музея Казанского университета изготовленные типографским способом, опубликованные в основном в Казани в период с конца XIX по начало XX вв. и представляют собой дары профессоров Казанского университета – Катанова Н.Ф. и Н.М. Петровского.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Сафиуллина Р.Р. История книгопечатания на арабском языке в России у мусульман Поволжья / Р.Р.Сафиуллина. – Казань: Алма-Лит, 2003. – 211 с.

2. Катанов Н.Ф. Казанско-татарские литографированные издания с именами лиц Ветхого и Нового Заветов / Н.Ф. Катанов. — Казань: Типолитография Императорского ун-та, 1905. — 4 с.
3. Гущина Е.Г. Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития / Е.Г. Гущина. — Казань: Отечество 2013. — 108 с.
4. Шамсутов Р.И. Слово и образ в татарском шамаиле от прошлого до настоящего / Р.И. Шамсутов. — Казань: Татар. Кн. изд-во, 2003. — 199 с.

Вятчина М. В.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Этнографы-естествоиспытатели: участники
студенческих экспедиций Казанского университета в 1910–1922 годах**

Антропология науки как междисциплинарная область позволяет не только рассмотреть социальные связи внутри академических сообществ, увидеть закономерности и основания/предпосылки успешного формирования научных школ, но и оценить возможности биографического подхода в изучении истории дисциплин. Тексты, описывающие историю Казанской этнографической школы, проводят четкую нисходящую линию преемственности, охватывающую несколько поколений [8. С. 15]. Основоположником школы по праву считается профессор Бруно Фридрихович Адлер, ученикам которого предстояло пронести научные принципы через сложное революционное время и годы Большого террора.

Обращение к архивным документам 1910-х гг. дает возможность увидеть ближний круг учеников и сподвижников Адлера, которые в силу самых разных обстоятельств оказались впоследствии раскиданы по миру, так что временная вертикаль оставила для нас в качестве ученика только имя Н. И. Воробьева. В данной работе я хочу рассмотреть биографии студентов, участвовавших в этнографических исследованиях под руководством Адлера, в революционное и постреволюционное время, чтобы попытаться понять механизмы функционирования научной школы периода становления и исторические факторы, меняющие ее структуру.

Статья основана на анализе документов из фондов НАРТ: в первую очередь, это личные дела студентов, переписка с администрацией из фонда «Совет» физико-математического факультета, материалы командировок и

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан, в рамках проекта проведения научных исследований «Становление и развитие этнографического знания в Казанской губернии в XIX–XX вв.», проект № 14-11-16006.

экспедиций, в том числе опубликованные и хранящиеся в Научной библиотеке им. Лобачевского. Для выяснения дальнейших биографий использовались статьи из различных научных изданий³.

Для начала несколько слов о формах организации студенческой научной жизни в Казанском университете в первой четверти XX века. Можно говорить, как минимум, о двух объединениях, тематически близких исследованиям народов и культур: кружок любителей природы и кружок по изучению Сибири. В то время как о первом имеются некоторые сведения, в том числе и в опубликованном виде [4. С. 16], о молодых сибиреведах информация крайне скудная. К работе обоих кружков непосредственное имел отношение Б. Ф. Адлер: в 1915 г. он был назначен руководителем Кружка любителей природы, о чем имеется запись в протоколах Совета факультета, а о его кураторстве над кружком по изучению Сибири упоминал Н. В. Зорин [7. С. 8]. Как видно из документов, наиболее активные члены Кружка могли принимать участие в экскурсиях (как тогда называли экспедиции), организованных Обществом естествоиспытателей при Казанском университете (в дальнейшем – ОЕ). Так, Н. Воробьев и И. Тюшняков были командированы Обществом в Красноярский край, а материалы отчета были оценены весьма высоко и опубликованы в издании ОЕ [17].

Благодаря тому, что к 10-летию Кружка любителей природы были изданы Труды, мы можем назвать имена некоторых наиболее активных студентов. Посмотрев на их дальнейшие биографии, можно выделить взаимосвязь между темами, которые они начали разрабатывать под руководством профессора Адлера и последующими научными разработками, получившими признание. Ниже кратко будут рассмотрены студенческие исследовательские проекты и профессиональные траектории таких участников Кружка, как Сергей Александрович Теплоухов,

---

³ Хочу выразить благодарность красноярским исследователям В. С. Кузьминых и А.С. Вдовину за ценную информацию и комментарии.

Иннокентий Васильевич Тюшняков, Евгений Александрович Голомшток, Иван Алексеевич Лопатин, Василий Иннокентьевич Подгорбунский, Сергей Николаевич Лаптев. Меньше сведений в статье приводится о фигуре Николая Иосифовича Воробьева, поскольку его биография более известна в связи с тем, что он занимался этнографией в стенах Казанского университета.

Сергей Александрович Теплоухов

Представитель семьи Теплоуховых, внесших большой вклад в естественнонаучное и историческое изучение Волго-Уралья, Сергей Александрович Теплоухов стал известен благодаря своим изысканиям в районе Минусинской котловины. Арестованный в 1933 г. по так называемому «Делу славистов», он оказался одной из первых жертв политической репрессий.

Личное дело студента Теплоухова [13] сохранило следующие данные: в 1907 г. он был зачислен в университет вольнослушателем, а впоследствии перешел в статус действительных студентов. В 1913 г. Казанское общество естествоиспытателей направляет его в Урянхайский край для антропологических изысканий среди сойотов (тувинцев). После окончания курса он был оставлен при кафедре с не совсем ясным статусом, о чем говорит следующий документ. В личном деле имеется свидетельство, подписанное помощником Казанского Полицмейстера, что «Теплоухов состояния крайне бедного, имущества, кроме носильного платья, не имеет. Давно не имеет и родственников, могущих оказывать ему помощь, существует на заработок уроками, получая 25 рублей в месяц, из которых платит за квартиру 10 рублей в месяц». Ректору было направлено письмо с просьбой освободить Теплоухова от платы за право подвергнуться испытаниям в Государственной комиссии 1914 г. «Хотя за время прохождения Университетского курса я не пользовался субсидиями, но после окончания существую исключительно на уроки». Можно

заклучить, что ситуация изменилась с момента начала петербургского периода жизни исследователя.

Василий Михайлович Новицкий

Имя Василия Михайловича Новицкого часто упоминается в музее как студента, привозившего коллекции народов Западной Сибири. Известно, что с 1911 г. он ездил в экспедиции, а в 1912 г. помогал в этнографических сборах на этой территории Гамбургскому музею. После окончания университета наряду с профессиональной занятостью в области экономики и административного управления в Тобольском крае много уделял внимания налаживанию краеведческой работы. Однако с 1945 г. о нем ничего не известно, и исследователи [6] затрудняются ответить, в каких условиях и когда он умер.

Иван Алексеевич Лопатин

Гораздо меньше данных пока обнаружено об Иване Алексеевиче Лопатине. Закончив реальное училище в Хабаровске, он поступил в Казанский университет, где начал заниматься исследованиями гольдов (нанайцев) и орочей в бассейне р. Миссури. В 1912 г. на заседании кружка любителей природы он выступил с докладом «О шаманстве у сибирских инородцев». Фактически это был первое этнографическое выступление на кружке (если оперировать сохранившимися в Трудах кружка списками тем). В Этнографический музей Казанского университета им была привезена гольдская коллекция утвари, одежды, орнаментов, а также выполненных из дерева культовых фигур [5. С. 61]. Проработав в учительских семинариях, Хабаровском музее и преподавателем университета во Владивостоке, в середине 1920-х гг. он эмигрировал сначала в Манчжурию [10], затем в Канаду, преподавал в вузах США. Дальнейшие его исследования, судя по опубликованным работам, касались культуры индейцев Северной Америки.

Евгений Александрович Голомшток

Другой пример успешной в смысле обретения научной позиции в эмиграции биографии – Евгений Александрович Голомшток. Один из последних участников кружка «старого» формата, он принял участие в экспедиции Общества естествоиспытателей 1916 г. Его личное дело [12] интересно по ряду причин. Так, оно является локальным примером образовательной политики Российской империи в отношении еврейского населения. При зачислении в учебное заведение он попал в череду бюрократических процедур, поскольку как еврей по происхождению был обязан при подаче документов предъявить свидетельство о благонадежности. Документ был прислан позднее нужного срока, поэтому юноша дважды подавал дополнительные заявления о переводе на другие отделения и факультеты (сначала физико-математическое отделение вместе естественнонаучного, затем – прошение о переводе на медицинский факультет). В августе 1915 г., за месяц до получения статуса студента, он, рожденный в городе Борисов Минской губернии, принял крещение в православие и получил имя Евгений вместо данного при рождении Хаим-Хацкель. В последующих документах попеременно фигурируют и старый, и новый вариант имени.

В 1916 г., то есть фактически сразу после окончания первого курса, он был направлен командировку от ОЕ в Уссурийский край вместе с Н. И. Воробьевым и И. В. Тюшняковым. До сих пор сложно найти ответ на вопрос, как первокурсник получил право на участие в таком ответственном мероприятии. В качестве предположения приведу такие факты: во-первых, могло сыграть роль, что Голомшток, как и его старший товарищ Воробьев, закончил Хвалынскую гимназию и они могли состоять в одном землячестве, где налаживались дружеские отношения. Во-вторых, командировка пришлась на самый разгар Первой Мировой войны, куда была призвана часть студентов, соответственно, сужался выбор.

Буквально по возвращению, в сентябре 1916 г. студент был призван на военную службу в Царицынский студенческий батальон, откуда получил направление в Ташкентское военное училище. Получив там ранение ручной гранатой и пройдя курс лечения в госпитале, он был отправлен в тюрьму по обвинению в контрреволюционной деятельности. Все это стало известно из прошения о восстановлении ректору университета, подписанного в мае 1918 г.

Что происходило далее, можно только догадываться. Точно не известно, когда Голомшток эмигрировал. На рубеже 1920-1930-х гг. он становится одним из участников так называемого «Советского проекта», направленного на развитие музейного и научного сотрудничества [1]. В этот период Е.А.Голомшток работал в Музее антропологии и археологии Пенсильванского университета. Когда советско-американский проект не удалось реализовать в силу опускавшегося в СССР «железного занавеса», Голомшток сосредоточился на других аспектах. Известно большое количество сделанных им фотографий разных периодов.

Интересен и тот факт, что фамилия исследователя встречается и в другом написании: Гольмшток. Этой фамилии атрибутированы коллекции, привезенные в Этнографический музей Казанского университета. Также такое написание использовал археолог Городцов, с которым Голомшток вел переписку [9]. Из его архива вариант написания перекочевал в ряд современных публикаций. Англоязычные тексты, которые ориентированы на авторское написание, используют «Golomchtock». Из этой же переписки известно, что Голомшток в преддверие «советского проекта» пытался найти контакты своего учителя, Б. Ф. Адлера, который к тому моменту уже был подвергнут советской критике, а впоследствии репрессирован.

Сергей Николаевич Лаптев

Сергей Николаевич Лаптев, судя по документам фонда «Совет», был одним из первых, кто держал испытания на звание магистра географии и этнографии в Казанском университете, занимал штатные должности.

Однако тот факт, что он оказался среди участников «великого исхода казанских университетариев» в сентябре 1918 г. [11], привел к тому, что ученый оказался в Иркутском университете, где был одним из создателей географического направления. Прожив 105 лет (скончался в 1993 г.), он представляет яркий образец универсальности образования, полученного в том числе и под руководством Б. Ф. Адлера.

Иннокентий Васильевич Тюшняков

В силу того, что Иннокентий Васильевич Тюшняков [3], закончивший курс в 1918 г., погиб через три года в 26 лет от угара в фотографической комнате Географического кабинета, основную информацию о нем дают два некролога, написанные профессором Адлером. Несколько раз Тюшняков участвовал в экспедициях ОЕ, привозил экспонаты для Этнографического музея. Опубликованные работы и перечень рукописей, упомянутый Адлером, показывает широкий спектр интересов и готовность заниматься различными проблемами. Во время обучения в университете в кружке «Любители природы» он неоднократно выступал с докладами, был членом Правления, секретарем, библиотекарем и членом секции по изготовлению учебных пособий. По воспоминаниям Адлера, именно благодаря вмешательству его студента Кружок не отозвался на призыв заняться изготовлением ручных гранат для войны 1914–1918 гг. Вероятно, речь идет о том, что во время Первой Мировой войны разнообразные подразделения университета получали задания в помощь фронту. Тюшняков отписал в ответ на поручение, что «задачи [Кружка] – культурные, а не избиение себе подобных» [2]. Остались неопубликованными его работы «Писанцы р. Мана», «Енисейцы», «Озеро Боганида», «Географический музей», «П.Кропоткин как географ», «Н.М.Ядринцев». К сожалению, тексты пока считаются утраченными. Однако есть еще ряд неизученных материалов, которые могут дополнить биографию одного из любимых учеников Адлера.

Подгорбунский Василий Иннокентьевич

Сын иркутского священника и миссионера смог реализовать свои уже имевшиеся наблюдения и наблюдения отца, обучаясь на географо-этнологическом направлении Казанского университета. В 1914 г. на заседании Кружка любителей природы он зачитал доклад «Материалы по шаманству у бурят», позднее им было сделаны зарисовки бурятских онгонов, описаны детали шаманского облачения. В 1917 г. он прослушал лекции по этнологии, антропологии и физической географии, а затем вернулся в Казань в качестве студентам новообразованного Казанского Северо-Восточного института, одновременно занимаясь преподаванием этнографии в Казанском народном университете. Экспедиции молодого исследователя проходили в Забайкалье и Якутии [14]. С 1921 г. его биография тесно связывается с Иркутским университетом, однако в 1951 г. он был репрессирован

Вместо заключения

Последовавшие вслед за моментами становления научной школы события (Революции, Гражданская война) в буквальном смысле раскидали молодых исследователей по разным территориям. Приведенные в статье данные несколько меняют представления о научной школе, созданной Бруно Фридриховичем Адлером, и показывают проблемно-тематический спектр, который в ней разрабатывался, а также конкретизируют генеалогические модели теорий и идей, которые были выдвинуты его учениками.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Golomshtock E. Anthropological Activities in Soviet Russia // American anthropologist. New Series. – 1933. – Vol. 35. – N 2. – P. 301–327.
2. Адлер Б. И. В. Тюшняков // Труды студенческого кружка Любителей природы при Казанском университете. Вып. 1. Издан в ознаменование 10-

летней годовщины существования Кружка (29 марта 1910 г. – 29 марта 1920 г.). Казань, 1921. С. 1.

3. Василевская А. Иннокентий Васильевич Тюшняков – неизвестный исследователь Енисейского края // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: LIV Региональная (X Всероссийская с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященная 130-летию открытия палеолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры: тезисы докладов. - Красноярск: СФУ, 2014. – С. 11–13.

4. Вятчина М.В. Три поколения студенческих этнографических кружков в Казанском университете // Материалы IV международной научно-практической студенческой конференции «Точка зрения». – Казань, 2011. - С.7 – 9.

5. Гущина Е. Г. Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития. – Казань: Отечество, 2013. –108 с.

6. Еремеева, О. И. Исследователь Севера В. М. Новицкий // Словцовские чтения–99: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., г. Тюмень, 16–17 нояб. 1999 г. – Тюмень., 1999. – С .192–194.

7. Зорин Н.В. Бруно Фридрихович Адлер. 1874 – не ранее 1932. Казань, 2001.

8. Козлов В. Е. Казанская этнографическая школа: преемственность и инновации// Проблема качества исторического образования в системе высшей школы. Материалы конференции. – Казань. – 2008. – С.51–54.

9. Кузьминых С.В., Вдовин А.С. В.А. Городцов и Е.А. Гольмшток: К истории советско-американских научных связей в области археологии в 1920–30-е годы // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: МВНПК, посвященной 150-летию В.А.

Городцова (Рязань, 20–22 апреля 2010 г.). – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. – С. 48–57.

10. Лопатин Иван Алексеевич // Подготовительные материалы к биобиблиографическому словарю «Русское научное зарубежье». Режим доступа: <http://bfrz.ru/index.php?mod=static&id=98>, свободный.

11. Малышева С. «Великий исход казанских университетариев» // Гасырлар Авазы – Эхо веков. –2003. – № 1–2.

12. НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела. Д. 41807. 19 л. Голомшток Евгений Александрович.

13. НАРТ. Ф.977. Оп. Личные дела. Д. 38700. 36 л. Теплоухов Сергей Александрович.

14. Свинин В.В., Сазонова С.А. Доцент В.И. Подгорбунский: археолог, этнограф, геолог // Дуловские чтения 1997 года: материалы докладов и сообщений. – Иркутск. – С. 161–164.

15. Титова, Т.А., Токсубаева Л.С. Роль Е.П. Бусыгина и Н.В. Зорина в развитии этнографии в Казанском университете // Бусыгин Е.П. Счастье жить и творить. Казань: Изд-во "Kazan " Казань", 2007. – С.375 – 380.

16. Труды студенческого кружка любителей природы при Казанском университета. – Вып.1. – Казань, 1921.

17. Тюшняков И. В., Воробьев Н. И. Отчет об исследованиях реки Енисея в окрестностях города Красноярска (Енис. губ.) летом 1915 года // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. – Т. XLVIII. –Вып.5. – Казань, 1918. – 50 с.

Воскресенская Е. В.

(Санкт-Петербургский государственный университет)

«Женский вопрос» в университетской среде России

в 60–80-ых гг. XIX века

Во второй половине XIX века университеты в России являлись уже не только научно-образовательными центрами, но и своеобразным зеркалом всех происходивших в стране социальных и культурных преобразований. В эту эпоху буржуазные преобразования, революционный дух освобождения в демократически настроенной среде породили осознанное либеральное движение. [14. С. 41].

Важной составляющей нового движения была борьба за расширение женских прав в сфере труда и образования. Неравноправное положение женщины в дореформенной России XIX века в сфере высшего образования поддерживалось как с юридической стороны (закон устанавливал запрет для замужних женщин поступать на государственную и общественную службу, в высшие учебные заведения), так и, в большей степени, самим общественным мнением, ведущим корнями к далеким историческим традициям [4. С.10].

Постепенно, «женский вопрос» стал краеугольным камнем в среде либеральной общественности страны 60-ых годов. Он повсеместно обсуждался в «интеллигентных» салонах, кружках, а также вписал яркую страницу в историю отечественной публицистики. Еще в 1856 г. известный русский хирург, общественный деятель Н.И. Пирогов в статье под названием «Вопросы жизни» определил его как общественно значимое явление и предложил заняться преобразованием системы воспитания молодого женского поколения [8. С. 42].

Система образования, сложившаяся в России к XIX веку, не предусматривала допуск женщин к высшему университетскому образованию. Женщины ограничивались домашним образованием,

гимназиями и институтами. Прежде всего, возникает мысль о медицинском образовании для женщин. В то время, когда Западная Европа и Америка еще не знала совсем женщин-врачей, русские женщины уже были допущены к слушанию лекций в петербургском университете и медико-хирургической академии в 1859 [12. С.41–43].

Однако вторжение женщины в мужскую цитадель — университет — явилось поистине революционным актом. Первые «студентки» стали своего рода знаменитостями, о них было много разговоров в обществе — как о «передовых девушках» в одних кругах или как о предтечах грядущего разврата, гибели нравственных устоев, семейных очагов и брачных уз — в других [8. С. 143]. Также как и после открытия запора в плотине, вода устремляется, тревожно пенясь и бурля, прежде чем не войдет в норму и не потечет спокойно по открытым берегам — тоже произошло и с русскими женщинами, когда перед ними открылись двери к общественной самостоятельности, выливаясь в крайности, от которых и появились такие феномены как «женщина-нигилистка», «курсистка», «феминистка» [10. С. 30].

Университетская профессура раскололась в женском вопросе на два лагеря. Значительная ее часть, представленная, в первую очередь, молодым поколением, всячески поддерживала благородное стремление женщин. Характерной фигурой такого типа университетских ученых был, например, Иван Михайлович Сеченов — не только гениальный исследователь, но и талантливый педагог, он принимал активное участие в организации Высших Женских Курсов [13. С. 400].

Но все же, большинство преподавателей были настроены строго консервативным образом и расценивали присутствие женщин несовместимым с достоинством научного учреждения, усматривавших в этом «начало деморализации», многие из профессоров не поняли серьезности стремлений «прекрасного пола» к высшему образованию, расценив его как простую моду. Поэтому первых вольнослушательниц в

университетах встречали не только с доброжелательностью, но и с нескрываемым удивлением, насмешками, а иногда и враждебностью. Сами студенты в целом отнеслись к появлению женщин в университете как к явлению совершенно естественному [4. С. 1056].

В 1863 г. новый университетский устав был утвержден. Невзирая на благожелательные ответы большинства университетов, женщинам было категорически запрещено присутствовать на лекциях. Многие молодые девушки, убежавшие из дома (что становилось крайне модным в ту эпоху) поехали учиться за границу, стремясь в университеты Женевы, Цюриха, Лозанны, Берна, Парижа [3. С. 56].

Однако это не остановило женщин от борьбы за высшее образование на Родине. К тому же, правительство само шло навстречу общественным стремлениям, однако, в открытии высших учебных заведений для женщин, руководствовалось не идеями просвещения лиц женского пола, воспитания и образования дочерей, жен, матерей, а стремилось избежать «беспорядков в умах» молодого поколения и угрозы возможного «раскрепощения женщины» [6. С. 279].

У Высших Женских Курсов были предшественники. Для Санкт-Петербургских Высших Женских Курсов это Аларчинские курсы, созданные по инициативе известного педагога И.И. Паульсона открывшиеся почти одновременно с ними - Владимирские, для Московских же — Лубянские курсы. Пока шла бюрократическая волокита и продолжалось ожидание официального разрешения на открытие Высших женских курсов, группа наиболее радикальной молодежи во главе с Е. А. Солодовниковой сумела устроить концерты актрисы Е. Лавровской и на собранные деньги открыть в апреле 1869 г. подготовительные курсы. Они разместились в здании пятой мужской петербургской гимназии у Аларчина моста, откуда и произошло их название – Аларчинские [8. С. 156].

Передовая женская молодежь потянулась на эти курсы. На них ежедневно с 6 до 9 вечера лучшие преподаватели Петербурга читали лекции в объеме программы мужских гимназий. Наибольшей популярностью среди слушательниц пользовались математик Л. Н. Страннолюбский, физик К. Д. Краевич, химик А. Н. Энгельгардт. Среди курсисток выделялась выдающимися способностями в области математики, химии и физики 16-летняя Софья Перовская [11. С. 76].

Аларчинские курсы сыграли свою роль не только в женском образовании, но и в истории освободительной борьбы. Недаром они пользовались плохой репутацией у властей как прибежище "всех нигилистов и эмансипированных". Здесь осенью 1869 г. возник кружок С. Л. Перовской, в котором объединились слушательницы Аларчинских курсов сестры Александра и Вера Корниловы, О. А. Шлейснер, А. Я. Ободовская (все они, включая Перовскую, впоследствии - "чайковцы"), А. П. Корба, А. К. Вильберг, Е. Н. Ковальская, С. А. Лешерн фон Герцфельдт, П. К. Скворцова, Ф. М. Берлин-Кауфман, Е. Ф. Литвинова [7. С. 54].

Благодаря неутомимой энергии и бесчисленному количеству хлопот передовых женщин - «шестидесятниц», в центре которых стояли Е. И. Конради, А. П. Философова, В. П. Тарновская, М. В. Трубникова и Н. В. Стасова, 20 сентября 1878 г. в Петербурге в торжественной обстановке открылись Высшие женские курсы, вошедшие в историю под названием Бестужевских (по имени их основателя, известного историка профессора К. Н. Бестужева-Рюмина). Список профессоров, среди которых были такие выдающиеся ученые, как Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, О. Ф. Миллер, и другие, а также воспоминания слушательниц и преподавателей дают основания считать, что уровень преподавания на курсах приближался к университетскому [3. С. 11].

Впрочем, созданные курсы имели ряд слабых сторон. В учебных помещениях зачастую были ужасающие условия, что являлось следствием низкого финансового обеспечения. К 1879 году был ограничен прием на

курсы, которые, ко всему прочему, не давали первым выпускницам прав на преподавание. Статус выпускниц Бестужевских курсов долгое время не отличался от выпускниц средних учебных заведений. Более того, работодатели предпочитали отказывать бывшим курсисткам, ссылаясь в отчетах на их неблагонадежность. [Там же.]

Так, возможности высшего образования для женщины территориально ограничивались Петербургом (Бестужевские курсы), Москвой (курсы Герье), Казанью и Киевом. В 1879 г. профессор А. С. Трачевский открыл подготовительные курсы в Одессе и представил властям проект Высших женских курсов, в открытии которых ему отказали. В 1881 г. Были отклонены аналогичные ходатайства профессуры из Варшавы и Харькова. В 1886 г. Высшие женские курсы были закрыты фактически на неопределенный срок [13. С. 434].

Несмотря на это, за свое недолгое существование, при всех слабостях, недостатках и ограничениях, Женские Высшие Курсы показали огромное стремление русских женщин к учебе, тягу к получению знаний и, несомненно, сыграли значительную роль в становлении высшего женского образования в России. Таким образом, университеты и университетская жизнь 60-80-ых гг. XIX вв. оказались неразрывно связаны со злободневным «женским вопросом», являясь, по сути местом рождения русской женщины «нового типа», что оставило яркий след на социокультурном развитии общества рассматриваемой эпохи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789-1918 / Пер. Е. Незлобиной. М., 2011. – 408 с.
2. Баренбаум И. Е. Книжный Петербург. Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003. – 275 с.
3. Вахромеева О.Б. Новая женщина в старой России: очерки по истории женского образования, конец XVIII-начало XX века. СПб., 2011. – 248 с.

4. Водовозова Е.Н. «На заре жизни и другие воспоминания. 1911. Том1. – 1200 с.
5. Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX–начале XX вв. [автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук]. – Саратов, 2011. – 61 с.
6. Жуковский Ю.Г. Затруднения женского дела // Современник. 1863 дек. – 279 с.
7. Мазовецкая Э. Анна Энгельгардт. Санкт-Петербург второй половины XIX века. СПб., 2001. – 224 с.
8. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., Мысль, 1988. – 249 с.
9. Пирогов Н.В. Вопросы жизни. 1968. Т.1. – 608 с.
10. Писарева Е.Ф. Памяти А.П. Философовой. СПб. 1912. – 80 с.
11. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50-60-е г. XIX в. Л., 1984. – 239 с.
12. Шашков С.С., Очерк истории русской женщины. СПб., 1878. – 275 с.
13. Штакеншнейдер Е.А. Дневники и записи (1854-1886). 1934. – 530 с.
14. Юкина И. И. Истоки женского движения в России // Все люди - сестры. Бюллетень. – ПЦГИ. СПб, 1993. № 1–2.

Павлова Л. В.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Еврейское студенчество Казанского университета
во второй половине XIX века**

Уже к началу XIX века возраст «еврейского вопроса» в высшей школе Российской империи насчитывал более ста лет. На протяжении этого периода он приобрел значимость едва ли не главного направления великодержавно-националистического регулирования состава российского студенчества, при том не по расовому, а по конфессиональному признаку. Идеологический смысл этого процесса, в том числе в отношении подданных иудейского вероисповедания, зависел от внутривластного курса самодержавия, от усмотрения подлежащих министров (в первую очередь министров народного просвещения), ну и, наконец, от «бюрократического вдохновения чиновников-исполнителей многообразного табельного калибра» [18. С.15].

Данная статья посвящена исследованию «еврейского вопроса» в рамках одного университета – Казанского императорского в период либеральных реформ Александра II, которые не только позволили, но и всячески мотивировали иудейское население к получению высшего образования.

Для решения «еврейского вопроса» до 1881 года самодержавие проводило политику «сближения» и «слияния». Клиер пишет, что «все же государство и общество сошлись во мнении, что евреи могут и должны быть преобразованы в здоровую силу общества» [15. С. 3]. При Александре I этой цели пытались достигнуть постепенными реформами, а при Николае I – с помощью агрессивного вмешательства в жизнь еврейской общины.

Евреи считали императора Николая I царем крайне враждебным, и не без основания. В царствование Николая был издан закон, обязавший

евреев к отбыванию рекрутской повинности, от которой они ранее были освобождены. Издавались законы, ограничивавшие права евреев на избрание места жительства и рода занятий. В 1850 году евреям запретили носить традиционную одежду, однако большинство иудейского населения продолжало носить и одежду, и пейсы. Однако, помимо этой регламентации наказывания, в правление Николая произошли важные изменения, которые способствовали модернизации еврейской жизни. По мнению А.Миллера [20], именно отсюда берет свои корни русско-еврейская интеллигенция. Так что же произошло? В отличие от своего брата Александра, который проводил политику сегрегации евреев, Николай решил, что гораздо более разумным будет пытаться ассимилировать их. Так как политика христианизации не приносила ожидаемых результатов, решено было действовать через политику образования. В 40-е годы XIX века была проведена целая серия реформ, которая предполагала две вещи: отмену кагала (и это было очень важно, поскольку кагал способствовал консервации еврейской общины и не давал ей «растворяться» в православном окружении) и создание новых светских школ для евреев с преподаванием многих предметов на русском языке и с преподаванием религии на немецком. Автором проекта был ни кто иной как Уваров. Это очень интересное явление, потому что Уваров был очень дальновидным чиновником, он понимал, что для того, чтобы сделать что-то в отношении той или иной общины, этнической группы, то нужно найти союзников внутри этой группы. И ему это удалось. Ко второй половине XIX века начинает появляться немногочисленная прослойка просвещенных евреев, которые отторгались традиционалистскими общинами, и которых можно было привлечь к преподаванию, что он и сделал.

Если бы не эти школы, вряд ли произошел бы резкий скачок численности евреев среди учеников гимназий и университетов уже в правление Александра II, даже несмотря на его либеральную

национальную политику в отношении еврейского населения. Интересно, что общины сопротивляются этим школам, потому что снова воспринимают их как инструмент отрыва от иудаизма и христианизации.

В целом, можно сказать, что весь период до либеральных реформ Александра II – это период, когда государство пытается каким-то образом перестраивать жизнь еврейских общин, а еврейские общины по большей части активно этому сопротивляются. Но возникает небольшая группа «модернизированных» евреев. Ситуация резко меняется при Александре II. Время его правления – это эпоха возможностей как самих евреев – вырваться из оков ограничений, так и Империи – провести эмансипацию евреев. Это была эпоха, когда в обществе сильны были настроения, которые Н. Юхнева описывает как «либеральные приглашения к ассимиляции» [22], и когда со стороны евреев появился достаточно массовый отклик на это приглашение. Правда, длилась эта эпоха совсем не долго – с 1861 г., когда право на государственную службу, а значит, и на повсеместное жительство, получили евреи, имевшие ученую степень доктора медицины, а также доктора, магистры и кандидаты по немедицинским факультетам [14. С. 141]; и закончилась в 1887 году, когда правительство Александра III ввело процентное ограничение учащихся иудейского вероисповедания. Все эти перемены в еврейской политике самодержавия во второй половине XIX века можно проследить на примере Казанского императорского университета, при изучении личных дел студентов-евреев университета в указанный период, каких в архиве университета было найдено ровно сто.

Что касается социального состава еврейского студенчества Казанского Императорского Университета в рассматриваемый период, то ста изученных личных дел студентов, шестьдесят принадлежали выходцам из мещанского сословия, тридцать пять – детям купцов 1-й и 2-й гильдий, два – солдатским детям [4; 5] и одно сыну отставного унтер-офицера [7], одно – сыну бывшего учителя казенного еврейского училища [6] и одно –

сыну коллежского советника [8]. К четырнадцати делам из ста были приложены справки о бедности, но за казенный счет обучался только один студент. И хотя согласно Университетскому Уставу 1863 г. в высшие учебные заведения принимаются молодые люди всех состояний, без различия звания и вероисповедания, а на обучение небольшого процента еврейских студентов были выделены деньги из казны [14], похоже, что и после проведения либеральных реформ Александра II при приеме евреев в российские вузы возникали различные проблемы. В августе 1878 года ректор Казанского Императорского Университета обратился в Петербургский технологический институт с просьбой принять выпускника Виленского раввинского училища, студента 3 курса медицинского факультета Казанского Университета Самуила Каца [1. С.7] и получил ответ: «Господину ректору Казанского Императорского университета. На отношение от 28 дня минувшего августа о помещении в Технологический институт на казенное содержание студента 3 курса медицинского отделения вверенного вам университета еврея Самуила Каца, имею честь уведомить ваше сиятельство, что: 1) Учрежденные по высочайшему повелению пять вакансий для еврейских пансионеров заняты еврейскими мальчиками из губерний Житомирской, Каменец-Подольской, Могилевской, Минской и Киевской. 2) Для окончания полного курса в институте полагается шесть лет. 3) Из числа обучающихся ныне в институте еврейских пансионеров, ныне находятся в классе: двое – в третьем и трое – во втором, следовательно. еврейские вакансии пансионеров в институте откроются не ранее трех лет. и 4) Прием в институт еврейских пансионеров зависит от министерства внутренних дел. Директор, генерал-майор (подпись)» [1. С.7].

Итак, социальный состав еврейского студенчества Казанского университета можно сравнить с многослойным пирогом. Верхушку его составляли отпрыски представителей крупного капитала – купцов 1-й и 2-й гильдии. Этот слой подпирался чуть более многолюдным слоем студентов-

евреев, происходивших из среднекапиталистических деловых кругов, чаще всего достаточно зажиточных, чтобы дать своим детям достойное образование. К этому же слою можно отнести сына чиновника – коллежского советника и сына отставного унтер-офицера. Ну и, наконец, в самом низу этой иерархии располагались дети солдат и обедневших мещан. Таким образом, социальный состав студентов-иудеев Казанского университета перекликался с социальным составом еврейских студентов других императорских факультетов – согласно переписям в.п. XIX в. от 78% до 86% киевских, московских, петербургских а так же московских студентов-евреев по своему социальному происхождению были выходцами из торгово-промышленно-предпринимательских кругов еврейского сообщества. В первые пореформенные годы (1860е), несмотря на перспективы, открывшиеся перед иудеями в связи с либерализацией образовательной системы, когда устав гимназий и прогимназий (1874 г.) декларировал, что учебные заведения открыты для поступления без всяких различий в вероисповедании, евреи не пошли активно поступать в гимназии, даже когда предлагалось содержание на казенный счет. К 1863 г. в гимназиях России евреи составляли 3,2%, т.е. свою пропорциональную норму [16]. Все кардинально изменилось в 70-е гг. В 1874 г. был издан новый воинский устав, предоставлявший льготы по службе лицам с высшим образованием: не только отсрочка воинской службы, но и облегчение несения ее, кроме того, евреи теперь могли получать офицерские чины [17. С.182–184]. В январе 1879 г. все евреи выпускники вузов, а также фармацевты, акушеры и дантисты получили право повсеместного жительства в империи [21. С.300]. Поэтому в 1870е гг. число студентов иудеев выросло, что способствовало созданию в дальнейшем слоя еврейской интеллигенции. В Казани кроме медицинского факультета императорского университета можно было еще поступить в ветеринарный институт, но судя по материалам личных дел студентом, он рассматривался только в качестве запасного или промежуточного

варианта. Десять студентов евреев перевелись из Ветеринарного института на медицинское отделение университета. И хотя в ходе судебной реформы 1860-70 гг. для евреев была открыта возможность заниматься частной адвокатской практикой по окончании юридического факультета, из ста рассмотренных студентов только одиннадцать учились на юридическом факультете. Из них только трое закончили его в Казани. Немировский Яков Исаакович, из мещан Таврической губернии, перевелся на IV курс юридического факультета Казанского университета из Новороссийского университета. Успешно закончил обучение и был намерен защитить кандидатскую диссертацию, но Ученый совет не принял его работу. Немировский вернулся в Таврическую губернию и устроился помощником присяжного поверенного в г. Екатеринославе. Вскоре защитил диссертацию на тему «К вопросу о происхождении сервитутов» и получил звание кандидата юридических наук [3. С.24–27].

пятнадцать студентов, которые переводились в Казанский университет из других университетов империи или наоборот, поступали с физико-математических факультетов отделений естествознания. Свой выбор они объясняли следующим образом: «За неимением вакансий на медицинском факультете покорнейше прошу сделать зависящие от Вас распоряжения о зачислении меня на III курс физико-математического факультета естественного отделения вверенного Вам университета» [10. С.3]. Стоит учесть еще один фактор в мотивации студентами-евреями выбора будущей профессии. Это материальная заинтересованность. К ней так же, как и к российскому студенчеству в целом, в полной мере относились следующие слова профессора Н.И. Корева: «Вопрос о куске хлеба... играет самую важную роль в выборе будущей специальности. Спрос общества на адвокатов и врачей, например, создает и соответствующее предложение: факультеты медицинский и юридический наполняются и даже переполняются» [19. С.11]. В целом, наблюдается целая цепочка поступлений и перепоступлений, связанных со сменой факультета. Часто в делах

встречаются прошения, когда студент, чтобы попасть на желаемый медицинский факультет и получить степень лекаря подавал прошения сразу в два или три университета (чаще всего переводились в медико-хирургическую академию г. Санкт-Петербурга (в 30 случаях из ста), если получали отказ, подавали прошение каждый год, как, например Брускин Бенцион Моисеевич [9]. В 1881 году закончила Херсонскую гимназию, в 1882 поступил на I курс физико-математического факультета естественного отделения Санкт-Петербургского императорского университета. В 1883 году подал прошение на имя ректора Казанского Университета зачисления его на первый курс медицинского факультета. Поясняет, что подавал прошение о переводе на медицинский факультет Петербургского университета, но «за неимением свободных вакансий» ему было отказано. В 1883 году был зачислен в студенты-медики I курса казанского Университета, но уже через год подал прошение о зачислении в императорскую военно-медицинскую академию г. Санкт-Петербурга. Получил отказ из-за нехватки мест, на втором и на третьем курсе он вновь подавал прошения, на этот раз, в Московский университет, но вновь получил отказ по той же причине. В 1886 году был уволен по причине призыва в армию (закончилась отсрочка).

В целом, судя по материалам личных дел, еврейское студенчество Казани было очень мобильным, я бы даже сказала, что наблюдалась «текучка» студентов-иудеев. Из ста рассмотренных студентов, только тридцать три закончили Казанский университет. Еще двое были уволены по причине окончания срока отсрочки от армии [12; 13], один умер [11] (причина смерти не была указана в личном деле) и один уволился в связи с помутнением рассудка [2].

В Казань приезжали выпускники средних учебных заведений Новороссийска, Одессы, Херсона, прибалтийских губерний (Вильно, Дерпт), из Оренбурга, Самары, Уфы, украинских и белорусских земель. Порой они сменяли более трех университетов, чтобы поступить в

желанный вуз на желанный факультет. Создается ощущение, что Казанский университет был словно «пересадочным пунктом» для студентов-иудеев. Из всех рассмотренных случаев, только сорок один студент из ста поступал в Казанский университет сразу по окончании гимназии, из них только девять проучились в университете все пять лет, без попыток перевода в другой университет, и закончили его, получив степени. Остальные студенты прибывали в казанский университет и увольнялись из него по разным причинам, самой популярной причиной было уже описанное выше желание учиться на определенном факультете столичного вуза или вуза поближе к дому.

В ходе анализа личных дел студентов, был выявлен очень интересный факт. Набор документов в личных делах студентов-евреев и студентов не-евреев практически идентичен. Единственное отличие – это метрическая справка – иудеям ее выдавал раввин. Создается впечатление, что все студенты, независимо от вероисповедания, поступали в университет на равных правах. Евреям не требовалось никаких дополнительных документов, все характеристики и справки о политической благонадежности свидетельствуют о хорошем или даже отличном поведении студента-еврея (и даже в тех случаях, когда студенты иудеи были замечены в участии в студенческих волнениях, их увольняли из университетов с такими же правами и условиями, с какими увольняли их православных товарищей). Единственное, что указывает на возможное ущемление прав евреев это их небольшая численность и распределение по факультетам. Как уже было сказано выше, большая часть студентов иудейского исповедания училась на медицинских факультетах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Т. 1. Личные дела студентов за 1876, 1880-1906.

1. Д. 29023 (Кац Самуил Иоселевич 11.09.1876-5.08.1878). 11 л.
2. Д. 29980 (Эфрон Маврикий Израилевич, 14.12-7.08.1885). 22 л.
3. Д. 30241 (Немировский Яков Исаакович, 22.12-1.05.1885). 39 л.
4. Д. 30276 (Искакин Моисей Исаакович, 11. 08-6.12.1888). 36 л
5. Д. 30284 (Гинзбург Александр Константинович /Шабса Берков/, 11.08-8.06.1887). 24 л.
6. Д. 30415 (Шапиро Ицко /Исаак/ Меерович, 31.08-10.02.1890). 28 л.
7. Д. 30418 (Гран Эхиеля Маркович, 2.09-21.08.1889). 21 л.
8. Д. 30430 (Мендельсон Виктор Петрович, 3.09-30.06. 1884). 20 л.
9. Д. 30463 (Брускин Бенцион Моисеевич, 14.09-29.05.1890). 34 л.
10. Д. 30464 (Халанай Герш Беркович, 14.09-26.07.1885). 12 л.
11. Д. 30494 (Дубовский Иосиф Львович, 14.10-29.04.1885). 18 л.
12. Д. 30806 (Плюнгин Давид Хаимович, 29.10-12.10.1889). 32 л.
13. Д. 31298 (Гейман Нахем Беркович, 11.08-21.08.1888). 12 л.
14. Полное собрание законов Российской империи. Все собрания (1649–1913 гг.) — СПб., 1830–1916 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения 13.06.2014).
15. Klier J. D. Russians, Jews and the Pogroms of 1881-1882. – Cambridge University Press, 2011. – 215 p.
16. Аграновский Г. Первые студенты-литваки в российских вузах // Лехаим: литературно-публицистический журнал. – 2013. – № 8(256) [Электронный ресурс]. – URL: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/256/agranovskiy.htm> (дата обращения 13.06.2014.).
17. Зайончковский П.А. Подготовка военной реформы 1874 года // Исторические записи. – 1948. – Т. 27. – С. 182–184.

18. Иванов А. Е. Еврейское студенчество в высшей школе Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. – М.: Новый хронограф, 2007. – 436 с.
19. Кореев Н.И. Выбор факультета. Руководство для учеников высших классов средних учебных заведений. – СПб, 1897. – 51 с.
20. Миллер А. Империя Романовых и евреи [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/article/2006/06/06/miller3/> (дата обращения 13.06.2014).
21. Оршанский П.Г. Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. – СПб., 1877. – 300 с.
22. Юхнева Н. Евреи Петербурга в период реформ 1860-х годов: социально-демографическая характеристика [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jeps.ru/userimages/Uhneva.htm> (дата обращения 12.06.2014).

Секция 2.

80-летие восстановления исторических факультетов в России

Ермолаева К.А

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Студенческий кружок «Военный историк»

как часть научно-образовательной жизни исторического факультета

Казанского университета

На базе исторического факультета Казанского Университета ещё в советский период активно функционировали студенческие кружки. Студенты охотно занимались научной деятельностью в таких кружках, как «Военный историк», «Восточная пятница», «Средневековая среда», «Античный понедельник» [1]. Студенческие кружки были тесно связаны с деятельностью исторического факультета. Ввиду этого следует остановиться на истории одного из них, который на данный момент, активно функционирует уже на основе отделения истории Казанского университета.

Научный кружок «Военный историк» ведёт свою деятельность с 1970 года. В первое время на заседаниях кружка обсуждались семинарские доклады студентов, которые посещали спецсеминары проф. Ионенко И.М по истории Великой Отечественной войны. Члены кружка с энтузиазмом подходили к изучению военного прошлого. Позже кружок становится методическим центром по организации поисковых работ в рамках «Снежного десанта» [2]. «Снежный десант» - это движение в студенческой среде с конца 60-х до начала 90-х годов. Первым студенческим объединением в Татарии стал «Снежный десант» географического факультета. Первый поход десантников геофака был посвящён трудовой славе советского народа. В январе 1971 года ряд кружковцев входят в ряды десантников и совершают свой первый поход по боевому

пути 334-й Витебской ордена Суворова II степени стрелковой дивизии, сформированный осенью 1941 года. Сама идея принадлежала профессору кафедры истории СССР И.М. Ионенко, который служил в рядах данной дивизии [3].

Иван Михайлович также стоял у истоков республиканской книги «Память», 28-томное историко-мемориальное издание было написано при тесном сотрудничестве десантников с кружковцами и с другими организациями [4].

Кружок «Военный историк» работал на протяжении 20 лет. Во-первых, он был центром научного обоснования походов «Снежного десанта», во-вторых, являлся научно-исследовательским центром для студентов, которые занимались проблемами войн. О заинтересованности студентов проблематикой военно-патриотического характера можно судить по следующим показателям. За 20 лет на кафедре было защищено 68 дипломных работ, посвященных изучению проблемы войны. Проанализировав их тематику, было выявлено, что первое место среди исследуемых тем занимали работы, в основу которых положено изучение самых различных аспектов вклада трудящихся Татарии в достижении Победы [2].

В 90-ые годы XX столетия кружок «Военный историк», как и многие другие студенческие кружки, прекратил своё существование. Лишь спустя десятилетия, в начале XXI века, стали вновь возрождаться студенческие кружки исторического факультета Казанского университета. Так произошло и с научным кружком «Военный историк».

«В начале 2004 года два студента Раис Сулейманов и Зуфар Махмутов, прослушав лекцию доцента В.Ф. Телишева про Великую Отечественную войну, подошли к нему и предложили возродить кружок «Военный историк», некогда существовавший на истфаке. На следующей неделе Валерий Телишев принес объявление о том,

что состоится организационное заседание кружка. Так начиналась новая жизнь «Военного историка» [1].

У кружка был свой староста, им стал студент Сулейманов Раис, который ввёл протоколы заседания. Данная традиция существует и по сей день. Осенью 2004 года был принят Устав кружка. Тематика докладов охватывала всю мировую военную историю, но доминировала всё же тема Великой Отечественной войны. Об этом можно судить по планам заседаний кружка. Так, за 2008-2009 и 2009-2010 учебные года на кружке большая часть исследований было посвящено проблемам в годы Второй Мировой войны. Особенно студенты проявляли интерес к изучению истории Татарии в годы Великой Отечественной войны. А именно, история формирования стрелковых дивизий на территории нынешнего Татарстана, изучение вклада татарстанцев в победу над фашистскими захватчиками, участие преподавательского состава Казанского университета в военных кампаниях времен Великой Отечественной войны и другое. Довольно часто на заседаниях кружка присутствовали приглашённые гости. Так, в апреле 2008 года состоялась встреча с сыном героя ВОВ М.П. Девятаева Александром Михайловичем, на которой велось обсуждение книги «Побег из ада». Михаил Петрович Девятаев – советский лётчик-истребитель, единственный в своём роде, кому удалось сбежать с немецкого концлагеря на угнанном им вражеском бомбардировщике Хейнкель-111. В мае 2014 года участник Берлинской операции Малов А.М. поведал кружковцам историю о боевом пути своей танковой дивизии [5]. Не менее поучительны были встречи с участниками сравнительно недавних войн XX столетия, война в Афганистане и Чечне надолго останутся в памяти советского, а потом и российского народа. Так, 14 сентября 2010 года состоялась встреча с участником двух Чеченских кампаний, заместителем начальника медико-санитарной части МВД по РТ подполковником Хамидуллиным Ильдаром Рагибовичем, который поведал

интересные факты из боевых действий в Чечне. Такие встречи стали традицией кружка «Военный историк» [5].

На сегодняшний день кружок «Военный историк» под руководством кандидата исторических наук, доцента Телишева Валерия Федоровича также активно ведёт свою научную деятельность. Валерий Федорович – Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, академик Академии Военно-исторических наук Санкт-Петербурга, один из видных специалистов по истории России на отделении истории Казанского Университета [1].

Работа кружка происходит по нескольким направлениям. Во-первых, это чтение исследовательских докладов по военной проблематике. Каждый из студентов может реализовать себя в научной деятельности в зависимости от его предпочтений в военной истории. На заседании кружка зачитываются доклады, которые охватывают войны с древности по современность. Во-вторых, это регулярные встречи с ветеранами войны и тыла времён Великой Отечественной войны, с участниками войн в Афганистане и Чечне. Эта традиция берёт своё начало с 2004 года, когда приглашённые на заседания кружка ветераны войн делились своими воспоминаниями из военных лет. Окончание официальной части заседания кружка, традиционно продолжалось чаепитием в свободной обстановке среди студентов, преподавательского состава и приглашенного гостя.

В-третьих, это активное взаимодействие с Центром Патриотического Воспитания Казанского Федерального Университета, со «Снежным десантом». Центр Патриотического Воспитания Казанского (Приволжского) федерального университета ведёт комплексную работу по патриотическому воспитанию студенческой молодёжи. На основе совместной деятельности с Центром Патриотического Воспитания осуществляется уборка на Арском кладбище, проводятся викторины, посвящённые Сталинградской, Курской битвам. Многие из кружковцев являются активными членами «Снежного десанта». В-четвёртых, ежегодно

проводится митинг, посвящённый памяти Плакатина Александра Павловича первого декана историко-филологического факультета. Александр Павлович родился в семье железнодорожного рабочего города Абдуллино Самарской губернии. В 1924 году он поступает на рабфак в Самаре, после он отправляется на педагогическую работу в Казань. С 1935 по 1937 года он работает в Казанском педагогическом институте. В сентябре 1937 года переходит на работу в Казанский университет. С 1 августа 1939 года Плакатина назначают на должность декана вновь восстановленного исторического, а с 1940 года – объединённого историко-филологического факультета. В 1941 году наравне со студентами и преподавателями Казанского университета уходит добровольцем на фронт. Попав на фронт, был назначен батальонным комиссаром 352-й стрелковой дивизии. В составе дивизии Александр Павлович принимает участие в Московской битве, в освобождении Подмосковья, Смоленской области. 3 апреля 1943 года Плакатин погибает на подступах к Вязьме [7].

Также на заседаниях кружка проводится просмотр фильмов военной направленности. После этого ведётся дискуссия с привлечением статистических данных, воспоминаний очевидцев тех лет и т.д. Следует также сказать, что члены кружка активно участвуют на итоговой научной конференции студентов Казанского Федерального Университета, на которой они зачитывают свои научно-исследовательские работы. Многие из членов кружка удостаиваются возможности печататься в сборнике по результатам данной конференции. Не менее показательна деятельность кружковцев при сборе материалов в Книгу памяти Казанского университета, многие из которых охотно принялись за работу совместно с преподавателями факультета. «Основой коллектива по сбору материалов для «Книги Памяти» должны были стать студенты – члены научного кружка «Военный историк» при кафедре Отечественной истории, а также студенты-волонтеры исторического факультета. Им предстояло в сжатые сроки (4 – 5 месяцев) провести большую поисковую работу по выявлению

и сбору материалов о выпускниках, аспирантах и преподавателях – участниках Великой Отечественной войны» [6].

На сегодняшний день студенты-кружковцы института истории Казанского университета, активно принимают участие в организации олимпиад и конференций для школьников, со школьной скамьи приобщая их к таким общечеловеческим ценностям, как уважение к старшим, почтение ветеранов ВОВ. Связь поколений лишней раз было доказано на научно-практической конференции школьников, посвящённой 70-летию снятия блокады Ленинграда в мае 2014 года, на которой активное участие приняли члены кружка «Военный историк».

Научный кружок «Военный историк» успешно ведёт свою работу уже в течение 10 лет. Кружок не просто научно-исследовательский центр на базе кафедры истории России и стран СНГ, это место, где каждый студент может реализовать себя в области исторической науки. Это возможность написания исторических работ с последующим их обсуждением на заседании кружка и возможность в будущем превращения докладов в дипломные работы.

В перспективе приобщение к данному роду деятельности всё большее количество студентов не только из отделения истории, но и из других институтов. Ввиду того, что мы живем в век информационных технологий, добиться желаемого результата становится куда легче. С этой целью в сентябре 2014 года была создана группа студенческий кружок «Военный историк» в социальной сети «В контакте».

Хочется верить, что за студенческими кружками будущее. Ведь «студенческие кружки – это часть университетской культуры, без которой трудно представить учебную и научную работу любого вуза России. Остаётся только искренне надеяться, что эта культура не прервётся,...и кружки дальше будут нести свою священную миссию, приобщать студентов к науке и готовить из них новое поколение специалистов» [1].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Студенческие научные кружки исторического факультета Казанского государственного университета в начале XXI века / Р.Р Сулейманов // Этнорелигиозные исследования в Поволжье. URL: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/17/151>.
2. . Историческая наука в Казанском университете: Материалы научной конференции. Казань, 3-4 декабря 1999 г.: Тезисы докладов / Редколлегия: Р.К Валеев и др. – Казань: Издательство «Хэтэр», 2000.
- 3 Красильников С.Н., Телишев В.Ф. В походах за памятью / С.Н Красильников., Телишев В.Ф. – Казань: Книга памяти, 1995. – 208 с.
4. Увековечение исторической памяти народов Татарстана. Материалы республиканской научно-практической конференции. 18 февраля 2011. Казань – 158 с.
5. Текущий архив кружка «Военный историк» за 2008-2014 года.
6. «Во имя павших и живых во имя...» Книга памяти Казанского университета / автор-сост. В.Ф. Телишев. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 124 с.
7. Жизнь историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Сб. статей. Казань, 1999. – 192 с.

Лядвейкина Е.А.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Патриотическое воспитание на отделении истории
в Казанском федеральном университете**

«Нет у человека ничего прекраснее и дороже Родины. Человек без Родины — нищий человек», - так писал известный советский писатель Якуб Колас и здесь с ним невозможно не согласиться, ведь в этих словах скрыта глубочайшая мудрость, которая является залогом патриотизма и любви к Родине. Именно патриотизм является тем фундаментом, на котором возводится жизнь не только одного человека, но и жизнь целого государства. В настоящее время становится заметна тенденция, что под патриотическим воспитанием понимают исключительно военно-патриотическое воспитание. Это, конечно, важная, но отнюдь не единственная его часть. Патриотизм на уровне конкретного индивидуума должен выражаться, прежде всего, в преданности своей семье, ее традициям, окружающему социуму [1]. Таким образом, важным направлением патриотического воспитания должна являться работа, направленная на знакомство с истоками национальной культуры, с героическим прошлым государства.

Говоря о патриотическом воспитании, хотелось бы разобраться в самом понятии. Согласно современной «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» патриотизм определяется как «любовь к родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите» [2]. Необходимо отметить, что любовь к Родине начинается уже с первого слова, первого шага, первого звонка, первой буквы, первого прочитанного стихотворения о России, о её героях, которая начинает проявляться еще в детском возрасте, и подкрепляется не только

родительским воспитанием, но и воспитанием в детском саду, школе, университете.

Размышляя над этой проблемой, мы остановимся на теме патриотического воспитания в высших учебных заведениях и попытаемся рассказать о деятельности Казанского федерального университета в этом направлении. Патриотическое воспитание молодежи всегда являлось одной из важнейших задач современных образовательных учреждений – школ, университетов. Его актуальность обусловлена высоким уровнем интеллектуального потенциала и активностью среди учащейся молодежи. Сегодня патриотическому воспитанию среди студентов уделяется большое внимание. Так, Институт международных отношений, истории и востоковедения (ИМОИиВ) Казанского Федерального Университета вносит весомый вклад в развитие патриотического воспитания среди студентов. По инициативе ИМОИиВ проводится ряд мероприятий, направленных на формирование социально активной личности молодого человека, обладающего чувством национальной гордости, любви к своему народу, родному краю, Отечеству. Но работа со студентами без участия самих студентов на университетском уровне невозможна, так в 2007 году на базе тогда еще исторического факультета, ныне на Отделении истории, что связано с реорганизацией факультета и объединением с факультетом востоковедения и международных отношений, активные студенты вступили в ряды Союза студентов и аспирантов КГУ. В течение нескольких месяцев им стало ясно, что для реализации всех целей по популяризации научной деятельности и воспитания патриотизма в студенческой среде необходимо создавать отдельную организацию на факультете. Несколько молодых людей создали сообщество и назвали его «студенческое научное общество истфака КГУ». У СНО был и на данный момент существует свой устав и выборный председатель. Деятельность организации продвигается поступательно. Прежде всего, это проявляется в работе с Союзом студентов и аспирантов КФУ в области проведения

научных и патриотических конкурсов и конференций. Активисты СНО активно распространяют информацию среди студентов о мероприятиях, мотивируют участие, развивают в них патриотический дух. Кроме конкурсной деятельности, а так же участия в организации конференций одной из важнейших задач СНО является информирование студентов о всевозможных грантах, конкурсах, конференциях и обеспечение помощи им в их участие. Так за несколько лет активной деятельности СНО не один десяток студентов приняли участие в научных конференциях в других городах России и зарубежья, были получены десятки грантов и опубликовано множество научных публикаций, многие студенты прошли стажировки в зарубежных вузах.

Для организации деятельности по формированию у студентов Университета высокого патриотического сознания администрация вместе со студенческим научным обществом Института разработала и реализует различные проекты и конкурсы:

Еще в 2007 году на базу исторического факультета стал проводиться конкурс «Попади в историю», направленный на популяризацию исторических знаний. Впоследствии он приобрел общеуниверситетский статус, а с 2008 года был включен в фестиваль «Интеллектуальная весна» Казанского государственного университета. Благодаря деятельности СНО представители исторического факультета, а затем и института занимали на этом конкурсе неоднократно первые места не только в отдельных конкурсах, но и в общем зачете. Сейчас «Попади в историю» проводится в масштабах Республики, и количество участников в нем достигает 60 человек. Главной целью этого конкурса является привлечение внимания учащейся молодежи к российской истории, её роли в обществе и в укреплении экономических и культурных возможностей во взаимодействии с другими государствами.

Еще одним достоинством в работе по развитию патриотического воспитания является проведение Всероссийского научно-литературного

конкурса «Война пером», целями которого являются: привлечение студенческой молодежи к российской истории и культуре, популяризация российской истории и культуры, поддержка и развитие интеллектуального и творческого потенциала студентов и школьников России, формирование патриотического самосознания молодежи. Этот конкурс также имеет свою богатую историю: он зародился еще в 2008 году на базе исторического факультета, его масштабы были скромными. Первоначально, сборник насчитывал всего несколько десятков работ, но уже за несколько лет активной работы администрации, СНО и самих студентов конкурс достиг не только университетских и Республиканский масштабов, но даже Всероссийского и насчитывает уже сотни творческих и научных работ студентов.

Студенты института активно участвуют в деятельности поискового отряда "Снежный десант" [3], который начал свою историю еще в 1968 году. Об этом свидетельствует университетская газета КГУ «Ленинец» от 29 января 1968 года : «В соответствии с планом встречи и проведения 50-летия Советской Армии и ВМФ комсомольцы нашего университета подготовили к выброске два батальона «Снежного десанта», которые в дни каникул направятся во многие районы Татарии» [4]. Первым студенческим объединением в Татарстане и стал «Снежный десант» географического факультета КГУ, в 1970 году к ним присоединился батальон Казанского театрального училища, а уже их опыт был взят на вооружение «десантниками» историко-филологического факультета КГУ, которые также занимались поисками пропавших солдат. Сейчас направлением деятельности «Снежного десанта » Казанского федерального университета являются: поисковая работа, работа с архивными документами, поиск, подъем и захоронение останков погибших в годы Великой Отечественной войны, работа с ветеранами. Поисковой отряд проводит агитационную работу в формате выступлений в учебных

заведениях с лекциями и фильмами о поисковой работе и Великой Отечественной войне.

На отделении истории активно функционируют патриотические и военно-патриотические кружок «Военный историк», члены которого занимаются изучением войн и их роли в истории человечества. Кружок "Военный историк" ведёт свою деятельность с 1970 года. В первое время на заседаниях кружка зачитывались семинарские доклады студентов по истории Великой Отечественной войны. Позже кружок стал методическим центром по организации поисковых работ в рамках "Снежного десанта". Но в 90-ые годы XX века кружок "Военный историк" прекратил своё существование и лишь в начале 2004 года снова стал активно функционировать. На сегодняшний день кружок активно ведёт свою научную деятельность. Работа кружка происходит по нескольким направлениям: написание исследовательских докладов по военной проблематике, где каждый из студентов реализует себя в зависимости от предпочтений в военной истории; организация регулярных встреч с ветеранами войны и тыла, с участникам войн в Чечне и Афганистане; активное взаимодействие с Центром Патриотического Воспитания и со "Снежным десантом"; участие в ежегодном митинге, посвящённого памяти Плакатина Александра Павловича, первого декана историко-филологического факультета и по многим другим.

Содержание работы по патриотическому воспитанию в рамках Института международных отношений, истории и востоковедения определяется благоприятной атмосферой в самом Казанском Федеральном Университете и имеющихся в нем ресурсов. Плановая работа в этом направлении непременно даёт положительные результаты. В 2013 году студенты отделения истории активно участвовали и стали победителями Всероссийского мультимедийного фестиваля студенческого творчества «Сталинград 3.0», содействующего сохранению исторической памяти о

Сталинградской битве в новых поколениях интеллектуальной молодежи и в обществе.

Необходимо отметить, что ИМОИиВ обладает большими потенциальными возможностями в патриотическом воспитании, которые необходимо развивать и начинать его нужно, безусловно, воспитания уважения к своей семье. Для этого, например, можно организовать конкурс родословных, где студенты будут составлять генеалогическое древо своей семьи. Также в студентах необходимо воспитывать любовь и уважение к окружающим его людям и к природе, используя такие формы работы как организация благотворительных акций, сбор средств для детских домов и для домов пожилых людей, организация субботников. Для вовлечения студентов в процесс патриотического воспитания можно организовывать конференции, круглые столы, дебаты и различные интеллектуальные игры. Также важно организовывать посещение студентами театров, музеев, выставок.

Патриотическое воспитание в рамках Института и Университета уже сейчас вносит весомый вклад в дело формирования достойных граждан нашей страны и эту традицию необходимо продолжать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Никифорова О.А., Иванова В. С., Редько Л. А. О патриотическом воспитании. [Электронный ресурс] / Никифорова О.А., Иванова В. С., Редько Л. А. – Режим доступа: <http://elib.altstu.ru/elib/disser/conferenc/2010/02/pdf/227nikiforova.pdf>.
2. http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml.
3. <http://kpfu.ru/studentu/molodezhnaya-politika/koordinacionnyj-sovet-obschestvennyh/poiskovyj-otryad-39snezhnyj-desant39>.
4. <http://snejny-desant.ucoz.ru/publ/1-1-0-9>.

Евтушенко Е. Е.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Историю надо знать, историю надо помнить

Ни для кого не секрет, что в начале прошлого столетия наша страна пережила жесточайший и повсеместный кризис, кульминацией которого стала Революция 1917 года и последующая за ней Гражданская война. Новый политический режим стал откровенно и неприкрыто заявлять о своем богоборческом идеологическом характере и тоталитарном методе управления. Стремление изменить человеческую природу и построить новое коммунистическое общество было весьма утопическим, однако большевики относились к историческому наследию дореволюционной России с пренебрежением и твердым намерением уничтожить его. Это не могло не сказаться самым пагубным образом на исторической науке и образовании. Так или иначе, но «поступки мудрых людей продиктованы умом, людей менее сообразительных – опытом, самых невежественных – необходимостью, животных – природой» [7. С. 715].

В течение первых десятилетий правления коммунистов в научной сфере велось целенаправленное разрушение отечественной исторической школы, сложившейся на протяжении веков, а в образовательной системе была предпринята попытка заменить преподавание истории кратким курсом политизированной социологии и отдельными фрагментами описания развития экономики, классовой борьбы и революционного движения. Однако пагубность такого подхода, причем не только для исторической науки, но и для жизни государства и общества в целом, к началу 1930 гг. стала всё более очевидной. «В развитии отечественной исторической науки в XX в. одним из определяющих периодов стали 1930-е гг. В 1934 г. партийно-государственное руководство страны приняло решение восстановить историческое образование в средней и высшей школе» [9]. Считается, что первый этап исторической системы

образования в вузах России (1920-е – первая половина 1930-х гг.) характеризуется кардинальной сменой образовательной парадигмы системы подготовки историков, трансформацией структуры вузов, обновлением содержания и методики преподавания истории. Относительно образования и преподавания истории в Казани существует следующая информация: в 1934 г. «в составе пяти факультетов Казанского государственного педагогического института был образован исторический (в Казанском государственном университете истфак был восстановлен в 1939 г.). Перед новым факультетом ставилась задача «подготовки квалифицированных специалистов по истории» [Там же] способных обеспечить «преподавание гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей» [8].

При работе над выбранной темой я познакомилась со статьей А.И. Алаторцевой, которая оказалась полезной и информативной. Статья посвящена изучению «внешних» факторов по отношению к советской исторической науке. В ней представлен анализ общей атмосферы в партийной и общественно-политической жизни на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг., в которой происходила реорганизация управления советской исторической наукой. Результатом этой реорганизации стало, по мнению автора, установление жесткого контроля партийного аппарата и лично И.В. Сталина за деятельностью всех ведущих научно-исследовательских институтов и научных печатных изданий. В результате «...Сталин утвердил свою исключительную роль в толковании ленинизма, Октябрьской революции, свое право на монополию в исторической науке» [1. С. 283].

Аналогичный взгляд на проблему у Г.А. Герасименко: «Формирование идеологии и практики сталинизма шло одновременно с приручением историков, приспособлением истории к его нуждам и потребностям» [3. С. 654]. Далее автор продолжает: «Историки оказались в

положении людей, которым связали руки: им установили границы познания, ограничили доступ к архивам и поставили их деятельность под строжайший административный контроль. Положение, в которое они попадали, не имело аналогов в прошлом. К концу 1930-х гг. Сталин окончательно подмял советскую историческую науку и поставил ее на службу правящей верхушке» [3. С. 660–662].

Анализируя развитие советской исторической науки в 1930-х – первой половине 1950-х гг., А.Н. Мерцалов заметил следующее: «Сталинизм лишил научной основы историографию и популяризацию исторических знаний, безнравственно манипулировал массовым сознанием.... Антинаучная методология, обслуживавшая сиюминутные интересы автократии, заслоняла от общества будущее... Сталинизм привел к деградации личности многих ученых. Возник конфликт между тем, что они думали и писали» [5. С. 446–447]. Можно согласиться с точкой зрения О. Волобуева и С. Кулешова о том, что именно «Краткий курс истории ВКП(б)» в известном смысле завершил процесс подгонки революционной истории под стандарт концепции Сталина. Появление данного учебника закрепило схематизацию и субъективистское искажение истории [2. С. 321].

Конечно, в условиях господства тоталитарного режима и изучение, и преподавание истории всё равно были подчинены жестким партийным идеологическим догмам и схемам. Однако, при всех глубочайших и непреодолимых противоречиях между марксистско-ленинским мировоззрением, по-прежнему исповедуемым правящей партией, и духовно-идейными ценностями, определявшими развитие России на протяжении более тысячи лет ее дореволюционного государственного бытия, возобновление преподавания гражданской истории сыграло благотворную роль.

Крайний космополитизм и неприкрытое презрение ко всему национально-государственному наследию России уступили место

патриотическим тенденциям и признанию государствообразующего значения великороссийского народа, создавшего в братстве, дружбе и сотрудничестве с другими славными народами могучую державу, имеющую самостоятельную ценность.

По мере изживания обезличивания истории происходило, пусть подспудно, медленно и трудно, освобождение от сверхидеологизации. В массовом общественном сознании произошла реабилитация многих оклеветанных героев дореволюционной России.

Узнавая исторические факты даже в сугубо партийной интерпретации, люди получали возможность самостоятельно составить свое суждение о них. Это расширяло их кругозор, обогащало сознание, укрепляло дух.

Перемены в отношении коммунистического режима к истории неизбежно влекли за собой хотя бы частичное восстановление традиций дореволюционного образования. Благодаря этому не прервалась преемственность, и советская историческая школа не утратила связи с драгоценным опытом исторической школы Российской империи ни в области исследований, ни в методологии преподавания.

Как до, так и после 1934 г. многие отечественные историки, в том числе всемирно известные, увы, становились жертвами политических репрессий. Значительная их часть погибла. Мы должны чтить их память, издавать и изучать их труды. Причем, безусловно, не только наиболее гонимых в тот период ученых и преподавателей старой закалки, но и историков-марксистов – всех, проявивших мужество и принципиальность в отстаивании своих взглядов и концепций. Различия в убеждениях не могут помешать с глубоким уважением относиться к работе профессионалов. Тем более, никогда и нигде недопустимо преследование служителей науки и образования за их убеждения, теории и педагогические методы.

Период со второй половины 50-х до начала 70-х гг. официально был объявлен как время восстановления «ленинской концепции» исторического процесса, как избавление истории от сталинских ошибок и извращений. По существу, в эти десятилетия происходила модернизация сталинских идей, их очищение от особенно одиозных формулировок. Наиболее наглядными в этом отношении стали издания учебника по истории КПСС под редакцией Б.Н. Пономарева. В последних изданиях практически в полной мере была восстановлена модель «Краткого курса» и в содержании, и в характере интерпретации основных проблем советской истории.

В.И. Кузищин выделил в истории отечественной исторической науки в советские годы «несколько кризисных узлов, которые определяли ее движение: начало 30-х гг. – восстановление системы исторического образования и исторического исследования; середина 50-х гг. – пересмотр догматов, связанных с культом личности; рубеж 70–80-х гг. – новый взгляд на природу социально-экономических формаций». При этом он отмечал, что «состояние историографии на рубеже 80–90-х гг. принципиально отличается от всех предшествующих. Но было бы некорректным изображать состояние марксистской профессиональной историографии как исключительно болотно-застойное, а не пережившее ряд циклов внутреннего развития» [4. С. 81].

Свобода мысли и слова в сочетании с ответственностью перед предками и потомками помогает нам ощутить величие Истории и значимость ее постижения не только специалистами, но всеми без исключения гражданами своего Отечества. Великий русский философ и мыслитель П. Я Чаадаев писал, что «вся наша история — продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел. Это она рассеяла нас во всех направлениях и разбросала в пространстве с первых дней нашего существования» [6. С. 160].

В глобальном смысле История – это не только прошлое, но и настоящее, и будущее. Мы живем в Истории, и каждый из нас участвует в ее созидании. Если же говорить об Истории как о прошлом, то это колоссальный опыт, без освоения которого невозможно полноценно обустроить настоящее и закладывать основы грядущего.

История не может и не должна являться служанкой каких бы то ни было партийных или частных интересов, игрушкой в руках легкомысленных демагогов или средством наживы. Ее назначение – быть наставницей жизни, источником любви к своей Родине, средством понимания мировых процессов, примером для решения повседневных задач.

На прошлое не может быть какого-то одного взгляда. Каждый историк имеет право на индивидуальную интерпретацию. Но истинным историком является лишь честный и объективный исследователь, который ищет правду без гнева и пристрастия, опирающийся на подлинные и достоверные исторические источники, способный проникнуть в дух изучаемой им эпохи.

Из каждой эпохи мы должны стараться взять лучшее. Сбережение наследия Отечества и памяти о жизни предков - это дело всех граждан, всего общества. Но на профессиональных историков ложится особая ответственность в процессе донесения до соотечественников исторической правды. Как замечательно сказал относительно этого Цицерон: «Первая задача истории — воздержаться от лжи, вторая — не утаивать правды, третья — не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности» [7. С. 715].

В XXI веке и новом тысячелетии проблемы образования становятся важными и приоритетными во всем мире, так как от их своевременного решения зависит будущее каждой страны в отдельности и мира в целом. Именно образование, в конечном итоге, влияет на эффективность будущей экономики, функциональность будущей политики, духовность будущей

культуры, предопределяет не только пути развития мировой цивилизации, но и дает надежду на ее эволюцию.

Важность исторического образования, позволяющего в форме знания сохранить и воссоздать социальную память человечества, формирующего основы государственной идеологии, в наше время очевидна. Отечественная история, в последние годы превратившаяся в предмет политических манипуляций, должна стать основой национальной гордости и самоуважения. Это – одна из приоритетных задач современной модернизации России. И воплощение ее невозможно без создания качественной и адекватной современным процессам системы высшего исторического образования.

Современное реформирование системы образования ставит перед обществом и государством сложные задачи: сделать российское образование конкурентоспособным, качественным и доступным, инновационным и фундаментальным, всесторонне обновить все звенья образовательной системы и все сферы образовательной деятельности. Достижение всех поставленных целей требует не только формирования четкой концепции, но и тщательного изучения богатейшего опыта российской и советской высшей школы. Такое исследование позволит учесть ошибки прошлых лет и найти корни современных проблем, а также сформулировать наиболее оптимальные пути текущей модернизации.

Однако на данный момент есть одна дискуссионная тема, а именно создание единого школьного учебника по истории. В этом есть как плюсы, так и минусы. Я считаю, что отрицательных последствий этого нововведения будет больше. По сути, это откат к практике XX века, которую мы, так или иначе, критиковали. Этот вопрос, несомненно, заслуживает отдельного, более детального и аргументированного обсуждения. Я же, как будущий преподаватель английского языка и в частности истории, считаю, что в школе, кроме всего прочего, необходимо прививать любовь учеников к своей стране, к своему Отечеству. Ребята

должны знать многовековую историю своей поистине великой страны. Они должны искренне полюбить предмет истории, интересоваться различными историческими фактами и событиями, причинами, приведшими к ним и многим другим. Разумеется для объяснения того или иного материала нужно привлекать источники зарубежных авторов, чтобы ученики попытались сами докопаться до истины. Словом, мы в ответе за будущие поколения!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алаторцева, А.И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов / А.И. Алаторцева // История и сталинизм / сост. А.Н. Мерцалов. – М., 1991.
2. Волобуев, О. История по-сталински / О. Волобуев, С. Кулешов // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989.
3. Герасименко, Г.А. О взаимоотношении тоталитаризма и исторической науки в СССР / Г.А. Герасименко // Россия в XX веке: историки мира спорят / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1994.
4. Кузищин В.И. Кризис исторической науки: что это такое? / В.И. Кузищин // Актуальные проблемы теории истории : материалы «круглого стола» (12 января 1994 г.) // Вопросы истории. – 1994. – №6.
5. Мерцалов, А.Н. Сталинизм и освещение прошлого / А.Н. Мерцалов // История и сталинизм / сост. А.Н. Мерцалов. – М., 1991.
6. Чаадаев П.Я. Философические письма (сборник), Изд-во: MintRight Inc, 2000. – 574 с.
7. 10000 афоризмов великих мудрецов. Изд-ль Litres, 2013. - 3042 с.
8. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР, Центрального Комитета ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/ussr_3989.htm.

9. Эхо веков. Путь историка (Е. И. Устюжанин). № 2013 ³/₄.
http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2013_3_4/04/05/

Секция 3. Университет XXI века

Ханнанова Р.Р.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Казанский федеральный университет XXI века глазами студенческой газеты «Казанский университет»

В современную эпоху плюрализма мнений, как в общественной мысли, так и в науке, а особенно в такой дисциплине, как история, не существует одной общей точки зрения относительно того или иного явления. Именно поэтому нельзя однозначно ответить на вопрос «Что есть университет XXI века?». Ответ на этот вопрос, а еще и на многие другие, например, «Каким должен быть современный университет?», «Какова главная цель его функционирования?», «Что необходимо сделать для повышения эффективности его работы?» и др., интересует сейчас многих в России. Об этом свидетельствуют неоднократные выступления политиков, ученых, журналистов и других медиа-персон на тему высшего образования в России.

На запрос «Высшее образование в России» в категории «Новости» поисковая система «Google» выдает около 27 тысяч «свежих» и актуальных на сегодняшний день ответов в форме публикаций в СМИ. В эру IT-технологий этот пример весьма показателен, так зачастую в поисках ответа на тот или иной вопрос мы первым делом обращаемся к Всемирной паутине, где в особом изобилии представлены все российский и иностранные средства массовой информации, как источник «горячих» новостей. «В XXI веке много говорят об университетах третьего поколения» [2],– пишет Ренад Жданов, почетный академик АН РТ, профессор К(П)ФУ в газете «Республика Татарстан», – «которые должны готовить и профессионалов, и ученых, и предпринимателей». Так Жданов

Р., к примеру, поднимает проблему современного университета, который в силу времени претерпевает изменения.

Таким образом, тему университета XXI века считаю актуальной на сегодняшний день. Будучи студенткой Казанского федерального университета и историком по специальности, направляю свой исследовательский интерес в изучение проблемы современного университета на примере КФУ. Не случайно ранее была затронута тема СМИ, а в особенности представляется интересным специфика отражения образа КФУ в публикациях студенческой газеты «Казанский Университет» (далее «КУ»). Необходимо выяснить, каким образом на страницах газеты «КУ» транслируется университет в различных аспектах его деятельности, какой образ университета формирует журналисты газеты для своего читателя.

Газета «Казанский университет» является одной из старейших вузовских газет страны, с чем редакция с гордостью делится на страницах онлайн-версии газеты. Свою активную работу «КУ» ведет со своей прародительницы, первой в России провинциальной газеты «Казанские известия», которая почти сразу после возникновения была передана в 1811 году в распоряжение Казанского университета и находилась в ведении специального издательского комитета университета. А 22 октября 1928 года вышел первый номер университетской многотиражки «На вузовской стройке», которая со временем меняла названия на «Ленинец» (с 1929 года) и Казанский Университет (с 1992 года). С 14 апреля 2011 года газета стала выходить 2 раза в неделю по вторникам и пятницам тиражом 2500 экземпляров, с того же года выходят и специальные выпуски «Абитуриенту» и «Первокурснику». Частые публикации на четырех страницах очередного выпуска газеты отражают стремление авторов поведать о насыщенной жизни университета. С 17 октября 2009 года появилась упомянутая выше онлайн-версия издания, а с 1999 на протяжении десяти лет выставлялась в Интернет только электронная.

В рейтинге mail.ru «Казанский Университет» уверенно держится в пятой сотне среди более 1800 электронных и онлайн-газет России. На 1 января 2012 г. сайт газеты посетили 290007 человек. Газета и ее авторы не раз становились лауреатами российских и городских конкурсов, в том числе победила в XI Республиканском конкурсе журналистского мастерства «Хрустальное перо» в номинации «Корпоративные СМИ» [8].

Стоит отметить, что редакторский состав газеты постоянен, состоит из выпускников КГУ. Редакторы газеты имеют многолетний опыт работы в газете, однако авторами статей может стать любой внештатный сотрудник, будь то студент, аспирант или преподаватель. Студенты часто публикуют свои статьи в газете. Именно поэтому считаю газету «КУ» интересной для изучения, так как в ней отражены во многом взгляды студенческого сообщества на события, происходящие как внутри университета, так и за его пределами.

Работа базируется на источниковедческом исследовании, именно поэтому одной из задач исследования является выявление источникового потенциала газеты «Казанский Университет». Выборка номеров газеты за период январь – сентябрь 2014 года была случайная. К тому факту, что выбранное число номеров газет принадлежит к сравнительно узкому хронологическому периоду, стоит также назвать особенности работы с периодической литературой как историческим источником.

Периодическая печать – вид исторического источника, в котором зафиксирована информация, предназначенная для осведомления современников о наиболее важных событиях и явлениях действительности с целью выявления, выражения и отстаивания определенных общественно-групповых интересов; каждый экземпляр издания – это органическое единство всех материалов, выпускаемых в определенные промежутки времени. Форма организации материалов в газете «КУ» различна: статья, очерк, обозрение, заметка, отчет, репортаж, интервью, рисунок, карикатура, фотография и т.д.

Газета одновременно информирует читателей о действительности, то есть о тех событиях, которые происходят в жизни университета, и формирует определенное представление о ней, что реализуется в каждом номере газеты или журнала посредством отбора материала и акцентирования внимания читателей на тех или иных публикациях. Есть некие правила, которые позволяют декодировать нужную нам информацию из газеты. Нельзя обвинять газету «КУ» в том, что она не публикует обширные, обзорные аналитические статьи, в которых мог бы быть отражен авторский взгляд на актуальные проблемы. Специфика издания заключается в том, что бы ознакомить читателя с текущими событиями в форме сравнительно небольших по объему публикаций, соответствующих объему газеты. Степень важности публикуемых материалов подчеркивается их расположением на странице, объемом комментария, прилагаемых иллюстраций. Несмотря на отсутствие аналитических статей в газете, проследить наличие оценочных суждений к тем или иным проблемам можно. Об этом говорит, к примеру, жирный шрифт текста или та или иная цитата, актуальная именно для автора. Так можно проследить расстановку приоритетов авторами, даже в публикуемых материалах фактологического характера.

Переходя к собственно анализу опубликованных материалов, считаю необходимым акцентировать внимание читателя на образ студента, который формирует газета. Каким представляется нам студент-автор и одновременно студент-читатель «Казанского Университета»? Чей взгляд на Казанский Федеральный университет интересует нас? По публикациям газеты «КУ» можно сказать, что студенту отводится самая главная роль в университете, «не университет создал Ломоносова, а Ломоносов создал университет» [2]. Во-первых, студент – это мыслящая, самостоятельная, инициативная, способная принимать решения и нести за них ответственность личность, то есть «зрелая личность, интеллигент, востребованный на рынке труда - вот он идеал» [4]. Во-вторых, студент –

это целеустремленная и заинтересованная фигура, развивающая науку, но знающая цену образованию, стремящаяся получить знания для дальнейшей работы и ориентированная на повышение уровня своей жизни благодаря хорошей и высокооплачиваемой работе [6].

В исследовании Лукова В.А. отмечено, что студенты государственных вузов в большой степени идентифицируют себя со своей учебной группой, курсом, факультетом, вузом, не выражая сомнения в престижности своих вузов [6]. Это ярко отражено в публикациях «КУ» исключительно положительного характера. Газета отражает прекрасную пору студенчества с разных ее сторон, отношение студентов к учебе, науке, морально-правовым и культурно-историческим ценностям, включенность студента в культурно-массовую, спортивную жизнь университета, представление об их собственных перспективах и жизненных планах.

По публикациям газеты мы можем сказать, что, по мнению студента, перед университетом стоит две главные задачи. Для современного университета приоритетным по-прежнему является формирование у студентов научного мировоззрения и нравственное воспитание будущего специалиста. Университет должен нести нравственную ответственность за интеллектуальный продукт, поскольку результат научной деятельности может быть использован как на благо, так и на зло (Жак Деррида).

Задавшись вопросом о духовно-нравственном воспитании студентов, ректор КФУ И. Гафуров назвал существующие на данный момент проблемные явления, среди которых нарастание ценностно-нормативного вакуума в обществе, культивирование потребительского отношения к жизни, утилитарно-прагматическая и гедонистическая ориентация современной молодежи, а также экспансия рыночного подхода к образованию [7].

Знакомясь с публикациями газеты, сразу становится понятна главная мысль издания: исключительная роль университета в научном

образовательном культурном экономическом пространстве студенчества Татарстана, России и даже мира! В статьях неоднократно подчеркиваются многочисленные достижения университета «в научной, образовательной, экономической деятельности государства» [5]. Столь «нескромные» эпитеты в отношении университета волей-неволей возбуждают чувство гордости за него. Все же традиции российского классического университета, заложенные М.В. Ломоносовым и его учениками, определили общее направление развития классического университета – приумножение «пользы и славы Отечества». Классический университет на протяжении веков воспитывал духовную элиту общества, доказывая свое высокое социальное предназначение – «стоять высоко и светить» (Н.И. Пирогов). Все-таки университет – не только как элемент научно-образовательной сферы жизни общества, но и как юридическо-экономическая единица, должен для успешного функционирования привлекать талантливых студентов, рекламируя себя. Ведь все вузы в ситуации конкурентной борьбы за студенческий контингент вырабатывают свои стратегии, а КФУ справляется с этой задачей, в том числе на страницах университетской газеты, как с помощью саморекламы, так и делясь с будущими студентами научным, образовательным, социальным опытом нынешних студентов.

Газета регулярно освещает факты успехов университета на поприще межвузовском взаимодействии в России и далеко за ее пределами, рассказывая о партнерстве с коллегами со всего света! Ведь современный университет невозможно представить вне системы международных контактов, и чем больше вуз вовлечён в процесс обмена идеями, технологиями, научными кадрами и образовательными услугами, тем шире его возможности для своего развития и продуцирования новаций, тем более авторитетен он в научном и образовательном сообществе.

Университетом делается очевидная ставка на развитие науки, особое внимание, уделяя практическому воплощению научных идей в жизнь.

Таким образом, через страницы газеты можно выявить понятное желание университета быть во всем первым.

Особая роль университетом отводится духовно-нравственному воспитанию студенчества. Под ним понимается процесс последовательного расширения и укрепления ценностно-смысловой сферы личности, формирование способности человека сознательно выстраивать и оценивать отношение к себе, другим людям, обществу, государству, миру в целом на основе моральных норм и нравственных ценностей. При этом у человека необходимо формировать нравственные чувства (совесть, долг, ответственность), нравственный облик (терпение, милосердие), нравственную позицию (способность к различию добра и зла, готовность к преодолению жизненных испытаний), нравственное поведение (готовность служить людям и Отечеству, стремление сделать мир более совершенным). Духовно-нравственное воспитание призвано помочь личности осознать себя в мире, принять этот мир и найти в нем свое место. В процессе освоения мира формируется ценностное отношение к миру, к людям, к самому себе. Важнейшими источниками нравственности являются наука, искусство, образование, религия, национальные и региональные культурные традиции и нормы.

Прежде всего, газета уделяет особое внимание личностному развитию студента, то есть приобретению и развитию активной жизненной позиции, умению реализовывать свои мировоззренческие установки, формированию готовности и способности учиться на протяжении всей жизни, работать над изменением своей личности, поведения, деятельности и отношений с целью развития, развитию способности к преодолению трудностей, решению проблем, принятию решений и выбору оптимальной линии поведения в нестандартных ситуациях, психологической устойчивости, установлению здоровых межличностных отношений, таких как любовь и дружба. Это становится возможным благодаря вовлечению студентов в участие в образовательных школах и семинарах, тренингах

личностного роста, привлечению к различной форме творческой, волонтерской, общественно-полезной деятельности.

Следующей обобщающей категорией, в рамках которой выходит статьи газеты – это гражданско-патриотический аспект развития студента. Студенту необходимо понимать закономерности исторического развития человечества, имея знания в области мировой и Отечественной истории, уметь давать адекватную оценку историческим событиям, уважительно относиться к исторической памяти народа России. Патриотизм выражается в любви к Отечеству, готовности подчинить его интересам свои частные интересы, гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её культурные особенности, идентификация себя с другими членами нации. Патриотическое воспитание выражается в участии студентов в историко-краеведческой работе, в деятельности волонтерских объединений, дискуссионных клубов, в благотворительных акциях, в участие в смотрах, конкурсах, фестивалях героико-патриотической тематики. В газете особенно часты публикации на тему патриотического воспитания студенчества: деятельность научно-образовательных кружков и дискуссионных клубов, где поднимаются вопросы патриотизма истории страны, работа Снежного десанта, студенческие субботники на Арском кладбище, то есть волонтерская деятельность. Публикуются также материалы о ветеранах ВОВ, тружениках тыла, кто был тем или иным образом связан с Казанским университетом, о юбилеях и почетных работниках университета, знаменитых выпускниках, то есть обо всех тех, кто является реальным воплощением духа патриотизма.

Информационно-коммуникативные навыки студента выражаются в навыках социального общения, совместной деятельности, сотрудничестве со сверстниками и старшим поколением, навыках работы в группе, умении систематизировать, классифицировать, осмыслять информацию, различать ее контекст, критично относиться к информации в СМИ, владеть информационными, компьютерными и интернет-технологиями. Для

достижения этих целей необходимо включение студентов в следующие виды социальных практик: коллективные дела в студенческой группе, работа в творческих, научно-исследовательских коллективах, участия в тренингах и играх, студенческие СМИ и сайты, интернет-олимпиады, конкурсы и др.

Для развития профессиональной компетенции студентов необходима активная деятельность студента в профессионально-ориентированных объединениях, инновационных проектах, учебных семестрах, учебно-производственных практиках, освоении дополнительных квалификаций. Подобная деятельность направлена на профессиональное самоопределение, планирование будущего образа жизни, профессионального пути и карьеры, готовность к конкуренции на рынке труда, усвоение профессиональной этики.

Для развития нравственного самосознания крайне важна укорененность в этнокультурных традициях, к которым человек принадлежит по факту своего происхождения. Ценности, которые формируются на базе этнокультурных традиций, выражены в уважении, справедливости, личной и национальной свободе, вере в Россию, толерантности, дружбе народов и др. В газете публикуются материалы об иностранных студентах и преподавателях КФУ, национальной самобытности народов республики, регулярных творческих национальных фестивалей и конкурсах, языковых олимпиадах, конференциях по вопросам межнациональных конфликтов и особенностей национальной культуры.

Газета акцентирует внимание на расширении возможностей для проявления индивидуальности каждой личности через творческую деятельность. Творчество помогает человеку выйти за пределы обыденного, встать на путь познания истины, добра и красоты, осознать высший смысл жизни. Не случайно название гимна всех студентов «Gaudeamus» переводится как «возрадуемся», а другое, побочное название

«De brevitae vitae» - «На скоротечность жизни». Самое главное в жизни с точки зрения средневековых студентов - это даже не учеба, а веселье! Таким образом, в газете публикуются регулярные отчеты о самых важных площадках творческой реализации студентов – День первокурсника, Студенческая весна, День студента, КВН, выступления хоровых, танцевальных, музыкальных коллективов и пр.

Приоритетным и всегда актуальным направлением деятельности газеты является пропаганда ценностей здоровья и здорового образа жизни, укрепления здоровья во всех его аспектах (физический, психологический, социальный), нетерпимого отношения к разным формам зависимости (наркомания, табакокурение, алкоголизм, игромания и пр.). Этого возможно добиться путем занятия физической культурой и спортом. Таким образом, частой темой газеты является тема побед студентов, выпускников и преподавателей КФУ в спортивных соревнованиях разного уровня.

Основываясь на изучении статей студенческой газеты «Казанский Университет» было проведено исследование по выявлению студенческого мнения на деятельность Казанского Федерального университета и по определению формируемого этим мнением образа КФУ в глазах читателей газеты. Обозначая особенности работы с периодическим изданием как историческим источником, отмечаю субъективный характер публикаций и своеобразие его как транслятора студенческого мнения. Именно поэтому газета представляла интерес для изучения. Таким образом, были выявлены особенности представления студентами с одной стороны самого себя, с другой стороны университета. Студент по газете выступает мыслящей, активной личностью, со сформированными взглядами на будущее и уже сейчас востребованного на профессиональном поприще. Университет же предстает перед нами как научно-образовательный субъект со строго определенными функциями. Университет видят безусловным «лидером» во всех сферах своей деятельности, «учителем», то есть активным и

компетентным помощником студенту в научно-образовательной деятельности, и духовно-нравственным «воспитателем» студента.

Я же, как активный и мыслящий студент своего университета, хочу привести в качестве своего личного взгляда на университет вне времени слова Ральфа Эмерсона: «Учёба в школах и университетах — это не образование, а только способ получить образование», так, по моему мнению, главная задача университета научить своих студентов учиться!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М., 1998. – 701 с.
2. Жданов Р. Университетское образование XXI века [Электронный ресурс] // Республика Татарстан. – 2014. – № 101 (27715). – Режим доступа: <http://www.rt-online.ru/articles/rubric-77/10113043/>.
3. Казанский университет // Архив выпусков. – 2014. – № 2 (2735) - № 44 (2777).
4. Кирпичникова А. Точка зрения на образование [Электронный ресурс] // Казанский Университет. – 2014. – 28 марта. – Режим доступа: <http://ku.kpfu.ru/index.php/pokolenie-xxi/item/175-tochka-zreniya-na-obrazovanie>.
5. Леонтьев А. Международный опыт в помощь КФУ // Казанский Университет. – 2014. – 28 января. – №2 (2735). – С. 3.
6. Луков В. А. Российский вуз глазами студентов: пять лет мониторинга / Вал. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — №3. — С. 189–198.
7. Новости / А. Кирпичникова, Л. Каримова, А. Леонтьев // Казанский Университет. – 2014. – 28 марта. – №15 (2748). – С. 2.

8. О газете [Электронный ресурс] / Super user // Казанский Университет. – 2014. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://ku.kpfu.ru/index.php/redaktsiya>.

Баталова Н. Т., Исмагилова Т. В., Михайлов В. С.

Уфимский государственный университет экономики и сервиса

**Позитивные стороны
международного межвузовского сотрудничества**

Позитивные стороны международного межвузовского сотрудничества можно рассмотреть на примере программ Университета «Синергия». Университет «Синергия» активно сотрудничает с ведущими иностранными вузами, успешно реализуя международные программы «двойных дипломов». «Двойной диплом» — это одно из самых актуальных на сегодняшний день направлений развития высшего образования. Подобные программы позволяют нашим студентам получить современное образование мирового уровня, подкрепленное дипломами сразу двух учебных заведений — Университета «Синергия» и одного из наших иностранных вузов-партнеров, а также повысить уровень владения иностранными языками.

Программы «двойного диплома» — это часть Болонской декларации, принятой в 1999 году ведущими европейскими университетами, как манифест интеграции системы высшего образования и активного взаимодействия между учебными заведениями.

Большинство российских студентов хотели бы учиться за рубежом, но не могут себе этого позволить по ряду причин. Однако сегодня зарубежный диплом можно получить без выезда за рубеж, буквально в стенах родного вуза [1].

В настоящее время многие учебные учреждения Москвы и Санкт-Петербурга предоставляют студентам широкие возможности для участия в международных образовательных программах, проводимых совместно с европейскими и американскими партнерами – организациями, фондами, непосредственно самими учебными заведениями. Позитивные стороны международного межвузовского сотрудничества вполне очевидны – повышение уровня подготовки студентов, возникновение дополнительных перспектив

трудоустройства (в том числе, в западных компаниях, организующих стажировки), получение «двойных» дипломов [3].

Двойные дипломы в России развиваются как позитивное и прогрессивное явление. Встав на путь болонской системы образования, мы начинаем сотрудничать с иностранными учебными учреждениями на таком уровне, чтобы обучать студентов по единой согласованной программе, по окончании которой они получают один диплом с подписями ректоров и печатями двух вузов. В будущем это может быть и тройной (и даже более) диплом, в зависимости от количества партнеров.

В настоящий же момент чаще всего, когда говорят о программах «двойных дипломов», имеют в виду все-таки программы «двух дипломов». Это означает, что разрабатывается специальная программа для двух вузов, привлекаются иностранные преподаватели, обучение ведется на территории вузов-партнеров, а по окончании у студента есть право защитить диплом в любом из двух вузов, а если он защищается в двух, тогда он и получает именно два диплома. В иностранном вузе защита происходит, конечно, на иностранном языке [5].

Если речь идет о магистратуре, то в течение двух лет студенты и обучаются в своем родном вузе в России, и какую-то часть обучения проходят в иностранном вузе, стандартно – год здесь, год там.

На Западе после получения степени бакалавра студенты обычно сначала пробуют работать по профессии, получают опыт. И только после этого, лет в 27–30, осознав, что знаний действительно не хватает или что необходима дополнительная специализация, идут в магистратуру. Российские студенты магистранты значительно младше [4].

Участники и выпускники совместных программ получают хороший опыт общения в поликультурной среде и в международных компаниях, повышая тем самым собственную значимость на рынке труда [2].

Преимущества международных программ двойного диплома заключаются в том, что специалисты с высшим зарубежным образованием

крайне востребованы в России, учеба в другой стране дает возможность приобрести уровень владения языком на уровне носителя, это полезный жизненный опыт. Знакомство с новой культурой, особенностями другого менталитета и иностранным подходом к рабочим вопросам позволяют по-новому взглянуть на многие вещи, эффективный способ вложения денег, повышение личной капитализации, экономия времени на получение второго образования [6].

Два диплома повышает конкурентоспособность их владельца на рынке труда, поэтому актуально рассмотреть программы «двойного диплома» Университета «Синергия»:

«Менеджмент в автомобильной индустрии и Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов» — это бакалаврская программа «двойного диплома», которая проводится совместно с Московским автомобильно-дорожным государственным техническим университетом.

Срок обучения: 4 года параллельного обучения в Университете «Синергия» и в МАДИ

Особенности обучения: После года обучения на вечерней программе в университете «Синергия» по направлению «Менеджмент в автомобильной индустрии» студенты поступают на вечернюю программу «Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов» в Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет и параллельно продолжают обучение в университете Синергия уже на заочной форме.

Условия приема: обучающиеся по специальностям технического профиля сдают внутренние вступительные испытания в МФПУ Синергия.

Центр предпринимательства Strascheg (SCE) — институт Университета прикладных наук г. Мюнхена, Германия. В 2011 году Университет прикладных наук г. Мюнхена в числе двух других вузов Германии удостоился от немецкого федерального министерства экономики и технологий статуса предпринимательского вуза «EXIST Start-Up University».

В 2013 году подписано соглашение о создании в Политехническом университете Российско-Германского центра для инноваций и предпринимательства «Политех Strascheg». В соответствии с подписанным соглашением, на базе центра «Политех Strascheg» будут разрабатываться совместные образовательные программы с участием кафедры предпринимательства и коммерции – в частности, краткосрочная летняя школа по глобальному предпринимательству и магистерская программа двойных дипломов по технологическому предпринимательству.

«Мировая экономика с университетом Нортумбрия» — бакалаврская программа «двойного диплома», которая проводится совместно с английским университетом Нортумбрия (North Umbria University).

Срок обучения: 3 года в Университете «Синергия» (Россия) и 1 год в университете Нортумбрия (Англия).

Особенности обучения: Преподавание в рамках курса ведут известные российские и британские специалисты-практики в области экономики и финансов. Проводятся лекции, семинары, компьютерные деловые игры, проходит разбор практических ситуаций, самостоятельная работа.

Обучение в России ведется на русском языке, в Великобритании — на английском.

Условия приема: результаты ЕГЭ по математике, русскому языку, иностранному языку (или обществознанию) + дополнительное тестирование по английскому языку (уровень не ниже Intermediate).

«Мировая экономика с Пекинским Университетом международного бизнеса и экономики» — это бакалаврская программа «двойного диплома», которая проводится совместно с Пекинским Университетом международного бизнеса и экономики (University of International Business and Economics).

Срок обучения: 2 года в Университете «Синергия» (Россия) и 2 года в Пекинском Университете международного бизнеса и экономики (Китай).

Особенности обучения заключаются в том, что после двухгодичного обучения в университете «Синергия» по направлению «Мировая экономика»,

студенты поступают на программу «Международная экономика и торговля» в Пекинский Университет международного бизнеса и экономики. Для тех, кто недостаточно владеет китайским языком, будет предоставлена возможность пройти языковую стажировку.

Условия приема: результаты ЕГЭ по математике, русскому языку, иностранному языку (или обществознанию) + дополнительное тестирование по китайскому языку

Можно рассмотреть предложенный нами пример, когда на кафедре предпринимательства и коммерции какого-либо университета большое внимание уделяется развитию международных связей. Во время обучения на кафедре студенты получают возможность прохождения краткосрочных стажировок в зарубежных вузах-партнерах. В течение всего процесса обучения на кафедре усилена языковая подготовка. Английский язык изучается 4 года, также два года факультативно изучается немецкий язык.

Семестровое включенное обучение предусмотрено на всех направлениях бакалавриата и магистратуры.

Студенты магистратуры имеют возможность получения двойных дипломов по следующим программам, таким как развитие международного бизнеса, международный маркетинг менеджмент, технологическое предпринимательство. Магистерская программа реализуется совместно с ESB Business School и University of Applied Sciences Upper Austria, первый год обучения – в российском университете, второй – в ESB Business School или в University of Applied Sciences Upper Austria, все занятия проводятся на английском языке, включено обучение английскому бизнес-языку.

Преподавание осуществляется ведущими российскими и зарубежными профессорами, а также экспертами из бизнеса, вместе с российскими студентами на программе учатся магистры из Европы, Азии, стран СНГ, методы обучения: лекции и семинары, презентации, мастер-классы приглашенных специалистов, разбор кейсов, компьютерная бизнес-симуляция, исследовательский проект.

Студент, успешно прошедший обучение по данной программе, получает Диплом магистра «Менеджмента» российского университета и Диплом магистра одного из вузов-партнеров.

Международными партнерами кафедры предпринимательства и коммерции являются следующие вузы:

ESB Business School университета города Ройтлингена в Баден-Вюртемберге.

В 2010 этот университет был награжден премией DAAD, как лучший международный университет. На протяжении уже многих лет ESB — бизнес-школа топ-класса в Германии, находящаяся на вершине немецких рейтингов (CHE, Wirtschaftswoche и др.).

С 2012 года кафедра предпринимательства и коммерции совместно с ESB Business School предлагает обучение по программе двух дипломов «International Marketing Management».

Университет прикладных наук Верхней Австрии (The University of Applied Sciences Upper Austria) — один из лидирующих Австрийских университетов, предлагающий международное, ориентированное на практику образование. Более подробная информация о программе предоставляется при ознакомлении с программами курсов.

Кафедра предпринимательства и коммерции совместно с School of Management University of Applied Sciences Upper Austria может проводить обучение по программе «International Business Development».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Административное право зарубежных стран. – М., 2013.
2. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 2013.
3. Аннерс Э. История европейского права. – М., 2013.
4. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права / Отв. ред. В. А. Туманов. – М., 2013.

5. Апарова Т. В. Прецедент в современном английском праве и судебное правотворчество // Труды ВНИИСЗ. 2012 .
6. Байтин М. И Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2013.

Сибгатуллин Р.Р.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Развитие университетского образования:
политика, культура, наука**

Наиболее динамично развивающейся, часто изменяемой и, кроме того, наиболее критикуемым социальным институтом российского общества является образование. В современных условиях развитие данной сферы в России имеет огромное значение. В систему образования входят учебные заведения, прежде всего вузы, которые готовят дипломированных специалистов, ориентированных на потребности общества и личности. С модернизацией образования и с развитием общества существенно возрастает роль производителей новых знаний, важнейшими из которых исторически являются университеты. Их роль в современном обществе ничуть не теряет своей важности. Так как исторически сложилась такая миссия университетов как производить, распространять, хранить и использовать знания и информацию в условиях общества, основанного на знаниях. Даже несмотря на то, что в последнее время на рынке знаний и информации действуют новые субъекты.

Университетское образование существует в Европе свыше 900 лет, а в России — около 300. Университет является одним из самых долговечных и плодотворных созданий европейского гения. Он сыграл выдающуюся роль в развитии европейской цивилизации, в становлении современной науки во всем мире. Значение университетов непрерывно растет, несмотря на неоднократные попытки объявить их устаревшими, прекратить их существование или превратить в обычный тип высших учебных заведений.

Известный английский мыслитель Дж. Милль в трактате “Об университетском воспитании” сформулировал следующую мысль: “Университет не есть место профессионального воспитания. Университеты предназначаются не для того, чтобы поучать знанию, нужному людям для

какого-нибудь специального способа приобрести средства к существованию. Цель их состоит не в том, чтобы приготовить только искусных юристов, медиков, инженеров, а чтобы приготовить способных и образованных людей. Университет должен быть местом свободного мышления.” Поэтому в университете основное внимание уделялось глубокому освоению фундаментальных наук, воспитанию людей, готовых заниматься исследовательской работой [1].

Первым идею о создании университета в России сформулировал Пётр Iа открытие состоялось уже при Екатерине I, издавшей 21 декабря 1725 г Указ, извещавший людей об открытии Академии наук.

Вторым российским университетом стал Московский Университет. В его концепцию были заложены плюсы Академического университета и исключены проблемы, которые были выявлены в ходе развития первого университета.

В XIX в. окончательно возникла и получила свое оформление университетская система в нашей стране, выявились ее особенности, роль университетов необычайно поднялась в культурной и общественной жизни; было принято 4 университетских Устава, каждый из которых определял особенности определенного этапа в развитии университетов.

Новые веяния в развитии российских университетов непосредственно связаны с теми реформами, которые были осуществлены в первые годы царствования Александра I. В общей реформе образования университетам было отведено почетное место. Согласно утвержденным императором в 1803 г. “Предварительным правилам народного просвещения”, они должны были стать центрами учебных округов, на которые делилась Россия, и курировать все учебные заведения на территории своего округа, в связи с этим стал вопрос об открытии новых университетов. Были выбраны Харьков и Казань, где наличие гимназий позволяло набирать студентов и приглашать их преподавателей на работу в университеты.

Для проведения в жизнь всех реформ правительство 8 сентября 1802 г. учреждает Министерство народного просвещения. Но еще до создания министерства существовал комитет для рассмотрения новых уставов Академии наук, Российской академии и Московского университета. Комитету было велено, «сообразив их (уставы. — А. А.) с намерениями сих учреждений и с истинным средством расширения пользы их и действия на народное просвещение, сравнить с лучшими в сем роде иностранными заведениями и по сему сравнению сделать надлежащие перемены или дополнения, какие к лучшему устройству могут быть нужными» [2].

Новая система, по существу, впервые в истории России вводила внутреннюю автономию университетов. Вместо прежнего поста директора, назначаемого сверху, была установлена новая должность — ректор, избираемый общим собранием университета и представляемый Главным правлением училищ через министра народного просвещения на высочайшее утверждение. Университет получает право присваивать ученые степени, каждая из которых соответствует определенному классу в Табели о рангах.

Таким образом, принятые правила заложили основу развития системы народного просвещения, поставив ее под четкий государственный контроль, но и наделив значительной внутренней свободой. В соответствии с ними составлялись уставы отдельных университетов, положения гимназий и других училищ, созданием которых занимались попечители учебных округов. Предварительные правила Министерства народного просвещения были разработаны людьми, непосредственно связанными с образовательными учреждениями и заинтересованными в их развитии.

Все это понимал М. М. Сперанский, новое доверенное лицо императора, подготавливая очередной этап государственных преобразований; он желал видеть в России людей культурных и

просвещённых, готовых к восприятию реформ. В 1808 г. Сперанский составляет для императора записку «Об усовершенствовании общественного народного воспитания», где пишет, что корень зла, т. е. непросвещенности России, в существующей системе чиновничества, при которой чины определяются только по выслуге лет и не требуют никакого образования [3].

Для того, чтобы осознать роль университетов в общественно-политической жизни страны в XIX веке нужно в первую очередь обратиться к материалам о дружеских собраниях и литературных кружках воспитанников Московского университета.

Со студенческой скамьи Московского университета вышло немало замечательных людей, оставивших свой след в истории России, будущих писателей, поэтов, деятелей декабристского движения. Нас больше интересует приятельский союз И. Д. Якушкина, братьев Чаадаевых и князя И. Д. Щербатова, перешедший из стен университета в Семеновский полк, положил начало офицерской артели, ставшей ядром одного из первых обществ декабристов [4].

В целом поступательное развитие российских университетов до середины 40-х гг. стало замедляться во второй половине 40-х гг., и этот процесс особенно усилился в связи с начавшимися в 1848 г. Революционными событиями в Западной Европе. Правительственные круги России и сам император видели в университетах опасные очаги свободомыслия и приложили большие усилия, чтобы ограничить их деятельность. Ходили слухи о предстоящем полном закрытии университетов, в связи с чем С. С. Уваров в 1849 г. инспирировал появление статьи профессора Давыдова в защиту университетов [5].

Особый статус университетов, их воздействие на формирование политической культуры общества имели под собой и ряд специфических оснований. Разбросанные по разным частям огромной империи, часто стоявшие во главе учебных округов, российские университеты не только

активно распространяли передовые научные идеи, но также играли заметную роль и в пропаганде передовых общественно-политических воззрений, одновременно являясь их источниками и трансляторами. Эта особенность российских университетов привлекала пристальное внимание представителей леворадикальных сил: «Русские университеты, особенно на окраинах, занимают своеобразное и совершенно исключительное положение. В других странах университеты - это только учебные заведения и ничего больше. Здесь университеты и гимназии - центры самой бурной и страстной политической жизни» Именно в них закладывались основные политические взгляды и позиции личности, именно отсюда чаще всего начиналось распространение различных общественно-политических идей, включая оппозиционные и антисистемные по своему характеру [6].

Несомненно, что просветительское влияние, охватывая, прежде всего, студенческую среду, одновременно воздействовало и на более широкие слои общества. Потому и проблема изучения истории русских университетов во все времена имела живое актуальное звучание. В современный период в связи с неуклонным усилением роли науки в жизни общества вопрос об университетской системе, ее, прошлом, настоящем и будущем приобретает особое значение. Кроме того, в последние десятилетия вновь заметно активизировалась и деятельность университетской интеллигенции на общественно-политической арене. Потому перед ней в настоящее переломное время неизбежно возникает проблема выбора дальнейших путей не только научного, но и общественно-политического развития, определение основных установок своей политической культуры и, соответственно, типа политического поведения.

С началом правления Александра II процесс перемен вновь ускорился, постепенно были отменены самые затруднительные для университетов запреты предыдущих лет.

В ходе проводившихся в России в 60-е гг. преобразований проблемы развития университетов занимали не последнее место. Реформы Александра II нуждались в резком увеличении числа образованных людей, серьезных переменах в сфере народного просвещения. Министр народного просвещения Головнин в своих “Записках для немногих” отмечал главные недостатки российских университетов к началу 60-х гг.:

1. Нехватка хороших профессоров, отсюда многие кафедры незамещены или на них случайные люди;

2. Равнодушие ученых сословий к интересам их университетов и науки вообще — результат того, что профессора отстранены от управления университетами и обременены материальными заботами;

3. Излишняя множественность изучаемых студентами предметов, что сказывалось на глубине знаний и приводило к снисходительности на испытаниях;

4. Скучность учебных пособий университетов, что не позволяло им идти вровень с западноевропейскими учебными заведениями [8].

В принятом уставе 1863 г. не были учтены многие предложения, поступавшие в ходе дискуссии, он носил в значительной степени компромиссный характер, но две основные идеи проведены достаточно последовательно: сосредоточение в университетах вопросов науки (общественное мнение осознало, что преимущество Западной Европы, прежде всего, в развитии науки, а источник и опора науки — университеты) и устранение регламентации, особенно в нравственных вопросах, которые были внесены уставом 1835 г. В официальной записке МНП, разосланной в университеты в связи с утверждением устава 1863 г., подчеркивалось: “Наука читается в университетах для науки, и самое свойство разных отраслей человеческого знания служит основанием разделения университетов на факультеты. Университетское преподавание может принести истинную пользу тем, которые ищут в храме науки только науку, т.е. знание, а не идут туда движимые материальными,

спекулятивными побуждениями. Посему все искусственные приманки вредны для университета, ибо наполняют аудитории его несвойственными оным слушателями, а из этого следует, что университеты должны бы стоять вне всякой категории чинов”. Эти слова лишней раз доказывают, насколько важны были университеты для научной жизни нашей страны.

В 60-70-е гг. возрастала роль университетов как научных центров, при них открылось большое количество ученых обществ: за 1868-1873 гг. их число возросло с 10 до 20. Так, при СПУ в 1868 г. открылись Естествоиспытательное и Химическое общества, в 1872 г. — Физическое, при МУ возникло Московское математическое общество. На заседаниях обществ обсуждались актуальные научные проблемы, заслушивались доклады о достигнутых результатах, нередко имевших мировое значение. Общества выпускали журналы со статьями крупных ученых, информацией об успехах российской и мировой науки.

Повышение научного потенциала университетов проявилось в создании большего количества школ, получивших международное признание. Так, в СПУ возникла блестящая математическая школа (академик П. Чебышев и его ученики — А. Марков, А. Ляпунов и др.), первая в России школа физиологов во главе с И. М. Сеченовым, менделеевская химическая школа (А. Бутлеров, Н. Меншуткин), в Московском университете создал школу физики А. Г. Столетов, который 30 лет заведовал соответствующей кафедрой и передал ее другому крупнейшему ученому П. Н. Лебедеву. Химия в МУ была в загоне до появления В. В. Марковникова в 70-е гг., основавшего свою школу. Эти же годы отмечены расцветом науки и в молодом Одесском университете, где одновременно работала большая группа крупных ученых: И. И. Мечников, В. О. Ковалевский, Н. А. Умов, Н. И. Андрусов, Л. С. Ценковский, И. В. Яглич и др. Именно в 60-70-е гг. сложилась система исторического образования в российских университетах. В отличие от Западной Европы, где исторические науки обычно входили в состав философского

факультета, у нас были образованы историко-филологические факультеты. Таким образом, историческое образование получалось в тесной связи с филологическим. Для привлечения студентов к научной работе ежегодно на факультетах предлагались темы медальных сочинений. Сочинение, удостоенное золотой медали, приравнивалось к диссертации на степень кандидата наук, что давало возможность автору получить в дальнейшем профессорскую стипендию [7].

Несмотря на трудности и сложности университетской жизни, успешно развивалась в университетах наука, расширялись старые и возникали новые научные школы. В Московском университете большие достижения в физике были связаны с существованием школы П. Н. Лебедева, ученики которого составили основу Физического общества при МУ. В 1904 г. открылся Физический институт при физмате МУ, что позволило расширить объем исследований, вовлечь в них значительную часть студентов. Н.Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин сформировали крупнейшую школу механики в МУ, в 1902 г. здесь была установлена одна из первых в мире азродинамическая труба, что дало толчок успешному развитию аэрогидродинамики. С 1893 г. руководство московской школой химиков перешло к Н. Д. Зелинскому. Геологическая школа Московского университета создавалась трудами А. П. Павлова и его учеников. На рубеже веков расцвела московская школа историков-специалистов по всеобщей истории, связанная с именами: П. Т. Виноградова, Р. Ю. Виппера, Д.М.Петрушевского, А. Н.Савина.

В первой половине XX века в мире наблюдается расцвет системы образования, в связи с повсеместной общедоступностью среднего образования. Также это дало и толчок университетскому образованию. Как шло развитие университетов в нашей стране? Революционные преобразования, начатые в нашей стране с февраля 1917 г., не могли не отразиться на всей системе высшего образования, не привести к серьезнейшим переменам в ней.

Для воспитания всего студенчества в коммунистическом духе постепенно вводилось преподавание общественных дисциплин. Так, в постановлении СНК РСФСР от 4 марта 1921 г. «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех вузах РСФСР» (подписано В.И. Лениным) указывалось, что вводятся такие обязательные предметы, как: Развитие общественных форм (семестр по 4 часа в неделю), Исторический материализм (семестр — по 3 часа), Пролетарская революция (2 семестра — по 2 часа), Политический строй РСФСР (семестр — по 2 часа), План ГОЭЛРО (2 семестра — по 2 часа). К середине 20-х гг. был определен обязательный минимум для всех факультетов, проводить занятия по этим предметам могли только преподаватели, стоявшие на марксистских позициях. Первоначально в политминимум входило изучение исторического материализма, политического строя и социальных задач РСФСР, курса “Капитализм и пролетарская революция”. В дальнейшем названия обязательных дисциплин менялись, и к началу 30-х гг. на всех факультетах читались политическая экономия, диалектический и исторический материализм, экономическая политика [9]. Здесь в первую очередь наблюдается цель: сделать университет оплотом советской идеологии и лишить былого вольнодумства, оппозиционности и либеральности. Передача знаний студентам также ограничивалась тем, что было разрешено, малейшее отступление преподавателя от утвержденной программы могло ему дорого обойтись. Поэтому, с одной стороны, из наших университетов выходили специалисты высокого класса, имевшие неплохую подготовку в области фундаментальных наук, способные обеспечить научно-технический прогресс страны, с другой стороны, выпускники университетов оказались под влиянием идеологических барьеров. Таким образом, они были недостаточно знакомы с достижениями науки за рубежом, не имели ясного представления ни о своей стране, ни об обществе за пределами СССР. Эти издержки университетской системы в нашей стране особенно проявились в

последней четверти XX в.

Однако, были в регламентированной жизни и свои плюсы. Студенческий досуг организовывался, в основном, комсомольскими и профсоюзными организациями университетов. Создавалось много спортивных секций, кружков художественной самодеятельности, студенческих клубов. Спортивные соревнования охватывали группы, курсы, факультеты, вызывали прилив горячих болельщиков на спортивные площадки, расположенные большей частью под открытым небом. Только позднее у некоторых университетов появились солидные спортивные комплексы. К руководству студенческой самодеятельностью приглашались профессиональные режиссеры, артисты, музыканты, создавались коллективы, не уступавшие по мастерству профессиональным. Так, из самодеятельности ЛГУ вышли И. Горбачев и С. Юрский, в драматической студии МГУ начинали свой путь в искусство А. Демидова и И. Саввина, в Саратовском университете осуществляли первые постановки будущие режиссеры В.Ефремова, Л. Вольфсон, В. Геллер и многие другие.

В процессе изучения истории университетов в России с конца XVIII века и по XX вв. можно подвести определённый итог и назвать несколько предложений о взаимосвязи становления университетского образования на территории России с культурными и научными успехами нашей страны. Во-первых, можно выделить, что когда политическая линия правителей нашего государства выстраивалась вокруг либерализации образования, расцветала наука, появлялись многочисленные произведения и творения культуры, прогрессировала интеллигенция как класс. Конечно, ограничения в свободе университетов в каждом случае, как правило, выглядят логично для того времени. Руководители государства в первую очередь заботились о сохранении своей власти, а не о развитии науки. Во-вторых, в университетах формировались дружественные связи, которые в дальнейшем не просто послужили вдохновением многим классикам

нашего отечественного искусства, но вершили судьбы граждан нашей страны и её будущего развития.

В целом, можно сказать, что система высшего образования в России развивалась хотя и неравномерно, но в целом поступательно. В каждом периоде начиная от XIX века в Российской империи, заканчивая советским периодом, имелись свои сложности, которые разрешались в зависимости от политической воли деятеля и режима, который стоял во главе страны в это в это время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Юманс Э. Новейшее образование: его истинные цели и требования. Милль Дж. С. Речь об университетском воспитании / Пер. с англ. М. А. Антоновича. СПб., 1867. С. 5–71.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т.27 №20187
3. Максимович М.А. Воспоминание о Тимковских Киевская старина 1898 № 11. С. 260–272.
4. Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 205.
5. Отчет министра народного просвещения за 1849 год. Спб., 1850. С. 14.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1975. Т. 1. С. 245.
7. Кравец Т. П. Роль университетов и других высших школ в развитии отечественной науки //Кравец Т. П. От Ньютона до Вавилова. Л., 1967, С. 285.
8. Головнин А.В. Записки для немногих. Спб., 2004. С. 247.
9. "Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех вузах РСФСР". Ст. N 119 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М. 1921. N 19.

Тихонькова Ю.А.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Инклюзивное образование в современной образовательной системе

Вопрос доступности образования для детей с особыми потребностями стоит перед мировым сообществом уже продолжительное время. Решением этого вопроса, как в общемировом, так и в масштабе Российской Федерации активно занимаются группы ученых, которые пытаются приспособить образовательный процесс для удовлетворения потребностей всех обучающихся. Специально для этого были сформулированы принципы инклюзивного образования, на основе которых ведется совершенствование образовательных адаптированных программ. Подобные программы активно реализуются общественными движениями, которые своей деятельностью пропагандируют необходимость изменения мнений людей на детей с особыми потребностями для качественного улучшения качества их жизни.

«Инклюзив (фр. *inclusif* «включающий в себя» от лат. *includo* «включаю») — местоименная форма, выражающая включенность адресата речи в дейктическую сферу местоимения 1-го лица множественного числа (иногда — двойственного числа). Инклюзив образует субкатегориальное значение в составе категории лица. Буквальное значение инклюзива — «мы (я) с тобой / с вами» [6].

Термин «инклюзивный» используется также для описания совместного обучения здоровых детей и детей с ограниченными возможностями здоровья.

«Инклюзивное (включенное) образование, инклюзия. ЮНЕСКО понимает инклюзию как — позитивную реакцию на разнообразие учащихся и восприятие их индивидуальных отличий не как проблемы, а как возможность обогатить учение».

Инклюзия – это процесс интеграции детей в общеобразовательный процесс независимо от их половой, этнической и религиозной принадлежности, прежних учебных достижений, состояния здоровья, уровня развития, социально- экономического статуса родителей и других различий. Инклюзивное образование предполагает совместное обучение и доступность качественного образования для всех на основе создание образовательного пространства, соответствующего различным потребностям всех детей.

В международной практике старый термин «интегрированное образование», описывающий данный процесс только в отношении детей с особенностями психофизического развития, был заменен термином «инклюзивное образование», описывающий данный процесс в отношении всех детей. Инклюзивное образование — подход, который стремится развить методологию, в центре которого находится ребенок и его разнообразные образовательные потребности».

«Образование – право каждого человека, имеющее огромное значение и потенциал. На образовании строятся принципы свободы, демократии и устойчивого развития... нет ничего более важного, никакой другой миссии, кроме образования для всех...» Кофи Аннан (1998)

Слова дипломата ООН К. Аннана датируются 1998 годом, прошел уже не один год, но общество так и не может в совершенстве исполнить свою «миссию» - дать образование всем, но, несмотря на это получило множество совершенствований в сфере науки, техники, медицины и других отраслей жизни. В чем причина такого медленного внедрения доступности? Неужели обществу не нужны специалисты своего дела, если они чем-то отличаются от остальных? В жизни мирового сообщества происходят серьезные изменения, вызываемые борьбой между представителями различных групп (религиозных, политических, экономических) – не есть ли это последствие невежества и дискриминации каких отдельных людей? О построении идеального государства писал еще

Т. Мор в «Утопии» – современное же государство может стать идеальным и гармонично развивающимся только при наличии достаточного уровня образованности своих граждан, об этом и заботится современная система образования Российской Федерации.

Образование – процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков, взглядов и убеждений, а также определенный уровень развития познавательной и практической подготовки, достигнутый в результате учебно-воспитательной работы.

Образование — целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения обучающимся гражданином установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов) [1].

Так же следует отметить, что с 3 мая 2008 года действует «Конвенция о правах инвалидов», принятая Генеральной Ассамблеей ООН от 13.12.2006, которая провозглашает равное отношение к людям с ограниченными возможностями, как и ко всем остальным. Эту Конвенцию приняли порядка 150 стран, в том числе и Российская Федерация. Конвенция утверждает, что люди с инвалидностью обладают точно такими же правами, как и люди без инвалидности. Конвенция налагает на государства ответственность за уравнивание прав своих граждан – создание соответствующих социальных, экономических и правовых условий. В разработке Конвенции приняли участие активные люди со всего мира с инвалидностью, авторы вложили в этот документ все те права, в которых видели недостаточно возможностей для людей с инвалидностью и в первую очередь для детей с особенными потребностями. Целью их проекта являлось создание такого документа, который позволил бы без препятствий получить образование, найти работу, веселиться и жить красиво в полноценном мире.

«У 650 миллионов людей с инвалидностью, живущих на нашей планете, были мечты – стать равными членами общества, иметь равные с

другими права. Сегодня эти мечты сбылись» (Кики Нордстром, представитель Всемирного союза слепых). В.Гюго говорил: «Живые борются... А живы только те, чье сердце предано возвышенной мечте», – это настоящий повод для гордости, люди с инвалидностью стараются стать полноценной частью общества и возводят это желание в разряд мечты, а ведь первой ступенью этой мечты является именно получение образования, а это высокий показатель моральных качеств личности.

Инклюзивное образование — процесс развития общего образования, который подразумевает доступность образования для всех, в плане приспособления к различным нуждам всех детей, что обеспечивает доступ к образованию для детей с особыми потребностями. Инклюзивное образование содержит специализированную методологию, направленную на развитии индивидуумов с особенными потребностями в обучении. На современном этапе становления нового образовательного стандарта применяются принципы «инклюзивного образования», которые помогут преподавателям достичь более эффективного усвоения материала всеми детьми.

Существуют 8 основных принципов инклюзивного образования: ценность человека не зависит от его способностей и достижений; каждый человек способен чувствовать и думать; каждый человек имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным; все люди нуждаются друг в друге; подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений; все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников; для всех обучающихся достижение прогресса скорее может быть в том, что они могут делать, чем в том, что не могут; разнообразие усиливает все стороны жизни человека. Они положены в основу ст.79 Федеральный закон от 29.12. 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2]. В ст. 79 п.6: «Особенности организации образовательной деятельности для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья определяются федеральным органом

исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, совместно с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социальной защиты населения.» – мы видим, что государство объявляет себя гарантом создания развитой инклюзивной системы образования и делает это направление приоритетным, поскольку наблюдается увеличение количества таких детей.

Закон прописывает, что создание необходимых условий для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи на основе специальных педагогических подходов и наиболее подходящих для этих лиц языков, методов и способов общения и условия, в максимальной степени способствующие получению образования определенного уровня и определенной направленности, а также социальному развитию этих лиц, в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья, обеспечивают федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Из этого следует, что с вступлением в силу нового закона об образовании дети с ограниченными возможностями здоровья на деле получают равные образовательные возможности с остальными детьми, как это принято во всем цивилизованном мире.

Инклюзивное образование находит реализацию в деятельности общественных организаций, девизом которых является «Дети должны учиться вместе» – появление таких организаций показатель социальной зрелости нашего общества. Перспективно такие организации должны быть общедоступны, их деятельность должны находиться под государственной

опекой, ведь именно государство несет ответственность за реализацию программ Конвенции о правах инвалидов. Общеобразовательное образование не должно быть закрыто в стенах специализированных учреждений – нашему обществу необходимо найти способы реального осуществления положений об инклюзивном образовании.

Заключение. Для современного общества остается нерешенной проблема равенства и единообразия жизни большинства и людей с особыми потребностями. Это наиболее серьезно отражается на детях, которые ввиду их выделения из общего числа, подсознательно включают себя в группу «иных» и тяжелее идут на контакт в дальнейшем. Становление инклюзивной системы образования позволит нам показать состоятельность каждого человека вне зависимости от его возможностей, позволит воспитать истинную терпимость и человеколюбие взамен потребительскому отношению. Совершенство идей и стремление их воплощения должны объединять граждан нашей страны для ее возвеличивания и усиления.

Такую проблему как реализация инклюзивного образования необходимо поднимать на всех ступенях развития современной образовательной системы. Университетское образование становится адаптированным к детям с особыми потребностями, но остается проблема понимания студентами важности этого процесса. «Единственный способ, которым мир в его высшем смысле может быть охвачен, состоит не в мышлении, а в действии, в переживании единства» – Э.Фромм. Нам необходимо предпринять определенные меры по объяснению значимости инклюзивного образования в современном нам мире, поскольку наша сила в единстве умов, а значит в надежном светлом будущем нашей страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь по технологиям обучения, 2005 г.

2. Федеральный закон от 29.12. 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
3. Материалы Международной конференции «Инклюзивное образование: перспективы развития в России», Москва, 23-24 июня 2004 г.
4. Валицкая А.П., Рабош В.А. Инклюзивное образование: проблемы совершенствования образовательной политики и системы.
5. Аслаева Р.Г., Зиатдинова Ф.Н. Актуальные проблемы образования: история и современность.
6. Виноградов В. А. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: СЭ, 1990.

Нуруллин И.К.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Внутриуниверситетская жизнь
в контексте социокультурных явлений современности**

В современном мире многообразия различных социокультурных явлений наше пристальное внимание привлеч феномен университетской жизни. Многие из нас, так или иначе, прошли через студенческие годы. Мы никогда не уделяли внимания тому, что мы делаем, как и почему. Мы не стремились подвергнуть нашу собственную жизнь изучению. Однако в связи с развитием рынка труда и появлением различных социокультурных явлений, время, когда студент начинает осваивать свои профессиональные навыки, выбирает, по какому вектору он пойдет в своей жизни, стало на вес золота. Именно поэтому мы подвергли анализу внутриуниверситетскую жизнь, рассмотрев ее как особенный культурный феномен современности. В качестве основного предмета взят Казанский Федеральный Университет.

Прежде чем приступать к непосредственному рассмотрению университетской жизни, необходимо рассмотреть опыт исследователей, уже изучавших данную тему. Одним из таких ученых является А.С. Запесоцкий, доктор культурологии, профессор и ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов [1]. В центре его исследования стоит проблема современного гуманитарного университета: каким он может и должен быть? Причем проблема эта рассматривается им одновременно с двух сторон:

- с точки зрения внутренней логики развития культуры и образования;
- с точки зрения социологии молодежи и ее места в современном мире.

Этот двуединый подход, при котором студенчество выступает одновременно как объект социализации и как социальный субъект, представляется нам очень интересным [2].

Как почти любое социальное учреждение, университет всегда был и будет многофункциональным. В его задачи входит и межпоколенная трансмиссия культуры, и подготовка профессиональных специалистов высшей квалификации, и общая социализация молодежи. Конкретное содержание и соотношение разных функций университетского образования менялось в ходе исторического развития. Классический университет типа Кэмбриджа или Оксфорда, где молодые люди получали, прежде всего общую культуру, радикально отличается от технического или медицинского вуза, готовящего людей к специализированной профессиональной деятельности.

Разная функциональная направленность отражается и в соответствующих метафорах. Средневековый университет был прежде всего церковным институтом, его уставы напоминали монастырские. По мере секуляризации образования университет стал называться "храмом науки". Технизация и омассовление высшего образования превратили бывший храм в "кузницу кадров"[3].

Чем большая часть молодежи проходит через высшие учебные заведения, тем значительнее макросоциальный эффект университетского образования и тем важнее становятся соответствующие социологические исследования. При этом классический структурно-функциональный и институциональный подход обязательно должен дополняться исследованиями, базирующимися на интеракционизме, феноменологии и других методологиях, рассматривающих социальные процессы изнутри, с точки зрения их реальных и виртуальных участников.

Как бы ни определяли задачи университетского образования его организаторы и руководители (министры, спонсоры, ректоры, менеджеры и профессора), наряду с явными, осознанными функциями, о которых

заботятся начальники и финансисты, университет всегда выполнял и выполняет не менее важные функции (по теории Роберта Мертона), о которых административная система и ведомственная наука, как правило, не подозревают, и которые обнаруживаются только в кризисных ситуациях, когда "вдруг" выясняется, что университет делает совсем не то, на что его "запрограммировали"[4]. Осознать и предсказать это могут только независимые, критически ориентированные исследования.

Пространственное сосредоточение в течение более или менее длительного времени значительного количества молодежи, как ни условно это понятие, порождает у нее специфическое групповое самосознание, причем этот образ «Мы» противопоставляется как внеуниверситетской среде, будь то община или государство, так и университетской администрации и профессорам. Однако студенческая субкультура - сложное явление, в котором социально-групповые различия дополняются и усугубляются возрастными и когортными. Чтобы не сваливать все это в одну кучу, опять-таки нужны профессиональные социологические исследования.

Становление молодежного самосознания исторически неразрывно связано со студенческим образом жизни. Если бы не борьба студентов за автономию, университет никогда не поднялся бы выше уровня духовной семинарии. Периодически возникавшие на этой почве бурные конфликты, начиная с пьяных дебошей средневековых школяров и кончая потрясшей все западное общество студенческой революцией 1960-х годов, не только повышали чувствительность официального общества к межпоколенным различиям и особенностям молодежи как социально-возрастной группы, но поставили под вопрос понимание образования и социализации в целом как однонаправленного, субъектно-объектного процесса.

Эта проблематика существенно выходит за рамки не только вузовской, но и общей педагогики. В 1970-1980-х годах советские профессора спорили о том, какая метафора точнее описывает положение и

статус студента: "сосуд, который нужно наполнить" или "факел, который нужно зажечь" (выражение покойного ректора ЛГУ, исключительно яркого человека А.Д. Александрова). Предпочтение, естественно, отдавалось второй формулировке. Но фактически обе эти метафоры подразумевали субъектно-объектное отношение, в котором молодой человек выступает скорее реципиентом, чем генератором идей. Пафос ныне незаслуженно забытых советских педагогов-новаторов состоял именно в том, что они видели взаимоотношения ученика и учителя, начиная с начальной школы, имманентно диалогическими, субъектно-субъектными и, следовательно, равноправными, хотя и асимметричными. Эта установка решительно противоречила авторитарно-бюрократическому этосу, который в системе образования всегда особенно силен. Не только потому, что учитель (профессор) имеет власть, которой ученик (студент) лишен, но и потому, что система образования по самой сути своей природе консервативна: она занимается не производством новых знаний, а о передачей того, что уже доказано и проверено опытом.

Отношения учителя и ученика и тем более - профессора и студента являются не только индивидуальными, но и социально-групповыми. Демократизация высшего образования предполагает не только расширение заботы университета о проблемах и нуждах студентов, включая психологическую консультативную службу, в которой студенты очень нуждаются (такие службы существуют почти во всех западных университетах и, насколько я знаю, их нет ни в одном российском вузе, это объясняется не только бедностью, но и отсутствием понимания студенческих проблем и недооценкой практической психологии), но и расширение функций студенческого самоуправления. В советское время функции студенческого самоуправления ограничивались решением материально-бытовых вопросов, да и то преимущественно в рамках "помощи администрации".

Сейчас положение постепенно меняется. Запесоцикй приводит пример, в СПбГУП собираются анонимно опрашивать студентов о качестве работы преподавателей. По его мнению, это нужно делать систематически, как принято в вузах США. С непривычки это не совсем приятно, но такая процедура существенно улучшает обратную связь между преподавателями и студентами, что полезно обеим сторонам. Важно только, чтобы эти оценки были не глобальными ("нравится" - "не нравится"), а дифференцированными (научный уровень преподавания, его методическая доступность, возможность неформальных контактов с преподавателем и т.д.) [5].

"Взаимодействие поколений" - не совсем то же самое, что социализация. Речь идет о диалоге, причем не только и не столько по учебным предметам, где положение сторон заведомо не является и не может быть равным. Гуманитарный университет не может отрываться от современной массовой культуры, но представители разных поколений относятся к ней по-разному. Обилие рекламных образов и проектов, вроде того, как быть самым модным, явно не вписывается в образ университета ни как храма, ни как кузницы кадров. Но то, что может шокировать преподавателя, для студентов - часть их повседневной жизни, а для многих - это также будущая профессия. Поэтому необходимо рассматривать этот аспект жизнедеятельности университетов не как вынужденную коммерцию, а как органическую часть образа жизни современного студенчества. Баланс между сиюминутной, массовой и классической культурой устанавливается не сразу, причем у разных студентов он неминуемо будет разным. А то, что студенты могут самореализоваться уже в стенах университета, - не минус, а плюс.

Платное образование делает университет материально зависимым от студентов и их родителей. С одной стороны, это плохо, побуждая вуз идти на поводу у богатых, но плохо подготовленных и ленивых студентов. С другой стороны, это вынуждает администрацию к большему демократизму

в обращении со студентами, а это, включая гласность и открытость принимаемых решений, служит определенной гарантией против незаконных поправок и привилегий.

При этом возникают многочисленные тонкие проблемы, не имеющие однозначных решений. Университет как бюрократический институт предполагает жесткое разграничение частной жизни профессорско-преподавательского состава и студентов. Демократизация отношений тяготеет к размыванию этих границ. Однако это имеет свои пределы. Нормативные требования ролевой дополнительности могут приходить в противоречие с индивидуальным стилем жизни и поведения университетского чиновника или преподавателя. Для того, чтобы разные стили поведения и административного перформанса не создавали серьезных конфликтов, университет нуждается в систематических и довольно сложных социально-психологических исследованиях собственной ролевой структуры [6].

Отличным примером современного вуза может служить Казанский Федеральный Университет. Студенты занимаются не только активной научно-исследовательской работой, но и реализуют себя в самых различных мероприятиях: начиная от участия в различных творческих кружках, заканчивая режиссурой и постановкой концертов.[7] Активное содействие развитию университетскому самоуправлению способствует наличие спортивных комплексов, библиотек, Интернет-портала, множества взаимосвязанных организаций на базе Казанского Федерального Университета [8].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ректор СПбГУП [Электронный ресурс] // — Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов. — Режим доступа: <http://www.gup.ru/uni/rektor/>.

2. Запесоцкий А. С. "Университетское образование в контексте развития культуры" [Электронный ресурс] / Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов. — 2004. — 14 апреля. — Режим доступа: <http://sexology.narod.ru/info132.html>.
3. Там же.
4. Покровский Н. Е. Одиннадцать заповедей функционализма Роберта Мертона // Социологические исследования. — 1992. — № 2.
5. Запесоцкий А. С. "Университетское образование в контексте развития культуры" [Электронный ресурс] / Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов. — 2004. — 14 апреля. — Режим доступа: <http://sexology.narod.ru/info132.html>.
6. Казанский университет // Архив выпусков. — 2014. — № 2 (2735) - № 44 (2777).
7. Там же.
8. Портал Казанского Университета [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kpfu.ru/studentu/tvorchestvo>

Галиуллин М. З.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Государственная политика народного образования
в Республике Индия**

Развитие системы народного образования по государственным планам началось с 1951 г., времени начала действия первого пятилетнего плана. С тех пор блок проблем, связанных с вопросами образования, стал составной частью каждого нового очередного плана социально-экономического развития страны. Главными приоритетами государственного планирования все годы независимости оставалось образование — начальное, высшее и техническое. По мере возникновения более специальных проблем образования они находили отражение в стратегии развития: так, в шестом пятилетнем плане (1980–1985 гг.) впервые была поставлена задача ликвидации неграмотности среди взрослого населения страны и осуществление всеобщего обязательного начального образования. В восьмом плане (1992—1997 гг.) главные акценты были сделаны на развитие женского образования и продовольственной поддержки учащихся начальных школ. В девятом плане (1997–2002 гг.) особое внимание уделяется дошкольному воспитанию (ответственность за него возлагается на местные, городские и сельские органы самоуправления), чтобы сделать его необходимой ступенью для универсализации начального образования в стране, а также всестороннему развитию начального образования [7. С. 397].

1986 г. стал поворотным пунктом в государственной политике в области образования. В этом году парламент Индии одобрил предложенную правительством программу «Национальная политика в области образования» (НПО) и утвердил необходимую для ее осуществления «Программу действий» (ПД). До принятия НПО государственная

политика носила планомерно-регулярный характер без адресно-целевой направленности, отражая представление о достаточно равномерном расширении возможностей получения образования по регионам и социальным группам по мере роста государственных расходов. Новый государственный подход был призван ликвидировать образовавшиеся диспропорции в уровнях образования мужчин и женщин, детей и взрослых, между начальным и средним, гуманитарным и техническим образованием, уровнем грамотности в разных штатах, в городах и деревнях, предотвратить огромный отсев учащихся на разных ступенях обучения. Годы, прошедшие со времени принятия НПО, стали временем бурного «развития» адресных и целевых, общенациональных и штатовских программ в области образования.

Согласно ПД, решение наиболее сложных задач образования должно происходить поэтапно. Так, например, достижение всеобщего и обязательного начального образования в стране (до 8 класса включительно) должно на первом этапе (конец 9-го пятилетнего плана) распространиться до 5 класса, или на первую ступень начальной школы. Важнейшим направлением ПД стала мобилизация общественной поддержки по улучшению школьного обучения. 73-я и 74-я поправки к Конституции Республики вменяют в обязанность всем органам местного самоуправления (панчаятам) нести ответственность за состояние школьного обучения на низовом административном уровне [1].

Одной из первых государственных программ, появившихся после принятия НПО, стала программа «Операция школьная доска», первый этап которой пришелся на шестую и седьмую пятилетки НПО. Она призвана решить острейшую проблему школьных зданий, отсутствия мебели, классных досок, библиотек, лабораторий, учебных пособий, нехватки учителей. На первом этапе предполагалось обеспечить все начальные школы двумя учителями и учебными пособиями (полностью за счет средств центрального правительства) и школьными помещениями (за счет

средств бюджетов штатов). На втором этапе предполагается довести число учителей до 3 человек на школу. С 1987/88 по 1999/2000 гг. учебные пособия получили 523 тыс. начальных школ первой ступени и 127,3 тыс. школ второй ступени. Третий учитель появился в 83 тыс. школ первой ступени и в 75 тыс. школ второй ступени.

В 1984/85 г. был запущен пробный проект «Компьютерная грамотность в школах» в содружестве с Министерством электроники. С 1992/93 г. он стал государственной программой для всей страны. За период 8-го пятилетнего плана (1992—1997 гг.) компьютеры были установлены в 2371 школе. С 1 апреля 1999 г. программа прекратила свое существование, но по инициативе министерства электроники в одиннадцатой пятилетке (2008-2012 гг.) вступила в силу усовершенствованная программа по распространению компьютерной грамотности.

В 1993 г. по инициативе Плановой комиссии разработана программа «Усиление профессиональной ориентации в средних школах». Эта программа пока не получила широкого распространения (центральное правительство переложило финансирование на штаты), хотя большинство штатов проявили в ней большую заинтересованность. Так, в Индоре (Мадхья Прадеш), Висакхапатнаме (Андхра Прадеш) и Лудхьяне (Пенджаб) при средних школах открылись курсы подготовки по пошиву готовой одежды. В задачу программы входит также поиск наиболее талантливых учеников и подготовка их к участию в международных олимпиадах.

НПО предусматривает, что стержнем школьных программ должно быть усиление культурно-национальной составляющей. С одной стороны, программа «Поддержка преподавания культурных дисциплин и национальных ценностей» предполагает увеличение в программах числа дисциплин культурологического плана, с другой — организацию курсов по обучению музыке, танцам, некоторым ремеслам. Это современная

программа, которая продолжает действовать и сегодня. Первые государственные инвестиции в нее были сделаны в 1999/2000 г.

Особое внимание в НПО отводится подготовке учителей как необходимому условию повышения качества образования. С 1987/88 г. действует государственная программа «Реструктуризация и реорганизация подготовки учителей». В соответствии с ней каждый округ должен иметь «Окружной институт подготовки учителей» для начальных школ и системы альтернативного (неформального) обучения и школ для взрослых. В ней нашли отражение и проблемы учительских кадров для средних школ — производится повышение статуса учебных заведений, готовящих кадры для средней школы до уровня колледжей (начальная ступень высшего образования). К 1999 г. 1 млн. 200 тыс. учителей прошли переподготовку в рамках этой программы. Кроме повышения квалификации по преподаванию своего предмета учителя получают необходимые сведения по использованию пособий и оборудования, предоставляемые школам по программе «Школьная доска».

Для достижения всеобщей грамотности прежде всего надо решить проблемы начального образования. По Конституции Республики Индия [6.] на это отводилось 10 лет — к 1960 г. предполагалось, что Индия станет страной, где начальное образование будут иметь все дети в возрасте 6–14 лет [3. С. 213–217]. Однако, и спустя 50 лет эту проблему не удалось разрешить, даже несмотря на успехи, достигнутые в 1990-е гг. Для государственной политики сфера начального образования по-прежнему один из приоритетов: по 9-му пятилетнему плану на него выделяется 58% всех государственных инвестиций на образование. Это самый высокий процент за всю историю пятилетних планов. Самые масштабные и хорошо финансируемые центром программы направлены на совершенствование обучения младших школьников. На рассмотрение парламента вынесена 83-я поправка к конституции, которая объявляет право на обязательное и свободное образование детей 6—14 лет их фундаментальным правом. Хотя

поправка еще не принята, но по рекомендации Национального комитета министров образования штатов объявлена государственная программа «Всеобщий поход за образованием» (Sarva Shiksha Abhiyan) [5.]. Согласно этой программе, к 2003 г. абсолютно все дети 6—14 лет должны посещать какую-нибудь школу, законченное пятилетнее образование должны иметь все дети соответствующего возраста к 2007 г., законченное восьмилетнее образование — к 2010 г.

Одной из основных программ по начальному обучению с 1994 г. стала «Программа начального образования по округам». В ее задачу входит: снижение коэффициента отсева учащихся до 10%, повышение успеваемости на 25%, сокращение разрыва в численности школьников мальчиков и девочек до 5%. Основная территориальная единица для программы — округ, здесь осуществляется планирование, финансирование, мониторинг с привлечением органов местного самоуправления. 85% расходов по программе берет на себя центральное правительство и 15% — правительства штатов. В первую очередь выбираются округа с общим низким уровнем грамотности или низкой грамотностью женского населения. В 1994 г. программа была задействована в 42 округах, в 2000 г. — в 215 округах 15 штатов, в 2010 г. — в 417 округах 26 штатов.

Чрезвычайно важной, особенно в сельской местности, стала государственная программа «Продовольственная поддержка начального образования», или, как ее чаще называют на местах, «Полуденный завтрак» (Mid-day Meals Scheme). Она заработала с 15 августа 1995 г. Чтобы увеличить посещаемость школ самым младшим контингентом учеников (6—11 лет, 1—5 классы), в учебное время их кормят приготовленными на школьной кухне завтраками. Для многих детей из беднейших семей это едва ли не единственная в день гарантированная еда. Это одна из самых дорогостоящих программ центрального правительства, так как надо обеспечить не только бесплатное продовольствие, но и строительство

кухни, услуги повара. В 1999—2000 г. более 99 млн. учеников в 688 тыс. начальных школ гарантированно получали горячее питание в школьное время.

Кроме начального образования активная государственная политика распространяется и на ряд адресных ниш в системе народного образования Республики Индии. После принятия в 1995 г. закона о равных правах для лиц, страдающих физическими или психическими расстройствами, появилась государственная программа «Интегрированное обучение детей-инвалидов». Эта программа работает при 100% финансовом обеспечении из центра в 27 штатах и 5 союзных территориях в 22 тыс. школ для более чем 95 тыс. больных детей в возрасте до 18 лет.

Исключительное значение в 1990-е гг. приобрело направление государственной политики по образованию женщин для придания им равного с остальными членами общества статуса.

По всем социально-экономическим показателям женщины серьезно отставали от мужчин. Особенно тяжелым было положение сельских женщин (сельское население в 1971 г. составляло 80,1%). [4]. Правительство Индии настроено очень решительно, чтобы покончить с традиционной дискриминацией женщин в области образования. Начало было положено в 1989 г. программой «Резервирование для женщин» (Mahila Samakhya). Она развернута в сельских школах 7335 деревень в 51 округе 8 штатов. Чисто женской также является и программа «Строительство пансионатов и общежитий для девочек-школьниц», и направлена она на расширение возможностей получения образования девочек-подростков на ступени средней школы [2].

Требует государственного вмешательства и такая огромная по масштабам и сложности проблема, как ликвидация неграмотности взрослого населения. С 1988 г. действует «Национальная миссия по подъему грамотности». Она ориентирована на обучение азам грамотности более чем 100-миллионного населения в возрасте 13—35 лет, включая

подростков 9—14 лет, не охваченных системой формального обучения. Доминирующие направления состоят в привлечении добровольцев к обучению взрослых, учет местных условий, создание условий для самообразования взрослых по завершению ими очного обучения. Для этого предполагается разворачивать сеть сельских библиотек. На курсах для взрослого населения наряду с общеобразовательными предметами преподаются основы правовых и экономических знаний, основы экологии. Программа была развернута в 556 округах. Более 60% слушателей курсов — взрослые женщины; 22% — представители зарегистрированных каст, 13% — зарегистрированных племен. В 9-м пятилетнем плане основным местом действия этой программы стали 4 северных штата — Бихар, Мадхья Прадеш, Уттар Прадеш, Раджастхан, — где концентрируется главный массив неграмотности в стране.

Особое направление государственной политики — создание условий для получения образования лицам, принадлежащим к зарегистрированным кастам и племенам. Их право на опеку государства, в том числе и в области образования, закреплено в конституции: «Государство будет стоять на страже экономических интересов и развивать образование отсталых слоев общества, и в особенности зарегистрированных каст и племен» (ЗК/ЗП). В целях реализации этого тезиса в стране была введена практика резервирования определенной доли мест для представителей этих слоев в выборных органах, на государственной службе и в учебных заведениях. По закону о резервировании администрация каждого штата сама определяет квоту, выделяемую для ЗК/ЗП в зависимости от местных условий, численности их населения, экономического положения этих слоев и т. п. Однако размер этих квот по решению Верховного суда не должен превышать 50% всех мест.

На протяжении 30 лет в индийском обществе не было открытой оппозиции политике резервирования. Но из-за сложностей, сложившихся в сфере высшего образования, резервирование мест на этой ступени об-

разования для ЗК/ЗП стало вызывать открытую критику, вплоть до кровавых столкновений между сторонниками и противниками резервирования мест в вузах страны. Цели, для которых была введена политика резервирования мест в вузах страны, пока не достигнуты, и эта политика не только не исчерпала себя, а, напротив, нуждается в дальнейшем продолжении и государственной поддержке. И главная причина в том, что большинство представителей непривилегированных слоев населения живет ниже официальной черты бедности, и поэтому, несмотря на резервирование мест, льготы и прочие возможности, лишь очень немногие из представителей ЗК/ЗП могут получить высшее образование ввиду отсутствия финансовой поддержки со стороны своей семьи. В дополнение к практике резервирования в сфере высшего образования после принятия НПО в 103 университетах созданы специальные подразделения для выходцев из ЗК/ЗП. В вузах практикуются также курсы для улучшения лингвистических знаний, в том случае, если абитуриент, ставший студентом, все же не обладает достаточным запасом знаний для начала учебы наравне с другими студентами, ему предоставляется право в течение года пройти курс подготовки.

Государство оказывает поддержку представителям ЗК/ЗП не только в сфере высшего образования, но и на всех уровнях школьного обучения. Так, согласно НПО, в районах, где значительна доля отсталых меньшинств (backward minorities) и ЗК или ЗП, снижены нормы открытия начальных школ: в Индии они составляют 1 школу на 300 человек, проживающих не далее 1 км, для ЗК/ЗП — 200 человек; отменена плата за обучение на первой ступени начального образования (1-5 классы) для школьников из ЗК/ЗП (в некоторых штатах вплоть до 8 класса); предоставляются бесплатные учебники, школьная форма и принадлежности для учебы; в основных государственных программах 1980—90-х гг. есть специальный блок, оговаривающий привилегии для выходцев из ЗК/ЗП в рамках этой программы. Из 43 тыс. ежегодных поощрительных стипендий для

старшеклассников 13 тыс. резервируются за ЗК/ЗП. Для них также создаются учебники на 15 племенных языках [7. С 400].

Правительство страны придает огромное значение ликвидации неграмотности в стране и повышению качества образования. Государственные расходы на образование выросли с 3% ВВП в 1951 г. до 4% в 2010 г. Однако, признается, что для того, чтобы окончательно решить в стране проблему хотя бы только начального образования, надо довести уровень государственных расходов до 6% ВВП. Подводя итог всему вышесказанному, с уверенностью можно сказать, что начиная с 1990-х гг., все большую роль в образовании, особенно в высшем, частному сектору, государство, тем не менее, собирается наращивать свое присутствие во всех звеньях системы народного образования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Constitution of India (Updated upto (Ninety-Eighth Amendment) Act, 2012). <http://lawmin.nic.in/olwing/coi/coi-english/coi-indexenglish.htm> доступ свободный.
2. Empowering Education: the Mahila Samakhya experience. <http://mahilasamakyakarnataka.org/> доступ свободный.
3. Gupta R. K., Sarkar S. C. Overview of Constitutional Law of India. Delhi, 1982. – 587 p.
4. India 1994. A Reference Annual. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India, 1994, p. 13-20.
5. Sarva Shiksha Abhiyan <http://www.slideshare.net/jannap/sarva-shiksha-abhiyan> доступ свободный.
6. The Constitution of India (As on the 1st February, 1990). - Delhi, 1990. – 784 p.
7. Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. / Рук. авторского коллектива. Т. Л. Шаумян. – М: Институт востоковедения РАН, Ариаварта-Пресс, 2005. – 592 с.

Галимова Т.Р.

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Комплексное развитие искусства и искусствоведения в Китае.

Китайская национальная академия искусств

Китайская национальная академия искусств, находящаяся в прямом подчинении Министерству культуры Китайской Народной Республики, является единственной комплексной академической структурой государственного значения, объединяющей в себе научные исследования искусства, образование в сфере искусства и художественное творчество. В тоже время Китайская национальная академия искусств также является крупнейшим высшим учебным заведением Китая в области исследований теории искусства. Академия воспитала целый ряд выдающихся профессиональных ученых и деятелей всех видов китайского искусства современной эпохи.

Китайская национальная академия искусств была основана в 1951 году. В самом начале своего существования ее структура состояла из Института исследования китайской традиционной оперы и драмы, открытого в 1951 году, открытого в 1953 году Научно-исследовательского института живописи и открытого в 1954 году Научно-исследовательского института национальной музыки. Мао Цзедун в свое время в честь открытия первого Института исследования китайской оперы и драмы сделал такую надпись: «Пусть расцветают все цветы, пусть новое придет на смену устаревшему» [1].

Нынешним руководителем института является заместитель министра культуры КНР, исследователь Ван Вэнчжан, который также является директором Центра охраны китайского нематериального культурного наследия.

Сейчас в состав Китайской национальной академии искусств входят: Институт исследования китайской традиционной оперы и драмы, Научно-

исследовательский институт музыки, Научно-исследовательский институт изобразительного искусства, Научно-исследовательский институт кино и телевидения, Научно-исследовательский институт танца, Научно-исследовательский институт драматического театра, Научно-исследовательский институт эстрадного искусства, Институт исследований произведения «Сон в красном тереме», Научно-исследовательский институт теории марксистской культуры и искусства, Научно-исследовательский институт китайской культуры, Научно-исследовательский институт искусства фотографии, Научно-исследовательский институт архитектуры, Центр изучения стратегий развития культуры, Центр исследований политики в сфере искусства, Центр исследований антропологии искусства и другие профессиональные исследовательские структуры.

Китайская национальная академия искусств сосредоточил в себе едва ли не все научные отрасли в области исследования искусства, она является важнейшей профессиональной структурой в изучении теории искусства в Китае. Также в академии есть Институт аспирантуры, Научно-исследовательский институт художественного творчества, Китайский институт изящных искусств, Китайский институт каллиграфии, Китайский институт дизайна, Китайский институт скульптуры, Китайский институт масляной живописи, Китайский институт искусства «чжаньшу», Китайский институт современного искусства и другие творческие структуры. Также в структуре существует издательство культуры и искусства, библиотека и музей прикладного и изобразительного искусства. Академия выпускает 12 журналов [3].

Сейчас в структуре академии работает около 800 сотрудников и 621 исследователя, среди которых 294 старших преподавателя, 71 руководитель докторантуры и 151 ученый, имеющих степень доктора наук. Китайская национальная академия искусств в настоящее время

насчитывает около 800 кандидатов искусствоведческих наук докторской и магистерской степени.

За несколько десятков лет, академия собрала большую группу выдающихся ученых и деятелей искусства, имеющих значительные достижения во всех научных областях и пользующихся большой известностью в Китае и во всем мире - это такие личности как Мэй Ланьфан, Чэн Яньцю, Чжан Гэн, Го Ханьчэн, Хуан Биньхун, Ван Чаовэнь, Цай Жохун, Чжу Дан, Ян Инъю, Моу Тяньжуй, Гэ Ихун, Чжэн Сюэлай, Ву Сяобан, Хоу Баолин, Фэн Циюн, Ли Сифань, Чжоу Жучан, Лу Мэйлинь и другие.

За 63 года существования академия осуществила более 300 масштабных проектов, особо успешные из которых – в области теоретического исследования китайской традиционной оперы и драмы, китайской музыки, китайского изобразительного искусства, китайского танца и китайского кино. По результатам проведенной работы опубликована большая коллекция основополагающих трудов по истории и теории искусства, таких как «Всеобщая история китайской традиционной оперы и драмы», «Исторические наброски по древней китайской музыке», «История изобразительного искусства Китая», «Полное собрание произведений китайского народного изобразительного искусства», «Всеобщая история китайской драмы», «История развития китайского танца», «История развития китайского кино», «История китайской архитектуры», «Теория передовой китайской культуры» и другие.

Помимо решения научно-исследовательских проблем и создания научных трудов, важным содержанием ежедневной научной деятельности академии является чтение лекций, в каждом учреждении в составе учреждения прочитывается более 30 циклов лекций ежегодно. Начиная с 2004 года Китайская национальная академия искусств проводит научный форум на высоком уровне с участием известного писателя Ван Мэна,

известного физика Чжоу Гуанчжао и известного культуролога Чжу Мэнси [2].

Китайская национальная академия искусств также добилась больших результатов в области охраны и изучения нематериального культурного наследия. Искусство куньцзюй (один из локальных жанров традиционной китайской музыкальной драмы) и техника игры на старинной цинь (древняя разновидность цитры в пять струн) успешно вошли в ряд характерных произведений народного устного творчества и нематериального культурного наследия мира, чему способствовал именно Китайская национальная академия искусств, где был сформирован специальный центр охраны нематериального культурного наследия Китая.

В новый период развития Китайская национальная академия искусств строго придерживается линии развития трех направлений: научное исследование искусства, художественное образование и художественное творчество, в планах учреждения стоит формирование «первоклассного в Китае, известного во всем мире» научно-исследовательского центра искусств, образовательного центра искусств и центра международного обмена в сфере искусства.

Главные достижения Китайской национальной академии искусств можно разделить на три сферы: коллекционирование, упорядочение и сохранение данных во всех областях искусства; возвращение высококлассных кадров в области изучения искусства; проведение глубоких исследований теории культуры и искусства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. 中国艺术研究院. Chinese national academy of arts - URL: <http://www.zgysyzy.org.cn/show/zgysyzy/html/index.html>.
2. 中国艺术研究院研究生院. Graduate school of Chinese national academy of arts - URL: <http://www.gscaa.cn/show/zgysyjs/index.html>.

3. 中华人民共和国文化部. Ministry of culture of the people's republic of China – URL: <http://www.mcprc.gov.cn/>.

Гришин Я.Я., Шагалов В.А

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Отделению международных отношений – 20 лет

20 лет назад, в 1994 г. Ученый совет Казанского государственного университета принял решение об открытии новой специальности “международные отношения” 6 декабря 1994 года приказом ректора Казанского государственного университета было образовано Межфакультетское Отделение международных отношений. Его руководителем был назначен профессор Гришин Яков Яковлевич. Отделение работало автономно до мая 2000 г., причем первые три года отбор студентов на отделение проходил из числа уже поступивших в университет на разные факультеты.

В мае 2000 года Ученый Совет КГУ принимает решение о создании нового учебного подразделения - факультета международных отношений и политологии и одновременном открытии кафедры международных отношений, которая становится выпускающей для студентов-международников. Костяк новой кафедры составили наиболее квалифицированные преподаватели университета, преподававшие с первых лет существования отделения международных отношений различные общие и специальные курсы – профессор Имангалиев Р.Н., доцент Белоглазов, доцент А.В., Шагалов В.А., с 2001 года – доцент Пеньковцев Р.В. Заведующим кафедрой стал один из основателей отделения международных отношений профессор Я.Я.Гришин. За несколько лет новый факультет стал ведущим в университете по многим показателям. Тем не менее, структурные изменения затронули и его. 30 июня 2008 г. кафедра международных отношений вместе со студентами отделения вошла в состав Института востоковедения, а с 1 сентября 2013 г. – Института международных отношений, истории и востоковедения. Состав кафедры пополнился новыми членами, которые ранее работали на

кафедре зарубежного регионоведения: профессор И.И.Шарифжанов, доценты Калимонов И.К, Туманин В.Е. и старший преподаватель М.З.Галиуллин. Бессменным заведующим кабинетом в течение более 20 лет является В.Ф.Подольская.

В настоящее время кафедра международных отношений и зарубежного регионоведения является выпускающей кафедрой и осуществляет учебную, методическую и научно-исследовательскую деятельность в области международных отношений и внешней политики, воспитательную и внеучебную работу с обучающимися, а также подготовку и переподготовку педагогических и научных кадров в области международных отношений и внешней политики.

Одной из главных функций кафедры является подготовка специалистов, бакалавров и магистров по международным отношениям и зарубежному регионоведению. В процессе учебы студенты изучают фундаментальные курсы по истории и теории международных отношений, внешней политике, геополитике, дипломатии. Кроме того, они получают хорошую подготовку по двум иностранным языкам. За 20 лет работы Отделения международных отношений велось преподавание следующих языков: турецкого, корейского, персидского, китайского, арабского, японского, а также европейских языков - английского, немецкого, французского, испанского.

Кафедра ведет подготовку специалистов, бакалавров и магистров по международным отношениям и зарубежному регионоведению. В процессе учебы студенты изучают фундаментальные курсы по истории и теории международных отношений, дипломатии, геополитике. Кроме того, они получают хорошую подготовку по иностранным языкам. За 20 лет существования Отделения международных отношений велось преподавание следующих языков: турецкого, корейского, персидского, китайского, арабского, японского, а также европейских языков - английского, немецкого, французского, испанского.

Кафедра всегда уделяла и продолжает уделять большое внимание подготовке научных кадров в аспирантуре. Ежегодно выпускники отделения и выпускники других факультетов, кафедр и институтов поступали на обучение в аспирантуру. Среди них были и граждане иностранных государств (Сэо Дон Чан – Республика Корея, Мехди – Исламская Республика Иран).

В 2003 г. прошла первая успешная защита кандидатской диссертации выпускницы отделения международных отношений Людмилы Девятовой. Вслед за ней кандидатами стали Камиль Нургалиев, Сергей Неделько. В 2009 году кандидатскую диссертацию защитили еще несколько наших выпускников, среди которых третий секретарь посольства РФ в Турции Б. Биктимиров. В целом, начиная с 2003 года, кандидатами наук стали свыше 40 выпускников нашей кафедры.

Часть выпускников отделения международных отношений проходили и проходят подготовку в аспирантуре на кафедрах университета, других вузов Казани и городов России, а также в магистратурах Москвы, Оксфорда, Сорбонны, Берлина, Стамбула, Сингапура и т.д.

Выпускники кафедры международных отношений работают в Центральном аппарате МИД РФ и в зарубежных дипломатических представительствах Австрии, Канады, Киргизии, Конго, Мали, Нигерии, Непала, Северной Кореи, Турции, Таджикистана, Туркменистана, Чада, ЮАР, Конго, Швейцарии, Франции. Часть нашли работу в структурах правительства РФ, ЮНЕСКО (представительство в РФ), ФСБ (Москва), мэрии г. Москвы, а также Республики Белоруссии, Чеченской республики, Кабардино-Балкарии, в структурах Кабинета Министров РТ, Аппарата Президента РТ, в мэрии. Наши выпускники работают также на различных государственных и негосударственных предприятиях, таких как Газпром, Газпромнефть, Татнефть, Вертолетный завод, Нижнекамскнефтехим,

ТАИФ. В настоящий момент при кафедре проходят подготовку 16 аспирантов и 1 соискатель.

Важнейшим функцией кафедры является научно-исследовательская работа. Члены кафедры проводят исследования в рамках утвержденного научного направления – проблемы международных отношений и внешней политики. За годы работы кафедры ими были опубликованы десятки монографий, более сотни научных статей, в том числе в зарубежных изданиях, индексируемых в Scopus и WOS.

Преподаватели кафедры активно участвуют в научных и научно-практических конференциях различного уровня (университетских, региональных, всероссийских, международных).

Студенты отделения также принимают активное участие в научно-исследовательской работе, как в рамках студенческого научного общества, так и в индивидуальном порядке. Так, например, председатель Студенческого научного общества студентка 5 курса отделения международных отношений Лилия Ромадан в 2012 была награждена грамотой за лучший доклад на Международной научной конференции «Ломоносов -2012» и является ее постоянным участником. Студенты отделения также опубликовали ряд статей в научных журналах. Ежегодно наши студенты активно участвуют в итоговой студенческой научной конференции.

Целый ряд студентов проходили и проходят в настоящее время языковые стажировки в Хунаньском педагогическом университете (КНР), Тегеранском университете (Иран), Мармарском университете (Турция), Гиссенском, Берлинском университетах (ФРГ), Университетах Японии, Франции, Великобритании, Ю. Кореи.

Отделение установило научные контакты с Научно-образовательным форумом по международным отношениям, Центром Изучения проблем европейской безопасности (ИНИОН РАН), Центром политических исследований в России. Многолетнее сотрудничество связывает отделение

с вузами России: МГИМО, Дипломатической Академией МИД РФ, Институтом Латинской Америки, Нижегородским университетом, Уральским университетом, Арзамасским педагогическим институтом, Самарским университетом, Пермским университетом. Заведующий кафедрой проф. Гришин Я.Я. является членом РАМИ (г. Москва), членом ассоциации исследователей ибероамериканского мира.

Оригинал-макет – А. Р. Тухватуллина

Полписано в печать . Усл. печать л. 19,75. Тираж 300 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5. Тел.: (843) 292-95-68, 292-18-09.